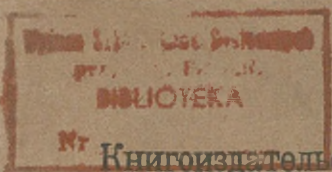

Grey Scale #13

A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

170

Поль Луи.

ФРАНЦУЗСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

И

ДѢЯТЕЛИ XIX В.

Пер. съ франц. Н—на.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяческая, 39.
1905.

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

Inches
Centimetres
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

Библиотека
BIBLIOTEKA
№

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

170

170

Поль Луи.

ФРАНЦУЗСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

И

ДѢЯТЕЛИ XIX В.

Пер. съ франц. Н—на.

Цѣна 35 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяческая, 39.
1905.

93

170.

ФРАНЦУЗСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

И ДѢЯТЕЛИ XIX В.

DEPARTMENT OF AGRICULTURE

PLANT INDUSTRY DIVISION

Книгоиздательство „МОЛОТЪ“.

3ML3

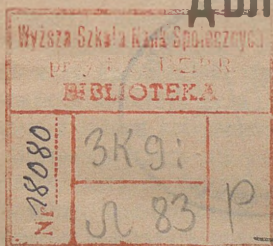
Поль Луи.

Л 839

ФРАНЦУЗСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

И

ДѢЯТЕЛИ XIX В.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія товарищества „Общественная Польза“. Б. Подъяческая, 39.

1905.

301 (097)

Дозволено Цензурою. Одесса, 23 Июля 1905 года.

В В Е Д Е Н І Е.

Въ настоящемъ трудѣ мы задаемъ цѣлью прослѣдить развитіе социалистическихъ теорій во Франціи, начиная съ паденія «старого режима», точнѣе — съ заговора «*Равныхъ*».

Въ предшествующемъ нашемъ трудѣ ¹⁾ мы пытались дать очеркъ зарожденія и развитія социализма за послѣднія сто пятьдесятъ лѣтъ. Мы тамъ главнымъ образомъ останавливались на выдающихся событіяхъ, на тѣхъ именно, которыя отмѣчены въ исторіи выступленіемъ на сцену новаго класса, прозваннаго нѣкоторыми «четвертымъ сословіемъ». Попытка Бабефа (Babeuf), ліонское возстаніе 1831 г., июльскіе дни 1848 г., коммуна 1871 г., занимаютъ значительное число страницъ. И хотя изложеніе теорій не было нами опущено, хотя Сень-Симонъ, Фурье, Луи-Бланъ, Прудонъ не были забыты, — созданныя и защищаемыя ими теоріи приводились нами лишь для того, чтобы подготовить читателя къ крупнымъ столкновеніямъ социальныхъ группъ. Какъ можно объяснить іонскіе дни, не будучи знакомымъ съ умственнымъ движеніемъ и съ пропагандой, которая велась послѣ 1840 г.? Какъ можно понять парижскую коммуну, если исключить моральное вліяніе Маркса, Прудона, Вланки и дебаты конгрессовъ «Международнаго Общества рабочихъ»?

Настоящій трудъ мы посвящаемъ исторіи развитія мысли. Мы намѣрены показать, какъ во Франціи зародилось большинство теорій, доминирующихъ надъ всѣмъ пролетарскимъ движеніемъ, какъ во Франціи, такъ и внѣ ея. Интересно прослѣдить появленіе, до Маркса и Лассаля, первыхъ критиковъ капитализма, первыхъ выводовъ, касающихся промышленнаго развитія, первыхъ теорій преобразования общества, предложенныхъ въ большинствѣ случаевъ буржуазными мыслителями.

Невозможно, въ самомъ дѣлѣ, читать Фурье или Пьеръ-Леру, Консидерана или Пекера безъ того, чтобы не провести полной аналогіи между нѣкоторыми изъ ихъ выводовъ и болѣе всесторонне разработанными положеніями марксизма. Не авторомъ «Капитала» была открыта борьба классовъ или прогрессирующая концентрація промышленности, или прибавочная стоимость капита-

¹⁾ Histoire du Socialisme français. Paris.

листа; не Лассаль открылъ «железный законъ» заработной платы. И Марксъ и Лассаль имѣли въ этомъ отношеніи своихъ предшественниковъ, большинство которыхъ—французы, жившіе въ первую половину XIX вѣка.

Нѣмецкій социализмъ отличается отъ французскаго своей логической координативной, научностью, болязнью передъ всякой фразеологіей. Въ немъ отсутствуетъ также деизмъ, преобладавшій у насъ до 1848 г. Онъ основывается не на идеалистическихъ началахъ права и справедливости, а на точныхъ фактахъ и экономическихъ анкетахъ. Контрастъ между этими двумя направленіями такъ ясенъ, такъ поразителенъ, что даже наименѣе опытный глазъ можетъ его открыть въ нѣкоторыхъ документахъ, какъ, напримѣръ, въ манифестѣ «Международнаго Общества Рабочихъ», гдѣ они пытались слиться, но на дѣлѣ продолжали существовать рядомъ, какъ отдѣльныя направленія.

Нѣмецкій социализмъ всецѣло резюмируется въ одномъ сочиненіи, и это сочиненіе—«Капиталъ» Маркса. «Коммунистическій манифестъ» 1848 года, какъ бы полонъ онъ ни былъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ также представляетъ собою совокупность идей, преобладавшихъ въ теченіе болѣе 50 лѣтъ въ средѣ революціоннаго пролетаріата по ту сторону Рейна. И авторъ этого важнаго и единственнаго въ своемъ родѣ документа не кто иной, какъ мыслитель, нѣсколько позднее выпустившій въ свѣтъ свой «Капиталъ». Французскій социализмъ, напротивъ, разсѣянъ въ многочисленныхъ книгахъ и брошюрахъ. Луи-Бланъ и Прудонъ, тенденціи которыхъ находились между собою въ непримиримомъ противорѣчьи, не разъ ругали другъ друга. Между Фурье и Сень-Симономъ существуетъ то же различіе, что между абсолютной свободой и теократической диктатурой, — и такихъ примѣровъ не мало. Никто у насъ не можетъ похвастать тѣмъ (какъ на то имѣетъ право Карлъ Марксъ въ Германіи), что олицетворяетъ и синтезируетъ въ себѣ всю социалистическую литературу обширной эпохи.

Эта литература была у насъ чрезвычайно богата въ первую половину XIX вѣка. Вторая половина этого вѣка ничего не прибавила къ умственному багажу первой половины. Июньскіе дни—это настоящая демаркаціонная дата. Начиная съ 1848 года, мы главнымъ образомъ питаемся германскою теоріей, очень часто, впрочемъ, замѣняя экономической матеріализмъ Маркса и Энгельса идеализмомъ, являющимся отличительнымъ признакомъ французскаго, или, вѣрнѣе, латинскаго генія. Неоспоримъ, впрочемъ, фактъ, что этотъ идеализмъ, облеченный въ мантию пышнаго краснорѣчія, ослабилъ научный характеръ социализма. Но здѣсь не мѣсто разбирать этотъ вопросъ.

Въ то время какъ во Франціи теорія какъ бы застыла или же, въ лучшемъ случаѣ, находила себѣ только комментаторовъ,—въ Германіи она не переставала пополняться, приобрѣтала большую точности, развиваться, соприкасаясь съ экономической дѣйствительностью. Какого мыслителя или какого писателя могли бы мы противопоставить въ настоящее время Каутскому, который, терпѣливо и старательно перебирая по пунктамъ положенія Маркса, поочередно примѣняетъ ихъ ко всѣмъ областямъ общественной жизни?

Во Франціи замѣчается лишь чрезвычайно слабая тенденція разрѣшить важные вопросы, связанные съ установленіемъ,—мирнымъ или насильственнымъ путемъ,—коллективистскаго или коммунистическаго общества и съ организаціей новой формы собственности, производства и распредѣленія.

Но если въ настоящее время социалистическая мысль у насъ не такъ мощна, не такъ плодотворна, какъ прежде, если, какъ и пролетаріатъ всѣхъ прочихъ національностей — отъ Японіи до Аргентинской республики и отъ Даніи до Сербіи,—мы стоимъ на точкѣ зрѣнія теорій, берущихъ свое начало отъ «Коммунистическаго манифеста» или отъ «Капитала» Маркса, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны забыть наше прошлое. Какъ въ умственной, такъ и въ матеріальной области, Франція выполнила великую задачу. Мы постараемся дать отчетъ того, что было сдѣлано французскими писателями, начиная отъ Вабёфа и кончая нашими современниками, ограничившимися популяризаціей общепринятыхъ принциповъ. Читатель тогда увидитъ, до какой степени была значительна и достойна вниманія наша доля въ общей работѣ. Слѣдуетъ отдавать каждому должное, и просто въ интересахъ исторической правды необходимо указать на роль каждой націи въ образованіи международнаго социализма.

Стоитъ нѣсколько ближе познакомиться съ идеями и съ фактами, чтобы обнаружить, насколько неосновательны обвиненія, возводимыя на теоретиковъ социализма консервативными писателями. Въ новѣйшемъ сочиненіи «Psychologie du Socialisme» г. Лебонъ обвиняетъ коммунистовъ въ крайней измѣнчивости ихъ утвержденій и въ догматическомъ, даже религіозномъ характерѣ ихъ ученія. Онъ долго развиваетъ эти два обвиненія, нисколько не замѣчая того, что каждое изъ нихъ исключаетъ другое.

Что касается «измѣнчивости», то ее можно встрѣтить въ самой классификаціи давныхъ, на которыя ссылается теорія. Но это не затрагиваетъ самыхъ основъ марксизма. Когда г. Лебонъ и многіе другіе кричатъ о банкротствѣ социализма (какъ пріятно объявить другому банкротомъ!), говорить о крушеніи марксизма, то они крайне ошибаются. Не важно, впрочемъ, дѣлаютъ ли они это сознательно или бессознательно. Можно подвергать суду критики формулированныя Марксомъ законы — такова даже обязанность каждаго; можно ихъ и обсуждать, но это еще не значить, что слѣдуетъ ихъ отвергнуть или выставить ихъ въ смѣшномъ видѣ. Нѣкоторыя пророчества автора «Капитала» были опровергнуты фактами; промышленная или сельскохозяйственная концентрація совершается медленнѣе, чѣмъ это думалъ Марксъ: экономическіе кризисы не достигли еще тѣхъ крайнихъ размѣровъ, какіе онъ предсказывалъ, но ничто не доказываетъ, что эта промышленная концентрація не сдѣлается въ одинъ прекрасный день почти полной, или что кризисъ небывалой остроты не перевернетъ вверхъ дномъ всѣхъ общественныхъ устоевъ. Какъ бы то ни было, никому до сихъ поръ не удалось доказать ошибочности закона концентраціи; никто не осмѣлился утверждать, что кризисы перепроизводства навсегда вычеркнуты изъ страницъ исторіи.

Можно найти и другія, еще болѣе странныя утверженія у противниковъ социализма. Нѣкоторые изъ нихъ противопоставляютъ демократіи пролетарскія требованія, какъ будто послѣднія не являются логическимъ завершеніемъ первой; бывають и такіе, которые воспроизводятъ старыя обвиненія въ тиранинн, какъ будто свобода можетъ существовать въ обществѣ, гдѣ никто не свободенъ въ выборѣ занятій, гдѣ никто, даже самый богатый, не можетъ быть увѣренъ, что у него завтра будетъ, что ѣсть; существуютъ и такіе господа, которые упрекають буржуазію въ томъ, что она слишкомъ ударяется въ гуманитаризмъ, что она содѣйствуетъ расцвѣту коммунистическихъ утопій; но эти господа забываютъ, что эта робкая, но неоспоримая эволюція одной части господствующаго класса диктуется ей ея болѣе яснымъ пониманіемъ тенденціи историческаго развитія; встрѣчаются, наконецъ, люди, оспаривающіе антагонизмъ классовъ, въ то время, какъ все въ ихъ образѣ мыслей, привычкахъ, интимныхъ чувствахъ, свидѣлствуетъ о глубокомъ дѣленіи общества на два противоположныхъ, неодинаковыхъ по численности класса.

Мы уже предпочитаемъ грубую откровенность Лебона, который, по крайней мѣрѣ, признаетъ, что борьба классовъ не есть простая абстракція: «Это безусловно болѣе жестокая борьба, чѣмъ та, которая велась между давнишними кастами». Заслуга этого писателя состоитъ еще въ томъ, что онъ открыто высказываетъ свои взгляды, когда, ссылаясь на знаменитое письмо Маколея, предсказываетъ безпощадное истребленіе социалистической арміи: «Эта война будетъ собою напоминать, но въ гораздо большемъ масштабѣ, истребленіе варваровъ, произведенное римскимъ полководцемъ Маріемъ. Только цѣной подобныхъ гекатомбъ возможно будетъ спасти священное дѣло независимости человѣка и прогресса цивилизаціи, отъ которой нѣкоторые народы готовы, повидимому, теперь отказаться».

Послѣ того, какъ прочтешь эти дикія фразы, въ которыхъ скрываются страсти крестовыхъ походовъ, — умъ съ особеннымъ удовольствіемъ отдохнетъ на спокойной діалектикѣ мыслителей социализмъ. Можно прослѣдить всю серію этихъ мыслителей, отъ Фурье до Малона, отъ Пекѣра до Маркса, отъ Кабе до Каутскаго или до Аври Жоржа, — ни у кого изъ нихъ нельзя найти проповѣди рѣзвн. И если нашихъ писателей 1840-хъ гг. можно упрекать въ излишкѣ идеализма, то мы напрасно стали бы искать въ ихъ трудахъ призыва къ ужасамъ первобытнаго человѣчества. И даже тѣ, кто считаетъ революцію неизбѣжной, тѣ, кто полагаетъ, что пролетаріату, на порогѣ его побѣды, придется отвѣтить на попытку государственнаго переворота насиліемъ, — даже тѣ ограничивають всегда употребленіе силы предѣлами законной самозащиты.

Настоящая книга будетъ состоять изъ двухъ неравныхъ частей. Въ первой части мы прослѣдимъ историческое развитіе теорій на протяженіи XIX в.; во второй части мы постараемся дать точную формулировку выводовъ, къ которымъ приходитъ социализмъ въ настоящій моментъ. Намъ, такимъ образомъ, придется собрать мнѣніе иностранныхъ писателей; но международный характеръ социалистическихъ идей до такой степени ясенъ въ настоящее

время,—кромѣ того, идеи эти получили такое широкое и однородное развитие на обоихъ полушаріяхъ, что было бы смѣшно и невозможно поступить иначе. Послѣ того, какъ мы прослѣдимъ умственную работу, выполненную французами, мы должны будемъ показать, какъ она переплеталась съ умственной работой всѣхъ прочихъ народовъ. Всякая другая метода противорѣчила бы исторической правдѣ и здравому смыслу.

Пусть настоящая книга покажетъ пролетаріямъ, что идеи, которыя они защищаютъ всѣми силами своей души, не вчерашняго происхожденія, что онѣ, наоборотъ, выковывались на огнѣ событий и непрерывно приспособлялись къ экономической эволюціи капиталистическаго міра. Пусть этотъ трудъ покажетъ также консерваторамъ, что социалисты не представляютъ собой ни жадущихъ крови варваровъ, ни неистовыхъ сторонниковъ систематическаго разрушенія,—а что они, совершенно напротивъ, люди, стремящіеся къ установленію лучшаго общественнаго строя, стремящіеся сдѣлать человѣчество болѣе свободнымъ, менѣе подчиненнымъ природѣ и организованнымъ на болѣе научныхъ началахъ. Соціализмъ ведетъ борьбу противъ учреждений, а не противъ личностей.

Бабефъ и его школа.

I.

Трудно отдѣлать Бабефа отъ его товарищей по борьбѣ. Не всѣ важнѣйшіе документы заговора 1796 г. принадлежать его перу: «Манифестъ Равныхъ», въкоторыя изъ положеній котораго были отвергнуты Бабефомъ, былъ написанъ Сильвенъ-Маршалемъ (Sylvain Maréchal). «Analyse de la Doctrine» только внушенъ Бабефомъ и одобренъ имъ. Впрочемъ, неважно, принималъ ли Граксъ ¹⁾ участіе или нѣтъ въ редакціи документовъ: *Acte d'insurrection* и *Analyse*, точно такъ же, какъ и *Décret organiques*, вѣрно отражаютъ его идеи. Но было бы несправедливо приписать исключительно ему всю совокупность положеній, которыя были разработаны цѣлой группой. Онъ остается только главнымъ работникомъ заговора 1796 г. и главой тогдашняго коммунизма. Именно за это Верховный судъ осудилъ его на смертную казнь.

Мы не намѣрены останавливаться здѣсь ни на біографіи Бабефа, ни на исторіи заговора. Слѣдуетъ только отмѣтить, что Граксъ, въ отличіе отъ социалистовъ времени Реставраціи, придавалъ больше значенія непосред-

¹⁾ Такъ называли Бабефа.

ственнымъ дѣйствіямъ, нежели приведенію въ стройную систему экономическихъ или моральныхъ теорій. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, существуетъ поразительное сходство между нимъ и Бланки, унаслѣдовавшимъ методъ его борьбы, а также направленіе его мысли.

Жизнь Бабефа—это одна изъ наиболѣ сложныхъ и наиболѣ бурныхъ жизней, которыя когда-либо существовали. Долгое время думали, что онъ лишь къ концу жизни перешелъ на сторону коммунизма, послѣ того, какъ въ продолженіе первыхъ лѣтъ революціи онъ боролся съ наиболѣ передовыми фракціями. На самомъ дѣлѣ, онъ могъ вести борьбу съ нѣкоторыми депутатами Конвента и даже рѣзко критиковать нѣкоторые ихъ поступки, но въ сущности онъ не измѣнилъ своего мнѣнія относительно лучшей общественной организаціи. Еще въ 1787 г. онъ предложилъ слѣдующій вопросъ Dubois de Fosseux: «Каково было бы при современномъ состояніи положительныхъ знаній положеніе народа, общественныя учрежденія котораго отличались бы тѣмъ, что между всѣми безразлично членами общества существовало бы полнѣйшее равенство, что земля не принадлежала бы никому въ частности, а составляла бы общественную собственность и, наконецъ, все, — не исключая и производства и всякаго рода промышленности,—дѣлалось бы сообща?»

Заговоръ 1796 г. ждетъ еще своего историографа. Наиболѣе подробно изложеніе этого историческаго эпизода, трудъ Адвіеля (Advielle), не отличается ни стройностью, ни ясностью, и если нельзя отрицать того, что авторъ оказалъ огромную услугу обществу, собравъ воедино всѣ важныя документы, то, съ другой стороны, слѣдуетъ указать, что въ его изложеніи красной нитью проходитъ странное желаніе: представить Бабефа менѣе революціоннымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

II.

Необходимо возстановить историческую обстановку заговора и разныхъ прокламацій, возвѣстившихъ его возникновеніе. Коммунистическое движеніе возникаетъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда, по выраженію Бабефа, «республика богачей ослѣпяла міръ своимъ блескомъ». 1796 г.—это какъ разъ тотъ годъ, когда Директорія, это дѣтище термидорской реакціи, пытается разрушить то, что было сдѣлано Конвентомъ. Новая конституція отодвигаетъ на задній планъ демократію; лица, стояція во главѣ правительства, поддерживающія ихъ котеріи, окружающіе ихъ интриганы,—всѣ болѣе предрасположены къ гоненіямъ на республиканцевъ, чѣмъ къ борьбѣ съ роялизмомъ. Открывается эра крупныхъ дѣлъ; разнаго рода спекулянты и ажіотеры, преслѣдовавшіеся въ періодъ террора, опять поднимаютъ голову. Спекуляціи съ національными имуществами, которыя поощряются и практикуются самими властями, не исключая и высшаго совѣта, приводятъ Францію къ денежной горячкѣ того времени.

Сторонникамъ Бабефа не трудно было себя выставить, какъ прямыхъ наслѣдниковъ 1789 или 1793 г. для того, чтобы противопоставить господствовавшей развращенности чистоту и простоту нравовъ начала якобинской революціи. Въ области политической имъ легко было связать себя со столь популярной конституціей 1 года; что же касается области экономической, то они идутъ гораздо дальше реформаторовъ эпохи Робеспьера; они не довольствуются, какъ Сенъ-Жюсть и Колло д'Эрбуа, требованіемъ болѣе равномернаго распредѣленія богатствъ; они не останавливаются на заявленіи Максимилиана, что собственность есть общественный договоръ, способный, какъ всякій другой законъ, какъ всякое другое учрежденіе, развиваться,—они мужественно и рѣшительно бросаютъ вызовъ предложенному Левассеромъ и Барреромъ и принятому Конвентомъ (25 февраля 1793 г.) закону, угрожающему смертной казнью тѣмъ, «кто предложилъ бы «аграрный законъ» или всякую другую мѣру, имѣющую цѣлью уничтоженіе богатствъ». Съ перваго же момента «доктрина Равныхъ» порываетъ съ основной экономической тенденціей Революціи, стремившейся къ упроченію мелкой земельной собственности.

III.

Возрѣнія Бабефа и его товарищей по борьбѣ разсѣяны въ четырехъ важнѣйшихъ документахъ: 1) Манифестъ Равныхъ; 2) Анализъ Доктрины; 3) Актъ возстанія и 4) Декреты. вмѣсто того, чтобы ихъ резюмировать, рискуя при этомъ извращать мысли авторовъ, мы предпочитаемъ воспроизвести эти документы, опуская лишь тѣ мѣста, которыя были бы совершенно бесполезны для пониманія системы.

«Манифестъ Равныхъ».

«Французскій народъ! Въ теченіе дѣлныхъ пятнадцати вѣковъ ты жилъ рабомъ, а слѣдовательно, въ горѣ и несчастіи. Только въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ ты сталъ нѣсколько свободнѣе дышать, въ ожиданіи независимости, счастья и равенства.

«Равенство! Это первое требованіе природы! Это первая потребность человека и главное связывающее звено всякаго законнаго общества! Французскій народъ! Ты не менѣе несчастенъ, чѣмъ всѣ прочія націи, прозябающія на несчастномъ земномъ шарѣ. Всегда и всюду несчастный человѣчскій родъ, отдавннй во власть болѣе или менѣе ловкихъ людодовъ, служилъ игрушкой для всевозможныхъ проявленій властолюбія, служилъ пищей для тиранніи.

Всегда и всюду людей ублаживали красивыми словами, никогда и нигдѣ слово не сопровождалось дѣломъ. Съ незапамятныхъ временъ намъ лицемѣрно повторяютъ: люди—братья, и съ незапамятныхъ же временъ наиболѣе унизительное неравенство тяготѣетъ надъ человѣческимъ родомъ. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ гражданскія общества, принципъ равенства, это прекраснѣйшее достояніе человѣка, никѣмъ не оспаривался, но до сихъ поръ онъ не могъ когда либо осуществиться на дѣлѣ. Равенство оставалось не чѣмъ инымъ, какъ прекрасной и безплодной фикціей закона.

«Теперь же, когда громче, чѣмъ когда либо, требуютъ его осуществленія, намъ отвѣчаютъ: «Замолчите, несчастные! фактическое равенство—одна лишь химера; вы должны довольствоваться условнымъ равенствомъ: всѣ вы равны передъ закономъ. Чего вамъ еще нужно, мерзавцы?»—Чего намъ еще нужно? послушайте же и вы, законодатели, богачи-собственники!

«Мы всѣ равны, не правда-ли? Принципъ остается неоспоримымъ, ибо только человѣкъ, охваченный безуміемъ, можетъ серьезно утверждать, что наступила ночь, когда кругомъ сіяетъ день.

«Французская Революція—это только предвѣстница другой, болѣе крупной, болѣе величественной революціи, которая и будетъ послѣдней.

«Народъ возсталъ противъ королей и противъ священниковъ, соединившихся противъ него. Онъ точно такъ же поступитъ и съ новыми тиранами, съ новыми политическими Тартюфами изъ праваго крыла бывшихъ дворянъ.

«Чего намъ еще нужно, кромѣ равенства правъ?»

«Намъ нужно не только это равенство, написанное въ деклараціи правъ человѣка и гражданина: мы требуемъ, чтобы оно существовало среди насъ, подъ крышей нашихъ домовъ...

«Законодатели и правители! вы, въ комъ такъ же мало изобрѣтательности, какъ и добросовѣстности! безсердечные богачи-собственники! Напрасно вы пытаетесь скомпрометтировать наше святое дѣло, говоря: они (бабувисты) только повторяютъ старое, неоднократно выставлявшееся ихъ предшественниками требованіе «аграрнаго закона».

«Замолчите же, наконецъ, клеветники, и въ смущенномъ молчаніи выслушайте наши требованія, диктуемые природою и основанныя на справедливости.

«Аграрный законъ, или раздѣлъ деревень, былъ минутнымъ желаніемъ нѣсколькихъ безпринципныхъ солдатъ, черни, которой руководилъ скорѣе инстинктъ, нежели разумъ. Мы же стремимся къ чему-то болѣе возвышенному и болѣе справедливому: мы стремимся къ общему благу или къ общности благъ. Земля не принадлежитъ никому. Мы требуемъ общиннаго пользованія плодами земли: плоды принадлежатъ всѣмъ.

«Мы заявляемъ, что не можемъ больше мириться съ тѣмъ, чтобы огромное большинство людей въ потѣ лица своего трудилось, создавая роскошь для ничтожнаго меньшинства.

«Слишкомъ долго какой нибудь милліонъ личностей присваивалъ себѣ то, что по праву принадлежитъ двадцати милліонамъ имъ равныхъ.

«Эта вопіющая несправедливость, которой наши потюпки съ трудомъ повѣрятъ, должна быть, наконецъ, уничтожена!

«Долой возмутительныя различія между богатыми и бѣдными, между сильными и слабыми, между господами и слугами, между управителями и управляемыми!

«Французскій народъ!

«Мы тебѣ заявляемъ: святое дѣло, предпринимаемое нами, не имѣетъ другой цѣли, какъ положить конецъ гражданскимъ междуусобицамъ и общественной нищетѣ.

«Никогда еще не была поставлена и выполнена болѣе широкая задача. Отъ времени до времени нѣсколько гениальныхъ людей, нѣсколько мудрецовъ, заговаривали объ этомъ тихимъ и дрожащимъ голосомъ: ни у кого изъ нихъ не хватало мужества высказать всю правду.

«Пробилъ часъ рѣшительныхъ мѣръ. Зло достигло своего апогея. Оно наполняетъ весь міръ. Хаосъ, называющійся политикой, господствуетъ повсюду. Порядокъ долженъ быть восстановленъ! Пусть начала справедливости и счастья сплотятся воедино во имя равенства! Насталъ моментъ основать республику равныхъ—этотъ гостепріимный домъ, двери котораго широко открыты для всего человѣчества. Наступили дни всеобщаго возрожденія. Вы, страждущіе! придите и займите мѣсто за общимъ столомъ, уготовленнымъ природой для своихъ дѣтей!

«Французскій народъ! Какую конституцію ты отнынѣ долженъ призвать? Ту, которая цѣликомъ основана на дѣйствительномъ равенствѣ. Только такая конституція въ состояніи удовлетворить всѣ твои желанія.

«Аристократическія партіи 1791 и 1795 г.г. скорѣе ковали твои цѣпи, чѣмъ разбивали ихъ. Конституція 1793 г. была крупнымъ шагомъ впередъ по пути къ равенству. Никогда еще не подходили къ нему такъ близко; но и эта конституція не подходила вполноту къ самой цѣли, не положила начала всеобщему счастью, хотя и торжественно провозгласила этотъ великій принципъ.

«Французскій народъ! Открой твои глаза и твое сердце, чтобы добиться полнаго своего благоденствія. Провозгласи вмѣстѣ съ нами республику равныхъ!»

«Актъ возстанія» болѣе кратокъ.

Вотъ главные его пункты:

- 1) Народъ возсталъ противъ тиранніи.
- 2) Цѣль возстанія—это восстановленіе конституціи 1793 г., восстановленіе свободы, равенства и всеобщаго счастья. (Пункты 3—9 относятся къ организаціи возстанія; пункты 10 и 11 касаются низверженія существующей власти).
- 12) Всякое сопротивленіе возстанію будетъ немедленно подавлено силой. Виновные въ сопротивленіи будутъ казнены.

13) Смертной казни подлежат также всѣ тѣ, кто забьют тревогу, и иностранцы, которые будутъ находиться на улицахъ.

14) Всякаго рода жизненные припасы будутъ доставлены для народа на общественныя площади.

15) Всѣ булочники будутъ обязаны непрерывно готовить хлѣбъ, который будутъ бесплатно раздавать народу.

16) Народъ не успокоится раньше, чѣмъ низвергнетъ тираническое правительство.

17) Имущества эмигрантовъ и всѣхъ враговъ народа будутъ немедленно розданы защитникамъ отечества. Всѣ безпріютные въ предѣлахъ республики будутъ немедленно помѣщены въ домахъ измѣнниковъ.

18) Общественная и частная собственность отдаются подъ охрану народа

19) Завершеніе дѣла революціи будетъ поручено національному собранію въ которомъ каждый департаментъ будетъ представленъ однимъ демократомъ

«Анализъ доктрины» былъ одобренъ самимъ Бабефомъ. Этотъ документъ состоитъ изъ извѣстнаго числа положеній или пунктовъ:

1) Природа дала каждому человѣку одинаковое право пользоваться всѣми благами.

2) Цѣль общества—защитить это равенство и увеличить, при участіи всѣхъ гражданъ, количество общихъ благъ.

3) Природа наложила на каждого человѣка обязанность работать; никто не могъ освободиться отъ труда, не совершивши при этомъ преступленія.

4) Трудъ и блага должны быть общими.

5) Гнетъ существуетъ тамъ, гдѣ одни изнуряютъ себя трудомъ и всевозможными лишеніями въ то время, какъ другіе утопаютъ въ роскоши, ничего не дѣлая.

6) Никто не могъ, не совершивъ преступленія, присвоить въ свою исключительную собственность богатства, земли или промышленности.

7) Въ благоустроенномъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ.

8) Богачи, не желающіе отказаться отъ излишка въ пользу неимущихъ, являются врагами народа.

9) Никто не можетъ, путемъ сосредоточенія всѣхъ богатствъ, лишить другого образованія, которое ему необходимо для его благополучія: образованіе должно быть общимъ.

10) Цѣль революціи заключается въ уничтоженіи неравенства и въ устройствѣ всеобщаго счастья.

11) Революція еще не кончена, потому что богачи все еще поглощаютъ всѣ богатства и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ всю власть, въ то время, какъ бѣдняки работаютъ, какъ настоящіе рабы, томятся въ нищетѣ и не пользуются никакимъ значеніемъ въ государствѣ.

12) Конституція 1793 г.—это истинный законъ французовъ, потому что народъ торжественно ее провозгласилъ.

«Декреты» опредѣляютъ организацію общества послѣ того, какъ восторжествуетъ возстаніе.

Полицейскій декретъ.—1. Лица, ничего не дѣлающія для отечества, не пользуются никакими политическими правами.

2. Не дѣлаютъ ничего для отечества тѣ, кто ему не служитъ какимъ нибудь полезнымъ трудомъ.

3. Законъ считаетъ полезнымъ трудомъ: земледѣліе, техническое и ручное искусства, продажу въ розницу (мелкую торговлю), транспортъ, военные дѣйствія, обученіе, научный трудъ.

Экономическій декретъ.—1. Устанавливается большая національная община.

2. Этой общинѣ принадлежать всѣ непроданныя національныя имущества, собственность враговъ революціи, общественныя зданія, имущества общинъ, дома прирѣвья, имущества, оставленныя ихъ собственниками или несправедливо захваченныя разбогатѣвшими чиновниками.

3. Право наслѣдства уничтожается. Послѣ смерти собственника его имущества переходятъ къ общинѣ.

8. Общинныя имущества эксплуатируются сообща.

9. Община предоставляетъ всѣмъ равное, честное, безбѣдное существованіе. Она имъ даетъ то, въ чемъ они нуждаются.

Общія работы. 1. Каждый членъ общины обязанъ трудиться.

8. Администрація будетъ вводить машины и способы производства, способные уменьшить непріятность труда.

10. Передвиженіе работниковъ разрѣшается администраціей, по ознакомленіи ея съ мотивами этого передвиженія.

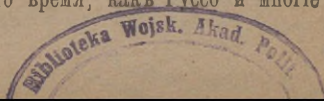
Мы пропускаемъ все то, что касается распредѣленія благъ и вопросовъ административныхъ. Запрещается частная вышняя торговля; республика сама на себя беретъ обязанность удовлетворять необходимыя потребности всѣхъ. Мы не приводимъ также пунктовъ, касающихся путей сообщенія и налоговъ.

Національный долгъ, по крайней мѣрѣ, долги по внутреннимъ займамъ, будутъ уничтожены путемъ простого декрета. Запрещается чеканка монетъ; имѣющіяся въ обращеніи серебряныя и золотыя деньги будутъ служить для вышнихъ торговыхъ сношеній.

IV.

Бабефъ является непосредственнымъ ученикомъ Руссо и Морелли. Онъ не только позаимствовалъ у нихъ діалектическій методъ, но даже повторяетъ ихъ фразеологію, отличаясь отъ нихъ тѣмъ, что онъ является страстнымъ поклонникомъ активныхъ дѣйствій.

Онъ несетъ свое ученіе массамъ не для того, чтобы ихъ толкнули на путь вооруженнаго возстанія. Болѣе того, въ то время, какъ Руссо и многіе

другі писатели дореволюціоннаго періода дѣлали различіе между теоретическими выводами и не доводили послѣднихъ до ихъ логическаго конца, Бабефъ, наоборотъ, проявляетъ полное единство мысли и плана дѣйствій. Адвелье старается въ своемъ сочиненіи показать, что, несмотря на провозглашеніе принципа общности благъ, Бабефъ удовлетворился бы измѣненіемъ конституціи и нѣкоторыми мѣрами противъ пауперизма; ничто, однако, не оправдываетъ этой нѣсколько странной системы защиты, и невольно возникаетъ вопросъ: зачѣмъ понадобилось Равнымъ выпустить столько зажигательныхъ и опасныхъ для нихъ сочиненій, если эти послѣднія разсматривались ими, какъ простая заявленія исключительно принципіальнаго характера?

Такимъ образомъ, Бабефъ является первымъ французскимъ апостоломъ революціоннаго коммунизма. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется слава и уваженіе, которыми онъ пользовался у большинства социалистовъ середины XIX в. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что *Коммунистическій манифестъ* 1848 г., который въ своей критической части довольно рѣзко раздѣляется съ французскимъ социализмомъ, не содержитъ никакихъ нападокъ по адресу заговорщиковъ 1796 г.

Изъ приведенныхъ нами документовъ видно, что приверженцы Бабефа значительно опередили свою эпоху.оборотъ фразъ этихъ документовъ—террористической и якобинскій; рѣдкія и почти необоснованныя утверженія напоминаютъ собой рѣчи друзей Робеспьера; но идея, въ своей діалектической послѣдовательности, отличается безусловной оригинальностью. Никто до Бабефа и его соратниковъ не подозрѣвалъ, что одного теоретическаго равенства недостаточно; никто до нихъ не понималъ, что для торжества дѣйствительнаго равенства безусловно необходимы крупныя экономическія преобразованія. Если нѣкоторые и стояли за преобразование института собственности, то лишь въ томъ смыслѣ, чтобы сдѣлать ее всеобщей, путемъ безконечнаго ея дробленія. Теорія, восторжествовавшая въ Учредительномъ собраніи и отражавшаяся еще на декретахъ Конвента—это теорія парцеллярной собственности. Подъ знаменемъ этой теоріи сгруппировалась крестьянская демократія, свободная по виду, но въ дѣйствительности не отдѣлавшаяся еще ни отъ своего рабства, ни отъ узости взглядовъ. Такъ, едва образовавшись, сама эта крестьянская демократія старалась задержать тотъ самый процессъ развитія, который вызвалъ ее къ жизни; она отчаянно боролась противъ такъ называемаго «аграрнаго закона».

«Манифестъ равныхъ» отвергнулъ «парцеллярную систему», показавъ ей безсиліе; онъ ей противопоставилъ принципъ «общности благъ»; сторонники Бабефа предвидѣли развитіе машиннаго производства и роль, которую ему предстоитъ сыграть, и требовали, чтобы машина служила интересамъ коллективности, сокращая человѣческой трудъ. Вотъ мысль, которую мы напрасно стали бы искать у ихъ предшественниковъ; одной этой мысли было бы достаточно, чтобы охарактеризовать новую умственную струю, внесенную школой Бабефа.

Мысль о противорѣчи классовыхъ интересовъ не только доминируетъ во всей литературѣ школы; она принимаетъ наиболѣе отчетливую форму въ «Манифестѣ». Въ этомъ отношеніи сторонники Бабефа оказались болѣе провинцательными, чѣмъ Фурье, или Сень-Симонъ, или даже многіе социалисты 1848 г., возлагавшіе всѣ свои надежды на сотрудничество буржуазіи и пролетаріата, или, по выраженію Sylvain Maréchal'я, на сотрудничество «богатыхъ и бѣдныхъ, правителей и управляемыхъ».

Это различіе приводитъ насъ къ наиболѣе важной фразѣ, которую мы находимъ въ сочиненіяхъ послѣдователей Бабефа: «Французская революція— это только предвѣстница другой, болѣе крупной, болѣе величественной революціи, которая и будетъ послѣдней».

Дѣятели Учредительнаго собранія и Конвента могли думать, что историческое развитіе остановилось, по крайней мѣрѣ, на болѣе или менѣе продолжительное время. Они осуществили наиболѣе насильственный и наиболѣе глубокой переворотъ. Третье сословіе, низвергнувъ свое иго, само стало на мѣсто дворянства и духовенства и приняло на себя отправленіе общественной власти. Правда, позади этого третьяго сословія, ставшаго господиномъ, заволновалась довольно многочисленная народная масса, но въ послѣдней еще отсутствовали сплоченность и сознаніе своихъ интересовъ, и въ большинствѣ случаевъ она сливается съ буржуазіей. И вотъ вдругъ «равные» замѣчаютъ, что общество дѣлится на два класса, что одинъ изъ этихъ классовъ поработается и угнетается другимъ, и что спустя не болѣе 7 лѣтъ послѣ 1789 г. революція уже нуждается въ томъ, чтобы быть дополненной. Въ то же время они заявляютъ, что эта дополнительная передѣлка общественнаго организма совершится не иначе, какъ путемъ перемѣны формы собственности. Они представляютъ себѣ будущее общество на первое время только демократическимъ (ибо конституція 1793 г. должна восторжествовать вмѣстѣ съ народнымъ законодательствомъ), а затѣмъ и коммунистическимъ, т. е. общество, которое, ставши хозяиномъ средствъ производства и обмена, управляло бы трудомъ сельскохозяйственнымъ и промышленнымъ и вознаграждало бы своихъ членовъ сообразно съ ихъ законными потребностями. Какъ не поражаться не только смѣлостью, но и логической силой ихъ системы?

Нельзя отрицать того, что ученіе Бабефа не содержитъ въ себѣ ничего научнаго. Онъ открылъ историческій матеріализмъ, хотя инстинктивно предвосхищалъ его; онъ не проникъ въ сущность промышленнаго развитія, едва только начавшагося въ Англіи; онъ опирался на «естественное право», требовалъ подчиненія дѣйствительности силѣ идей и, съ другой стороны, не принималъ въ соображеніе тѣхъ экономическихъ выводовъ, которые лишь 20—25 лѣтъ спустя будутъ съ особенной силой выдвинуты дѣйствительностью. Какъ бы то ни было, онъ открываетъ романтическую фазу социализма, и не слѣдуетъ забывать, что эта фаза является необходимымъ условіемъ другого, слѣдующаго за нею періода.

Сень-симонистская школа.

I.

Невозможно изучить отдѣльно Сень-Симона; всякое изслѣдованіе, касающееся его ученія, по необходимости должно распространиться на всю школу, сгруппировавшуюся вокругъ него и давшую дальнѣйшее развитіе основнымъ принципамъ учителя. Базаръ и Анфантэнъ особенно намъ помогутъ понять отношеніе Сень-Симона къ собственности, къ общественной іерархіи, къ автократической диктатурѣ и къ религіи. Тотъ, кто не познакомится съ этими писателями, рискуетъ оставить въ тѣни цѣлую массу взглядовъ секты. Масса положеній разбросана въ разныхъ мѣстахъ сочиненій Сень-Симона; его ученики ихъ собрали воедино, систематизировали, комментировали. Такъ, напримѣръ, Базаръ посвящаетъ много интересныхъ страницъ превращенію рабства въ крѣпостничество и въ наемный трудъ—вопросъ, едва затронутый въ трудахъ родоначальника школы. Дальше, Анфантэнъ, истолковывая и идя гораздо дальше первоначальной мысли учителя, создаетъ въ высшей степени мистическую теократію, какую только можно себѣ представить.

Помимо того, при изученіи документовъ, въ которыхъ сконцентрировалось ученіе «семьи» (какъ выражались сами сень-симонисты), трудно отдѣлать то, что принадлежит родоначальнику школы, отъ того, что вносилось его учениками. Рѣдко какаянибудь идейная группа отличалась подобными преемственностью и единствомъ теорій; черезъ все многословіе, черезъ самыя характерныя отклоненія учениковъ, красной нитью проходятъ взгляды учителя. Базаръ оставался вѣрнымъ духу ученія, вплоть до своихъ самыхъ смѣлыхъ положеній, касающихся права наслѣдства, а Анфантэнъ имѣлъ право утверждать, что онъ не совершилъ никакой измѣны.

Сень-симонизмъ оказалъ огромное вліяніе на идейныя теченія нѣсколькихъ французскихъ поколѣній. Практически онъ распространялъ идею демократическаго образованія и превосходство крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Небезынтересно напомнить, что Сень-Симонъ предсказывалъ прорытіе Суэзскаго и Панамскаго перешейковъ и устройство плотинъ на Нилѣ. Но мы главнымъ образомъ или даже исключительно должны обратить вниманіе на теорію сень-симонизма, разъ мы стараемся открыть его связь съ современнымъ социализмомъ.

II.

Жизнь Сень-Симона достаточно извѣстна, какъ изъ его автобіографіи, такъ и изъ того, что о немъ писали толкователи этого философа. Онъ былъ чрезвычайно богатъ. Этотъ потомокъ Карла Великаго обладалъ огромнымъ состоя-

ніемъ, которое онъ растратилъ въ путешествіяхъ, спекуляціяхъ и разнаго рода анкетахъ. Когда ему было лѣтъ подь сорокъ, онъ страстно увлекся науками; онъ нанималъ себѣ самыхъ лучшихъ учителей до тѣхъ поръ, пока не остался совершенно безъ средствъ. Въ 1812 г. онъ писалъ: «Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я питаюсь однимъ только хлѣбомъ съ водой; я работаю въ холодной нетопленной комнатѣ и продалъ все, даже платье». Слѣдуетъ ли допустить, какъ это утверждаютъ нѣкоторые, что бѣдственное его положеніе повліяло на направленіе его мысли и побудило его описать общественное зло? Это вопросъ второстепенный, и мы не станемъ его разбирать, точно такъ же, какъ не будемъ останавливаться на томъ чисто-фанатическомъ чувствѣ обожанія, которое сень-симонисты питали къ своему учителю.

III.

Для пониманія ученія философа недостаточно познакомиться съ однимъ какимъ нибудь изъ его сочиненій. Несмотря на неизбѣжныя повторенія, они составляютъ однородное цѣлое съ вполне опредѣленнымъ направленіемъ. Различныя произведенія Сень Симона содержатъ изложеніе очень хорошо координированныхъ положеній, освобожденныхъ отъ всякихъ противорѣчій.

Центральнымъ пунктомъ ученія служить философія исторіи, состоящая въ непрерывномъ движеніи общества къ лучшему будущему. Въ «*Lettre au bureau des Longitudes*» онъ уже объявляетъ о своемъ открытіи: «Я думаю, что нашелъ энциклопедическое міровоззрѣніе—лучшее, чѣмъ у Бекона, міропониманіе—лучшее, чѣмъ у Ньютона, и научный методъ—лучшій, чѣмъ у Локка».

Въ «*Mémoire sur la science de l'homme*» онъ показываетъ, какъ человѣчество непрерывно прогрессировало; онъ реабилитируетъ средніе вѣка и заявляетъ, что они являются высшей стадіей развитія по отношенію къ древнему періоду и низшей—по отношенію къ современной эпохѣ; онъ пытается открыть въ жизни народовъ тѣ же черты, что и въ жизни индивидовъ. Для него характерной чертой прогресса являются: разложеніе рабства, образованіе большихъ обществъ, развитіе наукъ. Пытаясь заглянуть въ будущее, онъ такъ опредѣляетъ конечную цѣль человѣчества: «Возможно больше облегчить участь того класса, у котораго нѣтъ другихъ средствъ къ существованію, кромѣ того, что онъ зарабатываетъ трудомъ своихъ рукъ». А въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Золотой вѣкъ не въ прошломъ, а въ будущемъ», и въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ нѣкоторыхъ изъ просвѣтителей XVIII вѣка, съ которыми у него имѣется много общаго.

IV.

Но каковъ принципъ этой эволюціи, одно лишь понятіе которой уже содержитъ революціонный ферментъ? Это—безпреставное измѣненіе формы собственности. Въ первый разъ за все время развитія философской мысли, Сень-Симонъ приписываетъ способу присвоенія то рѣшающее значеніе, которое онъ играетъ въ человѣческихъ общжитіяхъ; онъ не пошелъ дальше: онъ не показалъ намъ, какъ именно измѣняется форма собственности въ зависимости отъ развитія производительныхъ силъ, но и высказанное имъ положеніе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе.

Онъ сразу замѣнилъ политическую точку зрѣнія экономической, и мы увидимъ, что онъ изъ своихъ предпосылокъ сдѣлалъ чрезвычайно важные выводы:

«Нѣтъ измѣненій социальнаго порядка безъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ формѣ собственности.

«До очевидности ясно, что въ каждой странѣ основнымъ закономъ является тотъ, который устанавливаетъ форму собственности и мѣры, ее охраняющія; но изъ того, что этотъ законъ является основнымъ, еще не слѣдуетъ, что онъ не можетъ быть измѣненъ.

«Такимъ образомъ, вопросы: какіе предметы могутъ стать собственностью? Какими средствами люди могутъ пріобрѣтать собственность? Какъ могутъ они пользоваться правомъ собственности?—все это вопросы, которые законодатели разныхъ странъ и эпохъ имѣютъ право обсуждать каждый разъ, когда они это находятъ удобнымъ; ибо право собственности можетъ быть основано исключительно на общей ея полезности, а эта послѣдняя можетъ измѣняться, въ зависимости отъ времени».

Такимъ образомъ, Сень-Симонъ отвергаетъ непреложность принципа собственности. Онъ, правда, не доходитъ до конца, не провозглашаетъ принципа общественной собственности, но это не такъ важно, потому что онъ все-таки пробилъ первую брешь въ догмѣ «вѣчной и неприкосновенной собственности», провозглашенной Учредительнымъ собраніемъ и Конвентомъ.

V.

Авторъ «*Système industriel*» высказалъ не менѣе рѣшительное положеніе, когда онъ, формулируя свои взгляды на собственность и законодательство, заявилъ: «Мы придаемъ слишкомъ большое значеніе образу правленія». Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что экономическія проблемы доминируютъ надъ всѣми остальными, а также и то, что управленіе людьми должно все болѣе и болѣе уступить мѣсто управленію вещами. Его оцѣнка революціи

чрезвычайно запутана; онъ никогда не былъ демократомъ, но признавалъ, что движеніе 1789 г. было неизбежно, что дворянство и духовенство стали бесполезны и опасны: первое—своимъ раболѣпствомъ, второе—своей праздностью. Вернуть имъ власть было бы и глупо и невозможно: одинъ только промышленный классъ долженъ отнынѣ управлять. Въ трудахъ учениковъ мы найдемъ логическое развитіе этой мысли, но и въ трудахъ учителя она изложена довольно пространно, такъ какъ онъ вполне основательно приписываетъ ей первенствующее значеніе.

«Все общество основывается на промышленности. Послѣдняя является единственной гарантійей его существованія, единственнымъ источникомъ всѣхъ богатствъ и всякой собственности. Такимъ образомъ, положеніе вещей, наиболѣе благопріятствующее промышленности, лучше всего отвѣчаетъ интересамъ общества.

«Промышленный классъ долженъ занимать первое мѣсто, потому что это самый важный классъ: онъ можетъ обойтись безъ всѣхъ остальныхъ классовъ, но никакой другой не можетъ обойтись безъ него».

Въ своемъ «*Catéchisme Politique*», составленномъ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, онъ говоритъ, что въ государствѣ существуютъ два класса: буржуа и промышленники; къ первымъ принадлежатъ военные, законовѣды и рантье; ко вторымъ принадлежатъ фабриканты, купцы и рабочіе. Этой второй категоріи должна быть передана власть, а первая категорія должна находиться въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ промышленникамъ.

Знаменитая «парабола» 1819 г., содержащая болѣе непосредственныя нападки, и за которую противъ Сенъ-Симона было возбуждено судебное дѣло, отличается еще большей опредѣленностью. «Предположимъ, что Франція вдругъ потеряетъ своихъ первыхъ пятьдесятъ химиковъ, своихъ первыхъ пятьдесятъ физиологовъ, своихъ первыхъ пятьдесятъ механиковъ и т. д. и т. д., своихъ первыхъ пятьдесятъ бавкировъ, своихъ первыхъ пятьдесятъ каменщиковъ и т. д., и т. д.—тогда нація сдѣлается тѣломъ безъ души.

«Предположимъ, наоборотъ, что Франція сохранитъ всѣхъ своихъ гениальныхъ людей, но потеряетъ короля, членовъ королевской семьи и т. д. и, кромѣ того, десять тысячъ самыхъ богатыхъ собственниковъ—отъ этого для государства не получится никакого ущерба».

Сенъ-Симонъ продолжаетъ свою беспощадную критику: «Современное общество—это міръ наизнанку: бѣдняки должны быть великодушны по отношенію къ богачамъ; главные воры наказываютъ другихъ за маловажные просупки; неспособные управляютъ способными».—Во время Реставраціи было опасно говорить подобныя вещи.

Сенъ-Симонъ съ презрѣніемъ относился къ тремъ враждовавшимъ между собой политическимъ партіямъ, которыя онъ называлъ такъ: ретрограды, консерваторы и либералы. Наиболѣе передовые люди, по мнѣнію философа, мечтаютъ лишь о томъ, чтобы стать руководителями націи и обратить въ свою пользу преимущества власти. Исторія доказала, что онъ былъ правъ.

VI.

Сень-Симонъ полагаетъ, что преобразование общества неизбежно; мы уже знаемъ, что въ основаніе этого преобразованія онъ кладетъ измѣненіе способа присвоенія. Кромѣ того, это преобразование можетъ явиться слѣдствіемъ лишь сильной организаціи, основанной на іерархическихъ началахъ. Въ основу новаго общества будетъ положенъ принципъ ассоціаціи; каждый гражданинъ будетъ занимать положеніе, соотвѣтствующее его способностямъ, и будетъ вознагражденъ сообразно съ его заслугами. Поступать иначе было бы равносильно явному нарушенію справедливости. Философъ отвергаетъ принципъ полного равенства, а также метафизическую идею объ абсолютной свободѣ, которая, по его мнѣнію, противорѣчитъ цивилизаціи, такъ какъ «люди связаны между собой раздѣленіемъ труда». Отвергается также принципъ народо-властія, ибо «догма турецкаго равенства, т. е. допущеніе всѣхъ къ отправленію власти, можетъ надѣлать массу бѣдъ». Единственное, что дѣйствительно важно, это — чтобы «каждый человѣкъ, каково бы ни было его происхожденіе, могъ достигнуть самаго высшаго общественнаго положенія, за исключеніемъ королевскаго».

Преобразование Франціи и всего міра — Сень-Симонъ примѣняетъ свою теорію по отношенію ко всему человѣчеству — совершится не демократіей и не въ демократическомъ духѣ: оно будетъ проведено въ жизнь своеобразнымъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ, въ родѣ того, который существовалъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы наканунѣ 1789 г., и въ этомъ отношеніи нашъ авторъ опять-таки является сыномъ XVIII в. Онъ взывалъ къ чувству Наполеона I, чтобы тотъ взялъ на себя роль творца этого преобразованія; онъ стоялъ за твердую королевскую власть, которая взяла бы на себя выполнение перехода отъ современнаго строя къ будущему. Впослѣдствіи эта власть сама, такъ сказать, механически, исчезла бы, по мѣрѣ того какъ восторжествовало бы «управленіе вещами».

Тутъ, такимъ образомъ, совершенно отсутствуетъ мысль объ эволюціи или о революціи, совершаемой снизу. Сень-Симонъ находитъ даже возможнымъ совѣтовать рабочимъ, чтобы тѣ просили бароновъ промышленности, какъ наиболѣе богатыхъ и образованныхъ, взять въ свои руки всю общественно-государственную власть.

Когда всѣ предлагаемыя измѣненія будутъ выполнены, производители станутъ хозяевами положенія и, въ согласіи съ учеными, будутъ рѣшать судьбу общества. Какова будетъ форма общественной власти? На этотъ вопросъ великій писатель даетъ въ различныхъ мѣстахъ различные отвѣты. Въ «*Organisateur*» онъ развиваетъ планъ трехъ палатъ: палаты изобрѣтеній, палаты для обсужденія и исполнительной палаты, роль которой ограничивалась бы экономическимъ веденіемъ дѣлъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ высказывается за то,

чтобы Институту ¹⁾ была предоставлена неограниченная власть римского сената.

Съ другой стороны, онъ всегда проводилъ мысль, что главная роль государства должна заключаться въ томъ, чтобы доставлять работу всѣмъ способнымъ къ труду граждавамъ, браться за круиныя предирія, имбюція цѣлью улучшеніе сельскаго хозяйства, ограничить роль бюрократіи и распространять прибрѣтеныя положительныя знанія среди класса пролетаріевъ. Онъ говорилъ также, что раньше всего слѣдовало бы обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей.

VII.

Одной изъ наиболѣе обстоятельно разработанныхъ частей ученія Сень-Симона является та, которая касается философскаго и религіознаго міровоззрѣнія.

Никто болѣе, какъ Сень-Симонъ, не ставилъ такъ высоко положительную науку и разумъ, и, тѣмъ не менѣе, никто больше его не старался примирить науку съ религіей. Отъ начала до конца своей жизни, родовачальникъ школы былъ воодушевленъ этимъ стремленіемъ, проявившимся въ еще болѣе сильной степени у его послѣдователей и приведшимъ Анфантэна къ самымъ невѣроятнымъ измышленіямъ.

Если Сень-Симонъ писалъ въ своемъ сочиненіи «Introduction aux travaux scientifiques»: «Религія суждено погибнуть и быть замѣщенной *физическимъ*», то онъ этимъ не хотѣлъ сказать, что слѣдуетъ немедленно оставить религію, не замѣнивъ ея другимъ вѣрованіемъ; къ тому-же, эта фраза была, кажется, написана какъ разъ въ ту эпоху, когда онъ еще сомнѣвался, колебался, ибо изъ его трудовъ, взятыхъ въ цѣломъ, выдѣляются другія положенія: религія, вмѣсто того, чтобы исчезнуть, сольется съ наукой въ одно цѣлое; наука составляетъ основу исторіи, но религія резюмируетъ науки; науки и религія развиваются одновременно, и каждая научная эпоха порождаетъ соотвѣтственную религію.

Признавая отчасти христіанство, Сень-Симонъ находитъ, что оно было искажено. Критеріемъ догмы въ его глазахъ служить ея общественное значеніе. Духовенство должно доказать, что необходимо улучшить условія существованія послѣдняго общественнаго класса, и что это улучшеніе содѣйствуетъ также увеличенію благосостоянія высшихъ классовъ.

Папа - еретикъ, потому что онъ даетъ плохое воспитаніе католикамъ, а

¹⁾ Институтъ (Institut de France)—высшее официальное учрежденіе въ Парижѣ, имбюющее цѣлью содѣйствовать развитію наукъ и искусствъ, состоитъ изъ 5 академій: французской академіи, академіи надписей и медалей, академіи наукъ, академіи художествъ и академіи наукъ нравственныхъ и политическихъ.

его управленіе церковью, гораздо больше, чѣмъ поведеніе какого бы то ни было свѣтскаго принца, противорѣчитъ моральнымъ и матеріальнымъ интересамъ класса обездоленныхъ. Еретикомъ былъ и Лютеръ, потому что мало заботился о благосостояніи народа. Авторъ «Industrie» особенно цѣнитъ въ христіанствѣ то, что оно пыталось уничтожить власть меча. Но религія Христа была затемнена, искажена до такой степени, что ее приходится освѣжить, возобновить, причѣмъ слѣдуетъ согласовать ее съ наукой и отвести первое мѣсто морали.

Вѣнцомъ ученія служить, такимъ образомъ, туманная теорія, въ которой деизмъ переищивается съ позитивизмомъ, но мы въ послѣдствіи увидимъ, что большинство французскихъ социалистовъ до 1848 г. никакъ не могли освободиться отъ этого сложнаго спиритуализма, и что очень часто они считали необходимымъ, въ оправданіе своихъ міровоззрѣній, ссылаться на волю providѣнія. Эта черта еще больше, чѣмъ у Сень-Симона, проявлялась у Фурье, но послѣдній, по крайней мѣрѣ, не посвятилъ вопросу о сліяніи науки и религіи такой массы страницъ своихъ произведеній.

Резюмируя труды изучаемаго нами родоначальника школы, необходимо выдѣлить слѣдующіе принципы, особенно заслуживающіе того, чтобы быть отмѣченными: онъ признавалъ необходимость преобразовать общество; онъ проповѣдывалъ замѣну клерикальнаго военнаго и бюрократическаго образа правленія «управленіемъ вещами». Онъ признавалъ за собственностью характеръ простаго общественнаго договора, который можетъ видоизмѣняться; онъ приписывалъ собственности главную роль въ государственномъ механизмѣ. Наконецъ, защищаемая имъ философія исторіи предусматриваетъ постепенную матеріальную, интеллектуальную и моральную эмансипацію пролетаріата.

VIII.

Ученики Сень-Симона не измѣнили ученію своего учителя; какъ разъ наоборотъ, никакая школа не оставалась такъ вѣрна себѣ, какъ сень-симонистская школа; но вѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что каждый изъ членовъ «семьи» посвящалъ себя пропагандѣ той именно части ученія, которая больше всего его увлекала, и что, отдавшись дѣлу распространенія тѣхъ или иныхъ идей, онъ старался вполнѣ ихъ исчерпать.

Не приходится также удивляться тому, что нѣкоторые изъ приверженцевъ сень-симонизма изъ умѣренныхъ предпосылокъ учителя сдѣлали смѣлые и крайніе выводы.

Читатель здѣсь не найдетъ исторіи «семьи», ея публичныхъ чтеній, ея судебныхъ процессовъ, ея расколовъ и т. д. Мы будемъ обращать вниманіе исключительно на идейную сторону. Однимъ изъ важнѣйшихъ документовъ является изданный сень-симонистами въ 1830 г. манифестъ въ отвѣтъ на нападки, которые были направлены противъ нихъ съ трибуны палаты депу-

татовъ. Этотъ манифестъ содержитъ по существу взгляды сенъ-симонистовъ на собственность, равенство и производственныя отношенія.

«Сенъ-Симонисты отвергаютъ равный раздѣлъ собственности: по ихъ мнѣнью, подобный раздѣлъ составлялъ бы еще большее насиліе, еще болѣе возмутительную несправедливость, чѣмъ неравный раздѣлъ, совершившійся первоначально силой оружія, путемъ завоеваній.

«Ибо они признаютъ естественное неравенство людей и смотрятъ на это неравенство, какъ на основу ассоціаціи, какъ на необходимое условіе общественнаго строя.

«Они отвергаютъ принципъ общности благъ, ибо подобная общность была бы явнымъ нарушеніемъ самаго главнаго изъ моральныхъ законовъ, который они призваны защищать, и который требуетъ, чтобы каждый занималъ мѣсто, соотвѣтствующее его способностямъ, и получалъ бы вознагражденіе, соотвѣтствующее его услугамъ.

«Но на основаніи этого самаго закона они требуютъ уничтоженія всякаго рода привилегій отъ рожденія, а слѣдовательно, и отпѣны права наслѣдства, этой самой крупной привилегіи, нынѣ включающей въ себѣ прочія, и ставящей въ зависимость отъ случая и распредѣленіе социальныхъ привилегій.

«Они требуютъ, чтобы всѣ орудія труда, земля, капиталы, образующіе нынѣ раздробленную собственность, эксплуатировались бы ассоціаціей, основанной на іерархическихъ началахъ.

«Они хотятъ эмансипировать женщину... Религія Сенъ - Симона должна положить конецъ этому постыдному торгу, этой узаконенной проституціи, какой является современный бракъ, часто освящающій чудовищный союзъ между преданностью и эгоизмомъ, между просвѣщеніемъ и невѣжествомъ, между молодостью и дряхлостью».

IX.

Мировоззрѣніе Базара все цѣликомъ выразилось въ «*Exposé de la Doctrine saint-simonienne*», которое было имъ составлено въ 1829—1830 г.г. и состоитъ изъ семнадцати лекцій или сеансовъ.

Развиваемая имъ философія исторіи есть не что иное, какъ болѣе обстоятельно изложенная философія исторіи Сенъ-Симона.

Заслуга и слава Сенъ-Симона заключается въ томъ, что онъ стремился къ установленію такого общественнаго строя, гдѣ люди отличались бы другъ отъ друга только способностью любить, научными позваніями и умѣньемъ управлять промышленностью, и гдѣ руководителями были бы наиболѣе способные люди.

Общество поочередно проходитъ черезъ *органическія* фазы, когда все находится на своемъ мѣстѣ, и черезъ *критическія* фазы, когда все разлагается, въ ожиданіи переустройства общества на новыхъ началахъ. Послѣдняя

критическая фаза началась вмѣстѣ съ реформаціей и продолжается понынѣ.

Три органа социальной жизни: наука, промышленность и искусство плохо дѣйствуютъ, или, вѣрнѣе, ихъ нормальное отправленіе приостанавливается каждую минуту; этимъ объясняется тотъ фактъ, что современная наука лишена всякой согласованности, что она даже не въ состояніи подводить итоги своимъ открытіямъ.

Промышленность находится въ еще большемъ разстройствѣ и еще болѣе бессильна. Дѣйствія въ разбродъ, преобладаніе корыстолобивыхъ стремленій, незнаніе вуждъ потребителей, борьба личнаго интереса противъ общественнаго, ужасныя послѣдствія машиннаго производства, сосредоточеніе орудій производства не въ рукахъ наиболѣе способныхъ, а въ рукахъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье родиться отъ богатыхъ родителей—вотъ чѣмъ характеризуется современная промышленность. Зло исчезнетъ лишь въ тотъ день, когда веденіе дѣлъ будетъ регулироваться общими принципами. Наконецъ искусство находится въ упадкѣ, потому что эгоизмъ убиваетъ чувства; послѣднія воскреснуть лишь тогда, когда восторжествуетъ всеобщая любовь.

Но этой послѣдней суждено въ близкомъ будущемъ овладѣть всеѣмъ чело-вѣчествомъ. Взаимная дружба дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи. Человѣчество—это коллективный организмъ, который непрерывно развивается и стремится къ все болѣе и болѣе широкой формѣ ассоціаціи: таковъ законъ усовершенствованія.

Базаръ намъ показываетъ, какъ чело-вѣчество, прошедши черезъ ужасныя сраженія, эволюціонировало отъ тѣсной семьи до главныхъ современныхъ группировокъ, и какъ взаимодѣйствіе силъ мало-по-малу уничтожало антагонизмъ. Такъ, наиболѣе яркое проявленіе антагонизма, война, вызвавъ къ жизни сплоченіе до того изолированнаго населенія, сдѣлало позднѣе возможной организацію послѣдняго въ видѣ сообщества. Въ то же время участь чело-вѣческаго рода улучшается въ трехъ отношеніяхъ: моральномъ, физическомъ и умственномъ.

Когда-то сражались для того, чтобы грабить; грубая сила была верховнымъ властелиномъ. Она и понынѣ еще проявляется въ правительствѣ, въ законодательствѣ, въ сношеніяхъ между полами; хотя все-таки въ болѣе мягкой формѣ.

Другой примѣръ: эксплуатація чело-вѣчка чело-вѣкомъ ослабѣвала отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ началѣ она охватывала всѣ стороны чело-вѣческаго существованія, ибо рабъ лишенъ всего: денегъ, семьи, свободы передвиженія.

Крѣпостной уже пользуется нѣкоторой свободой передвиженія, можетъ имѣть свое хозяйство, дѣтей. Наемный рабочій находится въ еще меньшей зависимости, хотя его участь часто крайне печальна, и хотя онъ притѣняется хозяиномъ.

Базаръ клеймитъ въ сильныхъ выраженіяхъ современную организацію общества, и въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ по смѣлости Сень-Симова.

Онъ обрушивается на «наслѣдственность» нищеты и противопоставляетъ классъ пролетаріевъ другому классу, «монополизировавшему богатства и орудія труда», и Базаръ, по примѣру Бабефа, пишетъ: «Новая революція неизбежна».

X.

Гдѣ же находится корень зла?

Въ способѣ присвоенія. Только въ силу предразсудка люди считаютъ форму собственности неизмѣнной. Всѣ на нее смотрятъ, какъ на основу политическаго строя; въ дѣйствительности же, она является лишь существующимъ фактомъ и можетъ быть урегулирована различными способами. Форма собственности должна измѣниться въ соотвѣтствіи съ принципомъ равенства отъ рожденія. Современная форма собственности исчезнетъ, поэтому, тогда, когда прекратится эксплуатація человѣка человѣкомъ.

Законъ безпрестанно вышивался съ цѣлью измѣненія формы собственности, а въ особенности—съ цѣлью уничтоженія рабства.

Вышательствомъ закона будетъ достигнуто и конечное измѣненіе, ибо современная форма собственности доживаетъ свои послѣдніе дни; необходимо ее уничтожить, если люди дѣйствительно стремятся къ организаціи производства.

Базаръ указываетъ затѣмъ, каковы будутъ основы грядущаго соціального строя. Политическая община, преобразованная въ ассоціацію работниковъ, присвоитъ себѣ право наслѣдства, которое будетъ отнято у частныхъ лицъ. Никто не будетъ имѣть права на богатство, не являющееся плодомъ его личныхъ способностей. Общественная власть укажетъ каждому его мѣсто, сообразуясь съ его способностями, и вознаградитъ каждого, сообразно его услугамъ. Неравенство и соревнованіе, необходимыя для существованія и для прогресса человѣчества, сохранятся, но анархія производства, нынѣ оставленнаго на произволъ жадныхъ appetitовъ, будетъ устранена, такъ какъ возможно будетъ производить не иначе, какъ съ согласія государства, которое будетъ владѣльцемъ орудій производства. Положенія Сень-Симона получаютъ, такимъ образомъ, большую ясность и полноту; дѣлается первый шагъ къ коммунизму. Уничтоженіе наслѣдства приведетъ къ сосредоточенію орудій производства и капиталовъ въ рукахъ государства.

Всѣмъ этимъ будетъ завѣдывать національный банкъ, который будетъ повсюду имѣть свои отдѣленія; послѣднія будутъ заниматься распредѣленіемъ труда и продуктовъ производства.

Такимъ образомъ, въ будущемъ право собственности будетъ опираться исключительно на трудъ, его законную основу; это право будетъ сохраняться лишь при жизни работника. Интересно, что сень-симонисты, а раньше всего Базаръ, отрещиваются отъ всякихъ коммунистическихъ тенденцій въ то время, какъ уничтожая право наслѣдства, они фатально дѣлаютъ государство единственнымъ наслѣдникомъ.

XI.

Въ сочиненіи «Exposé de la Doctrine» отводится мѣсто вопросу объ отношеніяхъ между религіей и наукой, и онъ является однимъ изъ основныхъ вопросовъ сенъ-симонизма.

Пришло время создать новую религію, которая охватила бы всѣ новѣйшія міровоззрѣнія. Наука не противорѣчитъ ни понятію о Богѣ, ни представленію о божественномъ планѣ. Общественный строй есть не что иное, какъ отраженіе божества въ практической организаціи общества.

Человѣчеству предстоитъ великое религіозное будущее; религія будущаго будетъ болѣе величественна, болѣе могущественна, чѣмъ какая бы то ни было религія прошлаго..., ея догматъ будетъ синтезомъ всѣхъ формъ бытія человѣка..., и социальнo-политическое учрежденіе, взятое въ цѣломъ, будетъ учрежденіемъ религіознымъ.

Однако, эта совокупность догматовъ будетъ отличаться отъ христіанства. Самый поразительный, самый новый, если не самый важный видъ прогресса, который человѣчество призвано теперь осуществить, состоитъ въ реабилитаціи матеріи; эту реабилитацію возможно будетъ осуществить лишь тогда, когда новое міровоззрѣніе введетъ въ божественный порядокъ и въ самое божество этотъ элементъ (матерію) или, вѣрнѣе, этотъ видъ всемірнаго бытія, къ которому христіанство относилось отрицательно.

Изъ этого сочетанія науки и возрожденной религіи Базаръ выводитъ основы будущаго социальнаго строя. Религія или мораль, теологія или наука, культъ или промышленность—вотъ три формы человѣческой активности. Священники, ученые и промышленники—вотъ будущее общество!

Священникъ, вдохновляющій ученаго и промышленника, связываетъ людей между собою и служитъ посредникомъ между людьми и Богомъ. Священникъ управляетъ наукой, являющейся теоріей, и промышленностью, являющейся приложеніемъ теоріи, и самъ исполняетъ многочисленныя функціи. Базаръ создаетъ теократію, и онъ этого не отрицаетъ, онъ лишь старается подчеркнуть ея различіе съ другими предшествовавшими ей видами.

На самой вершинѣ іерархической лѣстницы величественно стоитъ «общественный священникъ»—на гигантскомъ пьедесталѣ всемогущества.

Это онъ издаетъ законы, или, вѣрнѣе, онъ—воплощеніе закона, «живой законъ», олицетворяющій власть по примѣру Моисея или Христа; организаціонныя декреты являются только выраженіемъ его непогрѣшимой воли. Это пріятная и законная диктатура, ибо повиновеніе «живому закону» есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ любви, которую онъ къ себѣ внушаетъ. Это господство авторитета есть вмѣстѣ съ тѣмъ и господство свободы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что послѣ интереснѣйшихъ и рѣшительныхъ социальныхъ выводовъ авторъ «Exposé» впадаетъ въ бредъ мистицизма.

XII.

Когда Базарь закончил свои лекціи въ 1830 г., Анфантэнъ занялъ его мѣсто. Нѣтъ никакой надобности останавливаться на спорахъ и на антагонизмѣ этихъ двухъ людей. Анфантэнъ—это почти прямая противоположность Базару. Послѣдній, помимо метафизики, страстно увлекается социальными реформами; онъ предвидитъ экономическія преобразованія, потребность которыхъ уже назрѣла; онъ, какъ профессоръ университета, съ трибуны читаетъ курсы этихъ реформъ. Анфантэнъ, наоборотъ, мало интересуется вопросами производственныхъ отношеній; онъ всю силу своего активнаго и проницательнаго ума направляетъ на развитіе теократическаго ученія, часто довольно туманнаго, нѣкоторые выводы котораго были оспариваемы съ точки зрѣнія ходячей морали. Можно сказать, что Анфантэнъ, какъ проповѣдуемыми имъ положеніями, такъ и своими манерами первосвященника и духовнаго главы, содѣйствовалъ упадку сень-симонистской школы.

Онъ цѣликомъ принялъ всю юридическую и социальную систему учителя. Въ опубликованномъ имъ въ 1838 г. письмѣ онъ выступаетъ противъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, противъ перехода собственности по праву рожденія.

«Новая форма собственности, говоритъ онъ,—это распредѣленіе орудій труда между гражданами, сообразно съ ихъ промышленными способностями; новая комбинація силъ—это ассоціація».

Въ «Запискахъ промышленника 2240 г.» онъ пошелъ еще дальше. Онъ тамъ пытается дать очеркъ организаціи будущаго общества. Тамъ не имѣютъ понятія о конфликтахъ на почвѣ собственности; тамъ могутъ происходить лишь споры относительно права того или другаго на орудія труда. Въ такихъ случаяхъ третейскимъ судьей является центральный банкъ. Тамъ не существуетъ ни купли-продажи, ни передачи имущества; участь вдовъ и сиротъ обезпечивается коммунаю. Европа федеруется, и война имѣетъ своей единственной цѣлью насаждать культуру на отдаленныхъ окраинахъ и т. д. и т. д.

Къ несчастью, Анфантэнъ не ограничился лишь этими благородными идеями. Ему захотѣлось играть роль новаго отца церкви; онъ охотно поднимается на пьедесталъ и разрѣшаетъ своимъ ученикамъ обожать его. Когда онъ обращается къ членамъ «семьи», онъ ихъ называетъ своими «дѣтьми». Онъ не ограничивается восхваленіемъ Бога и Сень-Симона—онъ и себя самого восхваляетъ.

Въ своихъ бесѣдахъ на Monsigny и Taisbout онъ устанавливаетъ въ свою пользу исповѣдь. Сень-симонисты д'Эйхталь, Родригъ, Дюгэ, Клуэ, Гольштейнъ и мн. др. изливаютъ передъ нимъ свои чувства и при-

вѣтствуютъ въ его лицѣ намѣстника божества. Чѣмъ больше продолжаютъ эти бесѣды, тѣмъ школа становится все болѣе и болѣе похожей на мистическую конгрегацію. Заявленія, о которыхъ можно подуматъ, что они взяты изъ какой нибудь книги среднихъ вѣковъ, сводятся къ какимъ то непонятнымъ разглагольствованіямъ, среди которыхъ отъ поры до времени раздается воззваніе къ женщинѣ или проповѣдь о реабилитаціи плоти.

На мѣсто священника Базара и Сень-Симона, Анфантанъ ставитъ «жрецкую пару» (*couple sacerdotal*), призванную развивать науку, промышленность и мораль, освящать бракъ и разводъ, царствовать силой своего ума и красоты. Но все это слишкомъ насъ отдалаетъ отъ разума и отъ социализма.

ХІІІ.

Каковы бы ни были заблужденія сень-симонистскаго ученія, оно пробило дорогу болѣе яснымъ міровоззрѣніямъ плеяды 1840-хъ гг. Изъ того, что мы привели, читатель могъ понять, какимъ вліяніемъ должна была пользоваться сень-симонистская школа.

Собственно говоря, въ широкихъ массахъ это ученіе не имѣло большого успѣха. Тенденціи сень-симонизма, вмѣстѣ съ его строгой іерархіей, носили слишкомъ аристократическій характеръ, чтобы понравиться пролетариату. Но значить ли это, что работа секты оказалась совершенно безплодной? Было бы смѣшно и несправедливо утверждать нѣчто подобное. Подобныя широкія движенія, подобныя революціонныя теченія всегда оставляютъ глубокіе слѣды, и не напрасно авторъ «Промышленной системы» и его ученики доказывали неустойчивость формы собственности, или незаконность наслѣдства, или, еще лучше, необходимость общественной организаціи промышленности.

Сень-симонистовъ, какъ и Фурье и фурьеристовъ, обыкновенно причисляютъ къ романтикамъ или къ утопистамъ. Они, дѣйствительно, были романтиками, а также и утопистами, въ томъ смыслѣ, что слишкомъ много вѣрили въ благородныя чувства высшихъ классовъ, что не понимали роли производительныхъ силъ, какія дѣйствительной и постоянной основы исторіи, и въ томъ смыслѣ, наконецъ, что они слишкомъ охотно смѣшивали экономическія проблемы съ вопросами религіозными или метафизическими. Но невозможно отъ людей 1820-хъ и 1830-хъ гг. требовать преждевременнаго анализа и собственныхъ выводовъ; они еще не имѣли передъ глазами ни крупнаго мануфактурнаго производства, ни переворота въ средствахъ сообщенія. Неудивительно поэтому, что они свои выводы и теоріи связывали съ идеей права и справедливости или съ нѣскольکو поверхностнымъ взглядомъ на историческій процессъ скорѣе, чѣмъ съ правильнымъ объясненіемъ экономическихъ явленій. Это послѣднее совершенно отсутствуетъ у Бабефа и у его приверженцевъ, оно находится въ зародышевомъ состояніи у Сень-Симона—въ его положеніяхъ, касающихся собственности, обще-

ственной анархii и сосредоточенія орудій производства; она приобретает больше ясности и опредѣленности у Фурье и получает значительно большее развитіе при Пекеръ, Луи-Бланъ и Прудонъ, уживаясь съ туманнымъ идеализмомъ 1820-хъ гг. Мы, впрочемъ, уже говорили, что этотъ идеализмъ примѣшивался къ французскому социализму даже послѣ парижской коммуны и даже въ наше время. Мы, однако, не хотимъ сказать, что историческій материализмъ, такъ блестяще сформулированный въ «Коммунистическомъ манифестѣ 1848 г.», не сгруппировалъ вокругъ себя во Франціи особой школы, не диктовалъ программъ, не оказывалъ преобладающаго вліянія на замѣчательнѣйшіе тезисы нашего времени. Пока для насъ было достаточно указать, что Сень-Симонъ и его ученики были въ одно и то же время выразителями тенденцій всѣхъ почти нашихъ интеллектуальныхъ новаторовъ.

Фурье.

I.

Фурье, какъ и Сень-Симонъ, основалъ школу, которая имѣла особенно блестящій успѣхъ.

Вокругъ его ученія, получившаго широкое распространеніе, создавались группы по всей Франціи. Вліяніе этой школы продолжалось и долгое время послѣ смерти основателя.

Принципы этой теоріи получили самую ясную, а также наиболѣе политическую формулировку наканунѣ революціи 1848 г. у Консидерана, котораго мы изучимъ впоследствии.

Ни одно ученіе—за исключеніемъ марксизма—не оказывало на французскій социализмъ такого глубокаго и такого продолжительнаго вліянія. Фурьеризмъ продолжалъ еще существовать и при третьей республикѣ: Пелларенъ занимался его пропагандой; даже въ наше время существуетъ не мало фурьеристовъ. Фурьеризмъ провикалъ даже въ изящную литературу.

Попытки воплотить фурьеризмъ въ практическую жизнь не увѣнчались успѣхомъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ получалъ примѣненіе, послѣднее не было продолжительнымъ, или же оно было частичнымъ. Но это обстоятельство не можетъ служить доказательствомъ несостоятельности фурьеризма; и интегральный коммунизмъ не былъ въ этомъ отношеніи болѣе счастливъ; и ему не удавались попытки практическаго примѣненія.

Подобныя неудачи объясняются одной и той же причиною, а именно: маленькое общезитіе, основанное на промежуточныхъ принципахъ полнаго

равенства, не может сохранить свою первоначальную чистоту, если ему приходится жить и дѣйствовать въ капиталистическомъ государствѣ.

При изученіи фурьеризма слѣдуетъ поэтому исходить изъ другой точки зрѣнія, и мы постараемся въ немъ раскрыть какъ то, что намъ кажется ошибочнымъ, такъ и то, что въ немъ имѣется вѣрнаго и неоспоримаго. Пока же намъ хотѣлось бы указать причины, содѣйствовавшія распространенію фурьеризма. Сень-симонизмъ намъ далъ нѣсколько узкую критику социальнаго строя и туманные взгляды на общество будущаго. Фурьеризмъ съ самаго же начала далъ намъ общедоступную критику капиталистическаго строя, указавъ на недостатки этого строя и на вызываемыя имъ гибельныя послѣдствія. Онъ далъ намъ также стройный, ясный и крайне привлекательный идеаль будущаго строя. Фаланстеръ въ высшей степени соблазнительнъ; легко вскрыть зло, проистекающее отъ конкуренціи, и каждый можетъ его констатировать или провѣрить. Этимъ объясняется успѣхъ, который имѣли въ нашей странѣ положенія Фурье, и слава, которой онъ пользовался каждый разъ, когда на первую очередь выступали социальные вопросы.

Впрочемъ, фурьеризмъ пугалъ буржуазію меньше, чѣмъ сень-симонизмъ. Послѣдній съ самаго же начала повелъ атаку противъ одной изъ основъ капиталистическаго могущества, т. е. противъ права наслѣдства; фурьеризмъ же проводилъ идею медленнаго преобразованія общества, идею уменьшенія роли капитала путемъ увеличенія роли труда. Руководители этого ученія придавали больше значенія этой положительной его сторонѣ, нежели критической, т. е. добросовѣстному и безошадному анализу господствующихъ экономическихъ формъ.

Вѣрно, тѣмъ не менѣе, то, что социалистическая—мы не скажемъ социальная—работа фурьеризма была шире той, которая была сдѣлана сень-симонизмомъ.

Ничего не остается прибавить къ тому, что уже было сказано авторомъ «Новаго свѣта» противъ дробленія производства, противъ конкуренціи, противъ размноженія посредниковъ и паразитовъ.

Жизнь Фурье слишкомъ хорошо извѣстна для того, чтобы намъ приходилось на ней останавливаться. Это прямой контрастъ жизни Сень-Симона, и тѣмъ не менѣе вліяніе среды сказывается у Фурье такъ же сильно, какъ у Сень-Симона. Въ то время какъ послѣдній, аристократъ по происхожденію, оставался аристократомъ и въ своихъ даже самыхъ крайнихъ взглядахъ, первый, выросшій за прилавкомъ, постоянно видѣлъ передъ собою обменъ, мошенничество, фальсификацію, практикующіеся въ мелкой торговлѣ. И тотъ и другой являются дѣтьми XVIII в. по общей философіи, а еще больше—по морали, соотвѣтствующей морали Кондильяка и сенсуалистовъ. Сень-Симонъ вѣрилъ въ безпредѣльный прогрессъ; Фурье ненавидитъ и клеймитъ современную цивилизацію. Но Кондорсе и Руссо являютъ собою примѣръ такихъ же кажущихся разногласій.

Автору «Четырехъ движеній» ставятъ въ упрекъ его странныя идеи и

смѣшныя выраженія. Дѣйствительно, онъ не довольствуется общимъ планомъ, а разрабатываетъ его до мельчайшихъ подробностей. Онъ былъ бы, вѣроятно, не прочь указать размѣры дверей въ его фаланстерѣ, потому что часто онъ останавливался на едва ли болѣе интересныхъ мелочахъ. Вѣрно также и то, что онъ вводитъ массу новыхъ терминовъ, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ его богатаго воображенія. Но какое значеніе могутъ имѣть эти мелкіе недостатки наряду съ грандіозной работой, выполненной имъ въ области социальной критики? Какое значеніе могутъ имѣть для насъ нѣсколько смѣшныя слабости философа, разъ онъ далъ въ руки противникамъ буржуазной экономіи самыя лучшія оружія?

Противники социализма, вполне понятно, отпускали на его счетъ эпитеты и шуточки и выставляли на показъ его нерѣшительность и боязнь передъ крайними мѣрами. Но не намъ подражать этимъ господамъ.

II.

Сень-Симонъ исходитъ изъ историческаго закона человѣческаго развитія и приходитъ къ примиренію науки и религіи. У него метафизика является вѣнцомъ ученія. Фурье беретъ исходнымъ пунктомъ божественную волю, чтобы вывести изъ нея цѣлую систему возрожденія. Когда приступаютъ къ анализу человѣческихъ учрежденій, тогда самое важное—это узнать виды Провидѣнія. Необходимо узнать волю божію и предписываемое ею социальное уложеніе. Но виды божества должны быть провикнуты единымъ принципомъ, потому что, въ противномъ случаѣ, они находились бы между собой въ противорѣчій, а этого невозможно допустить: «Богъ управляетъ матеріальнымъ міромъ при помощи силы тяготѣнія; если бы для управленія социальнымъ міромъ онъ употребилъ другую силу, въ системѣ получила бы двойственность дѣйствій». Это тяготѣніе проявляется въ пяти видахъ; два изъ нихъ заслуживаютъ того, чтобы быть отмѣченными въ этюдѣ, касающемся человѣчества—это интеллектуальный видъ тяготѣнія или движеніе, нарастаніе и комбинированіе страстей; затѣмъ социальный видъ или инстинктивное движеніе чело-вѣка къ лучшему будущему.

Исходя изъ этихъ положеній, Фурье полагаетъ, съ одной стороны, что божеству желательно все большее и большее расширеніе ассоціаціи, а, съ другой стороны, онъ думаетъ, что христіанство совершило ошибку, осудивъ страсти. Осужденіе послѣднихъ равносильно заявленію, что Богъ не знаетъ, что творитъ, или же, что онъ вложилъ въ чело-вѣка зародыши зла, но въ этомъ случаѣ онъ не былъ бы больше Богомъ.—Все это носить нѣсколько упрощенный характеръ, но объ этомъ нельзя не упомянуть въ точномъ и добросовѣстномъ анализѣ ученія.

III.

Страстямъ суждено сыграть огромную роль въ фаланстерѣ, въ этой новой организаціи, которую Фурье хочетъ создать. Приходится поэтому остановиться нѣсколько на его классификаціи страстей.

Обыкновенно полагають, что страсти нарушаютъ согласіе, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онѣ стремятся къ единству. Существуютъ пять чисто *чувственныхъ* страстей; четыре аффективныхъ или стремящихся къ созданію группъ: честолюбіе, дружба, любовь и семейная привязанность, три *раздѣлительныя* (distributives): кабалистическая, затѣвающая интриги и развивающая наши способности, *композиционная* (composite), стремящаяся объединить наши чувственные и духовныя наслажденія, *papillonne*, — стремящаяся къ измѣненіямъ, наконецъ, тринадцатая страсть — унитенизмъ или *заграничная филантропія*, устанавливающая согласіе между личнымъ счастьемъ каждаго въ отдѣльности и счастьемъ другихъ.

Долгое время мораль проповѣдывала подавленіе этихъ страстей, какъ постыдныхъ и вредныхъ; а теперь еще воспитаніе стремится къ тому, чтобы обуздать эти страсти, учить ихъ презирать, подавлять. Слѣдуетъ же, напротивъ, ихъ поощрять, предоставить имъ полнѣйшую свободу, потому что всѣ онѣ превосходны и являются самымъ лучшимъ стимуломъ человѣческой дѣятельности. Невѣрно утвержденіе, будто человѣкъ находится въ разладѣ съ самимъ собой, и будто ему всегда придется бороться со своими ближними.

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію нашего социальнаго строя, Фурье излагаетъ свои общіе взгляды на исторію. Взгляды эти далеко не имѣютъ той философской цѣны, какую имѣютъ воззрѣнія Сень-Симона. Миръ будетъ существовать еще въ продолженіе 80.000 лѣтъ (трудно сказать зачѣмъ понадобилась такая точность), изъ которыхъ 40.000 лѣтъ будутъ фазой прогресса, остальные 40.000 лѣтъ — фазой упадка. Человѣчество должно пережить, 36 періодовъ, изъ которыхъ три предшествовали промышленности; они принадлежатъ къ раздробленной и отталкивающей промышленности: патриархатъ, варварство и цивилизація; три относятся къ привлекающей общественной промышленности: періодъ взаимной поруки (*garantisme*), періодъ сотрудничества, (*sociantisme*) и періодъ гармоніи (*harmonisme*). Затѣмъ идутъ другіе періоды, характеристики которыхъ Фурье не даетъ. Первые шесть періодовъ продолжались 7.000 лѣтъ, слѣдующіе три поочередно наступятъ въ томъ стоѣ, о которомъ мечтаетъ Фурье.

Его картина современной эры или цивилизаціи далеко не утѣшительна. Она

составляет одну из важнѣйшихъ частей его трудовъ, и нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ Фурье не затрагивалъ бы этого вопроса. Самое существенное по этому предмету содержится въ его сочиненіяхъ «Всемирное единство» и «Новый свѣтъ».

Міръ находится въ гибельномъ, постыдномъ и подавленномъ состояніи. Послѣднее характеризуется раздробленностью, сводящей на-нѣтъ человѣческую дѣятельность и парализующей всякій прогрессъ. «Философы! Напрасно станете вы нагромождать библіотеки сочиненіями, тракующими о счастіи: вы его не найдете до тѣхъ поръ, пока не вырвете съ корнемъ ствола всѣхъ социальныхъ бѣдствій, какимъ являются промышленная раздробленность или разрозненный трудъ, противорѣчащій божеской волѣ... Индустриализмъ—это новѣйшая изъ нашихъ научныхъ химеръ. Это манія вести производство въ разбродъ, безъ всякаго плана пропорціональнаго вознагражденія, безъ всякой гарантіи для наемнаго рабочаго въ томъ, что и онъ будетъ получать свою долю въ увеличеніи богатствъ».

Въ современномъ обществѣ совершенно отсутствуетъ согласованность дѣйствій; каждый поступаетъ такъ, какъ ему заблагоразсудится, нисколько не заботясь о томъ, чтобы согласовать свою инициативу или свои дѣйствія съ трудомъ другихъ. Отсюда тѣ необычайные результаты, къ которымъ привела эта анархія. «Одинъ превращаетъ въ пастбища склоны горъ, самой природой предназначенные для виноградниковъ; другой засѣваетъ пшеницей землю, которая болѣе всего подходитъ для луга. Иной, для того, чтобы имѣть свой хлѣбъ, распахиваетъ крутой косогоръ, откуда хлѣбъ можетъ быть снесенъ первымъ ливнемъ; другой, чтобы не покупать вина, насаждаетъ виноградныя лозы въ сырой долині. Масса семействъ тратятъ свое время и деньги на то, чтобы вести безконечныя тяжбы изъ-за вопросовъ о границахъ и покражахъ. Всѣ эти семейства отказываются выполнять общепользныя работы потому только, что эти работы могутъ пойти въ прокъ ненавистнымъ сосѣдямъ; каждый хищническимъ образомъ вырубаетъ лѣса и личный интересъ ставитъ выше общественнаго блага».

Такимъ образомъ, въ капиталистическомъ обществѣ ведется непрерывная ожесточенная борьба между гражданами. «Каждый капиталистъ (industrieux) ведетъ войну съ массой». Отсутствие единства въ планахъ и въ ихъ исполненіи фатально приводитъ къ хищничеству и къ бесполезной тратѣ наилучшихъ силъ. Вслѣдствіе отсутствія согласія и солидарности, каждому поколѣнію приходится сызнова начать работу предшествовавшаго ему поколѣнія, такъ что «та крупница добра, которую можно найти въ цивилизованномъ обществѣ, обязана своимъ происхожденіемъ явленіямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ цивилизаціей».

Какъ можно, впрочемъ, требовать, чтобы индивидуальныя дѣйствія пошли въ прокъ всему обществу? Каждую минуту производство тормозится, замедляется или разлагается благодаря смерти «чиновника», т. е. главы предпріятія, благодаря «личному непостоянству», противоположности характеровъ отца

и сына, мошенничеству, воровству, обману, борьбѣ предпріятій, интересы которыхъ противоположны, и т. д. Самымъ главнымъ порокомъ капиталистическаго строя является *конкуренція*, учащающаяся кризисы, обостряющая борьбу, вызывающая ужасную вражду и увеличивающая число несчастныхъ. Фурье прекрасно понималъ, что капитализмъ вноситъ разстройство въ ряды самой буржуазіи, и что она производитъ частичные перевороты въ социальномъ строѣ.

Разоряя однихъ,—огромное большинство,—она обогащаетъ другихъ,—ничтожное меньшинство,—и такимъ образомъ создаетъ денежную аристократію, промышленное дворянство, захватывающее власть, угнетающее народъ. Но не одни только фабриканты погибаютъ отъ этой конкуренціи: благодаря послѣдней, условия жизни рабочихъ постоянно ухудшаются.

Конкуренція привела къ возрожденію рабства подъ названіемъ наемнаго труда. На трудъ продолжаютъ смотрѣть, какъ на наказаніе, какъ на порокъ, до такой степени онъ плохо распределенъ, плохо организованъ, до такой степени онъ противенъ и однообразенъ. Работники такъ многочисленны и съ такимъ трудомъ находятъ заработокъ, что нищета растетъ наряду съ ростомъ богатствъ. «Промышленные районы въ такой же, а можетъ быть еще въ большей степени, кишатъ нищими, какъ и мѣстности, не затронутыя этимъ видомъ прогресса. Очевидно, что крайности конкуренціи приводятъ цивилизованный народъ къ тому же состоянію нищеты и порабощенія, которое существуетъ среди населенія Китая и Индостана». Эта картина настолько полна, что къ ней ничего не приходится прибавить.

V.

Фурье долго распространяется на счетъ того, какую роль играютъ въ цивилизованномъ обществѣ торговля и посредничество. Они изображаютъ колоссальную и непроизводительную трату работоспособныхъ рукъ и умовъ въ современномъ обществѣ.

Что, по его мнѣнію, характеризуетъ нашу эпоху, такъ это всемогущество не производителей, купцовъ или потребителей, а людей праздныхъ.

Онъ даетъ намъ подробнѣйшую номенклатуру бесполезныхъ людей, т. е. тѣхъ, которые живутъ на счетъ народа, ничего ему не давая взамѣнъ. Онъ различаетъ: 1) *домашнихъ паразитовъ*, къ которымъ принадлежатъ женщины, дѣти и прислуга; 2) *соціальныхъ паразитовъ*, къ которымъ относятся солдаты, фискальные чиновники, фабриканты, число которыхъ могло бы быть уменьшено наполовину, купцы, девять десятыхъ которыхъ оказываются совершенно бесполезными, агенты транспорта, число которыхъ можно было бы сократить на двѣ трети; наконецъ, 3) *дополнительныхъ паразитовъ*; сюда относятся безработные, софисты и особенно юристы. Къ этой же категоріи принадлежатъ больные, арестанты, люди, питающіе отвращеніе ко всякаго рода труду,

прислужники капитализма, публичныя женщины, воры. Существует, такимъ образомъ, масса людей, ничего не производящихъ и живущихъ чужимъ трудомъ.

Но это не все: какая масса людей, даже среди тѣхъ, кто извуряетъ себя непосильнымъ трудомъ, исполняютъ, вслѣдствіе господствующей анархіи, бесполезную работу! «Мы употребляемъ сто рабочихъ тамъ, гдѣ было бы достаточно трехъ». И это положеніе дѣлъ слѣдуетъ приписать исключительно нашей рутинѣ, нашему незнанію условій, облегчающихъ существованіе. «Мы такіе же новички, какъ народы, незнакомые съ употребленіемъ машинъ, и употребляющіе для размельченія зеренъ 50 рабочихъ въ то время, какъ для этого было бы достаточно одного жернова».

Съ особенной яростью обрушивается Фурье на купцовъ, этотъ классъ паразитовъ по преимуществу. Они одни получаютъ въ годъ столько, что на эти деньги можно было бы прокормить четыре милліона человѣкъ. Долгое время ихъ презирали бывшіе феодалы, отодвигали ихъ на задній планъ, но въ настоящее время они вознаграждаютъ себя за прежнія униженія. Эти «естественные враги фабрики» ведутъ себя, какъ настоящіе корсиканцы, и разоряютъ фабрикантовъ; будучи хозяевами рынка, они могутъ, по своему желанію, ограничить продажу того или иного товара, или же выбросить его на рынокъ цѣлыми массами и такимъ образомъ ускорить его обращеніе. Они по своему производу опредѣляютъ повышеніе или пониженіе товарныхъ цѣнъ, и ихъ гибельное эгоистическое вліяніе приводитъ къ самымъ чудовищнымъ противорѣчіямъ: «Двадцать пять милліоновъ французовъ не имѣютъ вина, въ то самое время, когда цѣлыя массы винограда выбрасываются въ водостокъ». Эти купцы вызываютъ періодическія промышленныя катастрофы тѣмъ, что набрасываются на рынокъ, какъ только онъ открывается, не будучи въ состояніи учитывать аппетиты своихъ конкурентовъ.

Неизбѣжнымъ и постояннымъ слѣдствіемъ подобнаго строя являются мошенничество и фальсификація. Мало того, что рабочіе обречены на каторжныя работы фабрикъ, что всюду и вездѣ господствуетъ анархія, что число людей, ничего не производящихъ, все размножается, что паразитизмъ отнимаетъ у промышленности и у сельскаго хозяйства милліоны работниковъ,—для господства людей, не приносящихъ обществу никакой пользы, необходимы еще: обманъ, недобросовѣстность и ложь; эти господа постепенно развращаютъ чело-вѣчество и накладываютъ отвратительный отпечатокъ на нашу психику.

Особенно важное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что этотъ строй одобряется одной категоріей писателей, поспѣшившихъ его оправдать, якобы основываясь на научныхъ принципахъ. «Барышники и ажіотеры нашли себѣ защитниковъ среди той категоріи ученыхъ, которыхъ называютъ экономистами, и въ настоящее время нѣтъ занятія болѣе почтеннаго, нежели барышничество и ажіотажъ, что на современномъ языкѣ называютъ банковской спекуляціей, потому что люди находятъ неудобнымъ называть вещи ихъ именами... Смѣшивать функцію купца съ функціей фабриканта — значитъ не звать азбучной истины».

Нѣтъ ни одной стороны общественнаго строя, которая не была бы изслѣдована, анализирована и раскритикована Фурье. Ему настолько ненавистенъ существующій строй, что онъ не хочетъ оставить камня на камнѣ въ современной цивилизаціи, и онъ радуется тому, что онъ одинъ относится къ ней отрицательно: «Стало ясно, что индустриализмъ—это какой-то заколдованный кругъ, и всѣ начинаютъ къ нему относиться съ недовѣріемъ».

Такова критическая или разрушительная сторона работы Фурье. Посмотримъ теперь, каковы провозглашенные имъ новые принципы для обновленія общества, и какъ онъ себѣ представлялъ функціонированіе этого преобразованнаго общества.

VI.

Въ благоустроенномъ обществѣ никто не долженъ умирать съ голоду, а потому всякому должна быть предоставлена возможность, подѣ известными условіями, принимать участіе въ производствѣ. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ провозглашеніе права на трудъ: «Въ продолженіе вѣковъ мы спорили о правахъ человѣка, но не додумались до того, чтобы признать за человѣкомъ самое существенное право—право на трудъ, безъ котораго всѣ остальные права не имѣютъ никакой цѣны». Справедливая и полная глубокаго смысла мысль! Что такое свобода, равенство и братство? Одни лишь пустыя слова, если личность лишена возможности зарабатывать свое существованіе. Но и самое «право на трудъ» осталось бы слишкомъ теоретическимъ правомъ, если бы оно не было санкціонировано установленнымъ вознагражденіемъ. Необходимо поэтому установить минимумъ средствъ существованія или минимумъ заработной платы. Фурье—какъ и послѣ него, по его почину, и социалисты 1848 г.—сразу понялъ, какую огромную брешь онъ могъ бы пробить въ капиталистическомъ строѣ однимъ только провозглашеніемъ этого права: «Необходимо дать народу гарантіи благосостоянія, какъ въ настоящемъ, такъ и на будущее время; необходимо также, чтобы эта гарантія избавила каждаго человѣка отъ безпокойства за свою судьбу и за судьбу его близкихъ». Это серьезный ударъ принципамъ неограниченнаго права частной собственности.

Одна лишь ассоціація въ состояніи привести общество «къ гармоническому строю». Но надо быть точнымъ. «Говорятъ, что люди существуютъ для общества; упускаютъ только изъ виду, что общество можетъ быть двухъ родовъ: раздробленное и комбинированное. Одно соотвѣтствуетъ противообщественному, а второе—общественному состоянію. Между этими двумя состояніями существуетъ такая же пропасть, какъ между ложью и истиной».

Но комбинированное дѣйствіе можетъ стать на мѣсто дѣйствія въ разбродъ лишь въ томъ случаѣ, когда первое является слѣдствіемъ свободной игры страстей. Только эмансипируя послѣднія, т. е. предоставляя страстямъ возможность свободно проявляться и взаимно переплетаться между собой, мы можемъ достигнуть высшей формы ассоціаціи. Эта ассоціація будетъ отли-

чаться такой полнотой, какую намъ невозможно даже себѣ представить, настолько она будетъ стоять выше условій труда въ современной семьѣ.

Фурье даетъ классификацію нашихъ наклонностей. Три изъ нихъ будутъ играть доминирующую роль въ его фаланстерѣ. Во-первыхъ, *перемѣнная* страсть, которая есть не что иное, какъ любовь къ перемѣнамъ: человѣкъ стремится къ перемѣнѣ занятій и среды. Слѣдовало бы поэтому удовлетворить это его стремленіе зачисленіемъ каждаго поочередно то въ одну, то въ другую группу, гдѣ онъ будетъ заниматься то однимъ, то другимъ трудомъ. Вотъ программа для работника фаланстера: работникъ встаетъ въ 3½ часа утра; въ 4 часа—группа конюховъ; въ 5 ч.—группа садовниковъ; въ 7½ ч.—группа косарей; въ 9½ ч.—группа огородниковъ; въ 11 ч.—группа хлѣбниковъ; въ 2 ч.—группа лѣсвичихъ; въ 6 ч.—мануфактурный трудъ; въ 7 ч.—орошеніе; въ 8 ч.—распределеніе занятій и развлеченій.

«Гармонисты» спятъ мало—всего лишь 4½ часа, но превосходныя гигиеническія условія замѣняютъ имъ сонъ. «*Кабаллистическая*» страсть, или партійный духъ и «*композиционная*» или «*эжальтирующая*» страсть также получаютъ удовлетвореніе въ фаланстерѣ путемъ распределенія «серій» или «сектъ». Любители интригъ, честолюбцы и т. д. найдутъ тамъ свободный просторъ для своихъ наклонностей. Зачѣмъ ихъ обуздывать, разъ онѣ служатъ общему интересу и разъ послѣдній, по необходимости, совпадаетъ съ интересами каждой отдѣльной личности? «Серія противоположныхъ страстей, пишетъ Фурье на своемъ нѣсколько причудливомъ языкѣ, находятъ себѣ пищу въ противорѣчій интересовъ политики современной цивилизаціи».

Сообразуясь со своими наклонностями, люди соединяются въ ассоціаціи труда. Личный поступокъ каждаго понимается лишь какъ дѣйствіе, соответствующее общему интересу; каждый является не больше, какъ составной частью всей системы силъ, но этимъ нисколько не ограничивается личная свобода кого бы то ни было, такъ какъ никто не можетъ быть принуждаемъ вступать непремѣнно въ опредѣленное сообщество. Можно было бы опасаться, что вмѣсто уничтоженной конкуренціи между гражданами появится конкуренція между отдѣльными обществами производителей, но это—опасность не серьезная, такъ какъ всѣ члены «гармоніи» безпрестанно переходятъ отъ одной группы къ другой, и поэтому они будутъ остерегаться того, чтобы не разорить той группы, въ которой они принимали участіе наканунѣ, и куда они могутъ попасть и завтра. Правда, будетъ существовать соперничество, но оно послужитъ только интересамъ коллективности членовъ и приведетъ къ численному и качественному росту производства. Наконецъ, каждая «серія» будетъ получать, помимо дивиденда отъ своего собственнаго труда, еще и дивидендъ отъ труда другихъ «серій»; такимъ образомъ, общность интересовъ будетъ такъ сильна, что алчность отдѣльныхъ личностей не сможетъ ее нарушить. Фурье резюмируетъ свою систему въ слѣдующихъ словахъ: «Растворить корыстолюбивыя стремленія отдѣльныхъ личностей въ коллективныхъ интересахъ каждой данной «серіи» и подчинить коллективныя

требования отдѣльныхъ серій интересамъ участниковъ въ массѣ другихъ серій».

Что касается труда, который нынѣ и надоѣдаетъ, и порабощаетъ, то онъ въ «Гармонія» Фурье станетъ привлекательнымъ—и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ онъ будетъ разнообразнѣе. Если трудъ въ настоящее время тягостенъ, то это потому, что ткачъ за своими станками, рудокопъ въ своей шахтѣ и т. д. вынуждены въ продолженіе 12 или 14 часовъ, изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ теченіе тридцати, сорока или пятидесяти лѣтъ выполнять одну и ту же работу. Какъ мириться съ такимъ однообразіемъ, убивающимъ умственные способности и превращающимъ человѣка въ автомата? Въ фаланстерѣ же работникъ пойдетъ на работу, не протестуя, не по принужденію, а съ искренней радостью, такъ какъ ему будетъ предоставленъ свободный выборъ занятій, которыя онъ будетъ часто мѣнять. Трудъ будетъ тѣмъ болѣе производительнымъ и тѣмъ болѣе цѣлесообразнымъ, что онъ будетъ выполняться не рабами, а эмансипированными людьми, проникнутыми сознаниемъ своего общественнаго долга и полезности ихъ работы. Мы уже сказали, что члены фаланстера будутъ въ одно и то же время заниматься земледѣліемъ и работать на фабрикѣ. Фурье справедливо ставили въ упрекъ то, что онъ игнорировалъ принципъ раздѣленія труда, которое, путемъ продолжительной специализаціи работниковъ, развиваетъ въ послѣднихъ огромную техническую споровку. Современныя социалисты стараются поэтому облегчить участь пролетаріевъ скорѣе путемъ сокращенія рабочаго дня, чѣмъ разнообразіемъ занятій. Но фурьеристская теорія, основанная на принципѣ всесторонняго развитія и свободной комбинаціи страстей, не могла придти къ другимъ выводамъ.

Община, такъ называемый фаланстеръ, дѣлится на опредѣленное число «серій», изъ которыхъ каждая соответствуетъ особой отрасли производства. Приведемъ примѣръ: тридцать человѣкъ будутъ заниматься скотоводствомъ; пятьдесятъ—земледѣліемъ; двадцать—мануфактурнымъ производствомъ, и т. д., и т. д. Каждая серія, въ свою очередь, дѣлится на двадцать четыре, тридцать или тридцать двѣ «группы», между которыми будутъ распредѣляться отдѣльныя функціи данной отрасли производства. Различіе между двумя соседними группами крайне слабое, почти ничтожное. «Каждая изъ нихъ, говоритъ Фурье, соответствуетъ отдѣльному виду страсти даннаго рода». Тщательная классификація этихъ группъ чрезвычайно важна, ибо «соревнованіе, усовершенствованіе личности и прибыль увеличиваются въ зависимости отъ точнаго опредѣленія отѣнковъ наклонностей членовъ «серіи» и отъ дѣленія этой послѣдней на соответственное число группъ».

Вопросъ о распредѣленіи является наиболѣе важнымъ или, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ всякой теоріи преобразованія общества. Фурье не упускалъ этого изъ виду. «Узы, связывающія общество, были бы порваны, въ случаѣ неудачнаго рѣшенія этого вопроса».

Его идеалъ не коммуна, а ассоціація, т. е. организація, при которой каждый ея членъ получаетъ изъ общей массы продуктовъ не сообразно его

потребностямъ, а по установленной «прогрессіи». Въ обществѣ, основанномъ на коммунистическихъ началахъ, все принадлежитъ всѣмъ, и никто не получаетъ спеціального вознагражденія. Въ ассоціаціи, наоборотъ, капиталъ, даже тогда, когда онъ находится въ распоряженіи коллективности, приноситъ своему владѣльцу заранѣе установленное вознагражденіе. Онъ остается однимъ изъ элементовъ договорной организаціи, къ которой пристають сотни и тысячи участниковъ, и занимаетъ особое мѣсто, какъ отдѣльная основная категорія, наряду съ трудомъ и талантомъ. Этимъ Фурье избавилъ себя отъ нападковъ правовѣрныхъ буржуазныхъ экономистовъ. Фаланстеръ будетъ имѣть форму огромнаго акціонернаго общества, члены котораго будутъ пользоваться правомъ собственности на имущество даннаго фаланстера: «Путемъ участія въ фаланстерѣ бѣднякъ становится собственникомъ цѣлаго кантона».

Фурье предлагаетъ слѣдующее распредѣленіе: $\frac{5}{12}$ —труду, $\frac{4}{12}$ —капиталу и $\frac{3}{12}$ —таланту. Но ничто не мѣшаетъ работнику получить часть дивиденда капитала, потому что онъ легко можетъ сдѣлаться владѣльцемъ акціи. Что касается самого труда, то вознагражденіе за него не будетъ однообразнымъ: трудныя и малопривлекательныя работы будутъ оплачиваться лучше пріятныхъ работъ. Слѣдуетъ добавить, что каждому будетъ обезпеченъ минимумъ средствъ существованія, чего требуютъ законъ Христа и необходимость возстановленія естественныхъ правъ: охоты, рыболовства, собиранія плодовъ и пользованія пастбищемъ, правъ, которыхъ человѣкъ нынѣ лишень. До тѣхъ поръ, пока этотъ минимумъ не будетъ обезпеченъ закономъ, не прекратится гнѣть, а, слѣдовательно, не исчезнетъ и опасность революціи.

Фурьеризмъ приписываетъ первенствующее значеніе землѣдѣлю, и это составляетъ еще одну изъ отличительныхъ чертъ этого ученія. Сельскохозяйственнымъ работамъ отводится въ фаланстерѣ $\frac{3}{4}$ рабочаго дня. Это пристрастіе къ сельскому хозяйству присуще не одному только автору «Новаго Свѣта». То же самое мы замѣчаемъ у многихъ соціологовъ всѣхъ направленій, какъ въ началѣ XIX в., такъ и въ наше время.

Фурье, какъ и его современниковъ, поражали нѣкоторыя явленія, получившія хроническій характеръ и непрерывно развивавшіяся. Эти характерныя явленія новѣйшей экономической эволюціи свойственны не одной лишь Франціи или Англій, которыя 75 лѣтъ тому назадъ были главными, если не единственными странами, гдѣ эти явленія наблюдались; послѣднія имѣютъ мѣсто также и въ новыхъ странахъ, позднѣ затронутыхъ капитализмомъ: въ Россіи, Венгріи, Соединенныхъ Штатахъ, Аргентинской республикѣ, Японіи и т. д. Это — уходъ крестьянскаго населенія въ города, оставленіе пахотныхъ земель, колоссальное расширеніе крупныхъ центровъ, недостатокъ рабочихъ рукъ въ деревняхъ, поглощеніе крестьянъ фабрикой, вытѣсненіе сельскохозяйственнаго труда промышленнымъ. Фурье хотѣлъ противодействовать этому экономическому перевороту, который, какъ ему казалось, угрожалъ равновѣсію силъ, общему благосостоянію и народному здравію. Довольно странно, что эта идея, впервые выраженная у Фурье въ смѣшной и нелѣпой формѣ (ибо капиталистиче-

ское развитіе, явившееся слѣдствіемъ органической эволюціи общества, слишкомъ сильно, чтобы его можно было задержать), была принята и облечена въ новую форму социологами нашей эпохи, которые ее сопровождаютъ довольно пріемлемыми практическими рѣшеніями. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что новѣйшія усовершенствованія орудій производства создали особенно благоприятную почву для подобнаго рода примѣненій, и что въ дѣйствительности рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы замедлить ходъ экономического развитія, а лишь о томъ, чтобы нѣсколько видоизмѣнять соотношеніе его силъ.

Фурье не возлагаетъ никакихъ надеждъ на государство. Какъ могъ бы онъ рассчитывать на его поддержку, разъ онъ стремится къ уничтоженію государства? Онъ не ждетъ также осуществленія своихъ идей отъ возстанія пролетаріата, который захотѣлъ бы освободиться отъ рабства. Понятіе о борьбѣ классовъ отсутствуетъ во всѣхъ его сочиненіяхъ. Несмотря на то, что наша цивилизація ему представляется хаотичной, неорганизованной, онъ не вскрываетъ въ ней противоположности интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ слоевъ; онъ не вскрываетъ, такъ сказать, фермента переворота и обновленія общества. Его не занимаетъ вопросъ, какимъ образомъ совершится переходъ отъ современнаго строя къ непосредственно за нимъ слѣдующему (между современнымъ «необщественнымъ» строемъ и «гармоніей» должны пройти нѣсколько историческихъ фазъ). Онъ клеймаетъ существующій строй, рисуетъ идеаль будущаго, утверждаетъ, что свободное проявленіе страстей спасетъ все. Но какъ? На этотъ вопросъ онъ не отвѣчаетъ. На что особенно слѣдуетъ обратить вниманіе, такъ это то, что Фурье—какъ и Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты—не входитъ даже въ разсмотрѣніе вопроса о возможности пролетарской революціи; если онъ иногда на нее ссылается, то онъ это дѣлаетъ исключительно съ цѣлью аргументировать свои воззрѣнія. Онъ никогда не допускалъ серьезно возможности такой революціи. Въ этомъ отношеніи онъ отличается отъ демократовъ, не забывшихъ 1789, 92 и 93 гг. и считавшихъ возможнымъ, или даже необходимымъ, государственный переворотъ, который былъ бы совершенъ самимъ народомъ. Ссылки на исторію, на событія прошлаго—на основаніи которыхъ можно было бы судить о будущемъ—совершенно отсутствуютъ въ сочиненіяхъ Фурье. Въ основаніе его теорій положены одни лишь разсужденія и самая отвлеченная философія, причемъ и эти разсужденія и эта философія нерѣдко принимаютъ нѣсколько причудливый характеръ.

VII.

Авторъ сочиненій «Новый Свѣтъ» и «Всемірное единство» охотно распространялся о фаланстерѣ. Послѣдній состоитъ изъ 1.600 или 1.800 человѣкъ, которыхъ третья часть—холостые. Члены фаланстера будутъ различаться между собой по достоянію, возрасту и воспитанію; капиталисты, ученые и артисты должны составлять не болѣе $\frac{1}{6}$ общаго числа членовъ. Фаланстеръ—

это ядро, зародышевая форма, социальная ячейка будущего общественного строя. Последний потерпел бы крушение, если бы эта ячейка не была основана на точных правилах, на сохранении некоторых градаций, без которых общество опять пришло бы в расстройство.

Люди там соединяются между собою, сообразно уже указанным нами принципам, следуя своим многочисленным отраслям. Мы также уже изложили вкратце способ распределения занятий и доходов.

Центром фаланстера служит огромное помѣстье, гдѣ сосредоточивается вся жизнь коллективности. Зданія построены на хорошо подобранномъ, здоровомъ и живописномъ мѣстѣ. Тутъ находятся жилища для членовъ или «сектантовъ» и общепользные учрежденія. Слѣдуетъ подробный планъ фаланстера. Воздухъ очищается самыми лучшими научными способами. Отдѣльныя части фаланстера соединяются между собою отапливаемыми корридорами. Это чудное комфортабельное помѣстье, которое будетъ ласкать взоръ, обойдется не дороже стоимости 400 жалкихъ хижинъ, необходимыхъ для 400 семействъ. И тутъ Фурье распространяется насчетъ поразительной экономіи и насчетъ удобствъ, которыя даетъ подобная комбинація. Въмѣсто 300 и 400 кухонь, понадобится всего лишь 5. То же самое справедливо и по отношенію къ погребамъ, чердакамъ и т. д. Экономія времени и труда получится отъ массы работъ, которыя теперь выполняются каждымъ въ отдѣльности, а въ фаланстерѣ будутъ выполняться однимъ человѣкомъ на пользу всѣхъ. Личная инициатива станетъ тѣмъ болѣе плодотворной, что она не будетъ сталкиваться съ другой соперничающей инициативой. Паразиты и бездѣльники, нынѣ размножающіеся вслѣдствіе господствующей анархіи, обязаны будутъ заниматься полезнымъ дѣломъ. Совмѣстный трудъ, который будетъ вестись по опредѣленному, строго согласованному плану, будетъ въ высшей степени производительенъ. Хищничество и бесполезная трата силъ будутъ устранены. Фурье полагаетъ, что за очень короткій промежутокъ времени доходъ фаланстера учетверится.

За предѣлами фаланстера населеніе будетъ заниматься земледѣліемъ и различными, связанными съ послѣднимъ мануфактурными работами, а также работами, связанными съ другими формами эксплуатаціи природы. Не будетъ больше ни банкировъ, ни купцовъ, ни бюрократовъ. Домашнія работы будутъ выполняться специально для этого предназначенными «серіями». Занятія эти не будутъ неприятны, такъ какъ они будутъ имѣть общественный характеръ. Никто не будетъ имѣть своего слугу, но каждый будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи пятьдесятъ слугъ, услугами которыхъ онъ будетъ пользоваться каждый разъ, когда онъ въ нихъ будетъ нуждаться. Если бы оказалось слишкомъ мало охотниковъ на этотъ родъ занятій (которыя, вслѣдствіе атавизма или ложнаго воспитанія, продолжали бы считать менѣе благородными), то этотъ недостатокъ пополнялся бы «маленькими ордами» дѣтей.

Видъ окружающей фаланстеръ мѣстности совершенно измѣнится. Не будетъ болѣе ни изгородей, ни заборовъ; всѣ слѣды практикующагося нынѣ

гибельнаго дробленія земель будутъ уничтожены. Зачѣмъ все это, разъ индивидуальное веденіе дѣлъ замѣнено общественнымъ и разъ всеобщее благосостояніе устраняетъ стимулы къ воровству? Полиція исчезнетъ: всѣмъ членамъ «Гармоніи» придется признать ея бесполезность. Постоянное сожителство и сотрудничество «серій» и «группъ» приведетъ не только къ уничтоженію борьбы за захватъ собственности, но также и къ исчезновенію соціальной вражды. Нельзя ничего имѣть противъ избранія руководителей: при ихъ назначеніи граждане будутъ руководствоваться исключительно интересами фаланстера, и къ тому же эти должностныя лица не будутъ располагать никакой принудительной властью. Отсутствіе какого бы то ни было политическаго учрежденія обезпечиваетъ свободу каждаго.

Воспитаніе играетъ огромную роль въ «Гармоніи», и Фурье по этому вопросу высказываетъ дѣльный рядъ мыслей, столь же справедливыхъ, какъ и оригинальныхъ. Онъ хочетъ съ самаго ранняго дѣтства развивать врожденные инстинкты, чтобы впоследствии употреблять людей какъ разъ для тѣхъ функций, для которыхъ они предназначены самой природой. «Слѣдуетъ развить не одно какое нибудь призваніе, а дѣльныхъ тридцать». Фурье высказываетъ затѣмъ массу интересныхъ и оригинальныхъ взглядовъ относительно того, какъ использовать маніи дѣтей и какъ «постепенно развивать силы послѣднихъ».

Фурье былъ также однимъ изъ наиболѣе убѣжденныхъ феминистовъ XIX в. Этотъ жизненный для всѣхъ обществъ вопросъ онъ рѣшаетъ на основаніи взглядовъ, которые впоследствии были приняты и социализмомъ; другими словами, онъ связываетъ этотъ вопросъ съ общественнымъ развитіемъ, взятымъ въ дѣло. «Историческій прогрессъ идетъ параллельно съ успѣхами женщинъ по пути къ свободѣ, а регрессъ— параллельно съ уменьшеніемъ свободы женщинъ». Нашъ философъ полагаетъ, что женщина должна (за исключеніемъ извѣстныхъ случаевъ) наравнѣ съ мужчиной принимать участіе въ общественной жизни и въ производствѣ. Въ настоящее время женщина знаетъ одни лишь лишенія. Втянутая капитализмомъ, захваченная машиной, она истощаетъ свои силы въ непосильномъ трудѣ. Слишкомъ часто она, чтобы поддержать свое существованіе, вынуждена прибѣгать къ проституціи. Въ «Гармоніи» эмансипированная женщина, благодаря всестороннему развитію ея способностей, превзойдетъ мужчину во всѣхъ тѣхъ умственныхъ и физическихъ функцияхъ, которыя не являются атрибутомъ физической силы.

Остается еще сказать, какъ Фурье опредѣлилъ общественный строй, который долженъ придти на смѣну «періоду цивилизаціи», а также, какимъ образомъ фаланстеры будутъ между собою соединяться для выполненія грандіозныхъ общепользовныхъ работъ.

Въ періодъ «гарантизма» не будетъ еще фаланстера, а будутъ лишь учреждены повсюду коммерческія бюро, т. е. складочныя мѣста для продуктовъ, имѣющія дѣлью сокращеніе расходовъ по веденію дѣлъ, выдающія ссуды сельскимъ хозяевамъ и постепенно развивающія кооперативный духъ.

Рядомъ съ этими бюро будутъ возникать общества взаимнаго страхова-

нія и другія учрежденія, основанія на болѣе радикальныхъ началахъ, какъ, напр., коммунальныя аптеки и т. д.

Общество будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ бороться противъ посредниковъ, этихъ паразитовъ торговли, и постарается сократить ихъ численность. Увеличеніе торговыхъ пошлинъ приведетъ къ разоренію торговцевъ. Вытѣсненные, такимъ образомъ, самимъ фискомъ изъ лавокъ, они будутъ искать убѣжища въ земледѣліи и найдутъ это убѣжище въ специально для нихъ предназначающихся фермахъ. Послѣднія будутъ называться «фермы-убѣжища» и вмѣстѣ съ «коммерческими бюро» будутъ содѣйствовать наступленію будущей общественной организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, эти учрежденія разорятъ частную торговлю, а вмѣстѣ съ нею — и банки. Капиталы, ранѣе употреблявшіеся для торговыхъ и банковыхъ операцій, теперь будутъ притекать къ земледѣльческимъ и фабричнымъ предпріятіямъ, которыя все болѣе и болѣе будутъ группироваться вокругъ фермъ. Веденіе дѣлъ этихъ фермъ дастъ такіе блестящіе результаты, что владѣльцы помѣстій добровольно откажутся отъ своего права собственности, чтобы стать акціонерами новаго общества. Такимъ образомъ, безъ рѣзкихъ толчковъ и безъ затрудненій, человѣчество перейдетъ отъ «гарантизма» къ высшей формѣ организаціи общества.

VIII.

Въ періодъ «Гармоніи», съ организаціей которой мы въ существенныхъ чертахъ уже знакомы, человѣчество будетъ въ состояніи выполнять такія грандіозныя работы, о которыхъ никто никогда не смѣлъ даже мечтать. Если обработка земли не достигаетъ своего совершенства, если мы безсильны преобразовать среду, въ которой живемъ, то въ этомъ повинна господствующая у насъ разрозненность. Какъ мы можемъ успѣшно выполнять работы по осушенію, удобренію почвы, прорытію каналовъ и туннелей и т. д., если мы не въ состояніи согласовать наши усилія, и если каждый думаетъ только о своихъ мелкихъ личныхъ интересахъ и сознательно ведетъ борьбу съ общественнымъ интересомъ?

Фурье констатируетъ, что нѣкогда плодородныя мѣстности, какъ напрѣмѣръ, часть Азіи и сѣверная часть Африки, стали неплодными и почти пустынными. Въ этомъ повинна одна лишь цивилизація. Обновленное человѣчество направитъ свои усилія къ тому, чтобы опять сдѣлать эти запущенныя территоріи плодородными.

Фаланстеръ, со своимъ ограниченнымъ числомъ работниковъ, не могъ бы, конечно, удовлетворить общія потребности; но фаланстеръ есть только социальная ячейка. Рядомъ съ нимъ будутъ существовать крупныя города (хотя авторъ «Новаго Свѣта» не особенный поклонникъ крупныхъ обществъ), которые будутъ располагать болѣе обширными средствами. Затѣмъ ничто не помѣшаетъ составить сельныя промышленныя арміи, которыя переѣзжали бы

съ мѣста на мѣсто и удовлетворяли бы всѣмъ коллективнымъ потребностямъ. Эти арміи сдѣлають Сахару обитаемой, прорують Суэцкій и Панамскій перешейки, создадутъ водные пути въ Канадѣ. Такимъ образомъ, Фурье—какъ и Сень-Симонъ—предвосхитилъ нѣкоторыя изъ наиболѣе грандіозныхъ попытокъ нашей эпохи и восхвалялъ «Гармонію», которая благодаря своей организаціи въ десять, въ сто разъ увеличила бы энергію и инициативу народовъ.

IX.

Фурье, какъ это бываетъ съ большинствомъ социальныхъ реформаторовъ, былъ крайне суровъ по отношенію къ тѣмъ, кто наряду съ нимъ, но нѣсколько иными путями, стремился къ обновленію общества. Онъ часто смѣивалъ своего современника Оуэна, несмотря на то, что опыты этого гениальнаго англичанина увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Достигнутые Оуэномъ практическіе результаты составляли даже прямую противоположность неудачамъ фурьеристовъ—въ особенности, неудачному опыту Водэ-Дюлари (1832 г.).

Относительно многихъ пунктовъ Оуэнъ придерживался оригинальныхъ и отличныхъ отъ проводимыхъ французскимъ философомъ взглядовъ. Онъ, на-примѣръ, пошелъ дальше Фурье, признавъ общность имущества и распредѣленіе продуктовъ сообразно съ насущными потребностями. Въ его теоріи отсутствуетъ понятіе о божествѣ (любопытная для того времени особенность), а религія сводится къ благотворительности, къ поискамъ за правдой, къ любви, къ стремленію ко всеобщему счастью.

Опередивъ современныя ему криминалистскія школы, онъ утверждалъ, что человѣкъ—продуктъ окружающей его среды и, какъ таковой, не можетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки, а потому Оуэнъ считалъ необходимымъ уничтоженіе наградъ и наказаній. Но онъ приближался къ Фурье въ томъ отношеніи, что въ своей знаменитой запискѣ, представленной имъ аахенскому конгрессу, онъ доказывалъ параллельный ростъ производительныхъ силъ и нищеты, требовалъ, чтобы преимущества, даваемые машинами, пошли на общую пользу и стоялъ за учрежденіе немногочисленныхъ общинъ, которыя занимались бы въ одно и то же время сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью.

Мы сочли необходимымъ указать въ нѣсколькихъ словахъ на взгляды Оуэна; но, чтобы не выйти изъ рамокъ нашей задачи, мы должны отказаться отъ детальнаго изученія теорій этого социального реформатора. Приведемъ только, что Фурье часто выдвигалъ противъ Оуэна обидныя обвиненія и особенно его упрекалъ за его коммунизмъ, за его атеизмъ и за то, что тотъ придавалъ слишкомъ большое значеніе развитію мануфактурнаго производства.

X.

Соціалісты второй половины XIX в. гораздо строже относились къ писателямъ 1840—1848 г.г. — къ Луи-Влану Пьеръ-Леру, Пекеру и т. д., — чѣмъ къ Сень-Симону и Фурье. Возможно, что упреки, которые посылались по адресу сочиненій «Organisation du travail» и «Traité des améliorations matérielles» не совсѣмъ справедливы. Именно потому, что современный соціализмъ объявляетъ себя научнымъ и противопоставляетъ себя утопіи или чистой идеологіи, — именно поэтому онъ долженъ былъ бы проявить нѣкоторое великодушіе по отношенію къ прошлому. Невозможно было сразу дойти до того цѣльнаго міросозерцанія, которое Марксъ, Энгельсъ, ихъ современники и послѣдователи, координировали и привели въ стройную систему. Но мы еше вернемся къ этому вопросу.

Если Сень-Симонъ и Фурье были пощажены критикой, то они этимъ обязаны тому, что ихъ дѣятельность ограничивалась литературно-теоретической областью. Луи-Вланъ, Видалъ, Пекеръ, Прудонъ, Консидерантъ, наоборотъ, прямо или косвенно, принимали участіе въ политическомъ управленіи Франціи въ торжественный моментъ въ исторіи развитія демократіи. Недовѣріе, которое эти мыслители могли вызвать своими практическими дѣйствіями, нерѣдко, совершенно несправедливо, перенеслось на ихъ сочиненія.

Фурье принадлежитъ та заслуга, что онъ далъ намъ исчерпывающую критику капитализма, подробное и полное описаніе соціального паразитизма, вѣрную и убѣдительную оцѣнку преимуществъ коллективныхъ дѣйствій. Всѣ соціалистическіе писатели 1830—1848 г.г. немало позаимствовали у Фурье для своихъ сочиненій. Безъ автора «Новаго Свѣта» ни французскій, ни даже нѣмецкій соціализмъ не получили бы такого широкаго распространенія, какимъ знаменуется конецъ іюльской монархіи. И какъ бы мало революціонны были эти два предвѣстника соціализма, какъ бы отрицательно они ни относились къ пролетарскому возстанію, — они все же оказали вліяніе на революцію 1848 г. Фурье, въ особенности своими нападками на капитализмъ и на его недостатки и противорѣчія, проложилъ дорогу для самыхъ крайнихъ коммунистическихъ теорій. Болѣе того, онъ является законнымъ отцомъ этихъ теорій, несмотря на всю очевидную революціонность послѣднихъ по сравненію съ фаланстерскими идеями.

Консидеранъ.

I.

Викторъ Консидеранъ представляетъ собой переходную ступень отъ періода предвѣстниковъ социализма къ періоду политическихъ писателей 1840 г. Онъ является прямымъ послѣдователемъ Фурье, мысли котораго онъ старается передать и развить; но въ то же время онъ является выразителемъ болѣе крайнихъ и болѣе настоятельныхъ требованій пролетаріата, ставшаго болѣе сознательнымъ. Соціальная война, которая до него разсматривалась, какъ нечто отвлеченное, получаетъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ характеръ постоянной угрозы.

Онъ въ очень ясныхъ и категорическихъ выраженіяхъ формулировалъ понятіе о противорѣчій классовыхъ интересовъ. Впрочемъ, его ученіе, особенно его критика людей и учреждений, сильно эволюционировали отъ его сочиненія «Судьбы общества», («Destinée sociale») появившагося въ 1884 г. и вышедшаго позднѣе вторымъ изданіемъ, до его произведеній «Принципы социализма», «Социализмъ передъ Старымъ Свѣтомъ», появившихся въ 1847 и въ 1848 г. Журналистъ и депутатъ, выдвинутый событіями въ руководители демократической партіи, онъ вынужденъ во вторую половину своей жизни порвать со спокойнымъ методомъ, получившимъ выраженіе въ трудахъ, написанныхъ имъ въ періодъ его кабинетной жизни. Человѣкъ дѣла, онъ мѣняетъ, если не свои теоріи, то, по крайней мѣрѣ, ихъ выраженіе и выводы. Онъ, такимъ образомъ, носитъ на себѣ печать двойного вліянія: онъ находится подъ вліяніемъ идей своихъ предшественниковъ, а также подъ вліяніемъ эпохи, въ которую ему приходится жить и дѣйствовать. Обстоятельства заставили его собрать и конденсировать положенія своего учителя, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе повседневной борьбы. Интересно послѣдовательно прослѣдить у него два главныя вліянія, только что нами отмѣченныя; для этого достаточно простаго изложенія идей Консидерана.

II.

Мы не намѣрены подробно останавливаться на уже разобранныхъ нами фурьеристскихъ воззрѣніяхъ, получившихъ выраженіе въ «Судьбахъ общества» Консидерана. Слѣдуетъ, однако, дать краткій очеркъ этихъ воззрѣній, хотя бы для того, чтобы обнаружить различія, существующія между авторомъ «Новаго свѣта» и его наиболѣе извѣстнымъ послѣдователемъ.

«Судьбы общества» не пытаются низвергнуть французское правительство.

Какъ разъ наоборотъ, тамъ помѣщено посвященіе королю, какъ «главѣ государствъ и первому собственнику, наиболѣе заинтересованному въ порядкѣ, процвѣтаніи государства и отдѣльныхъ лицъ, въ счастіе гражданъ и народовъ». Такъ писалъ Консидеранъ въ 1834 г. Изданію 1847 г. онъ предпо-сылаетъ новое предисловіе, въ которомъ заявляетъ, что не питаетъ больше прежняго довѣрія къ правительству Людовика-Филиппа.

«Организація общины—это краеугольный камень общественнаго зданія. До тѣхъ поръ, пока въ общинѣ будетъ существовать противоположность интересовъ, невозможно будетъ имѣть хорошее правительство, какъ бы совершенно оно ни было... До сихъ поръ занимались организаціей войны и финансовъ, а не организаціей промышленности и труда, этихъ создателей жизни».

Исходя изъ этихъ принциповъ, Консидеранъ, по примѣру Фурье, старается найти законы и механизмъ новаго общественнаго строя, ибо онъ не вѣритъ въ возможность усовершенствованія существующаго дурного и несправедливаго строя. Господствующая въ немъ анархія, раздробленность и внутренніе раздоры готовятъ его крушеніе. Огромная масса труда и энергіи тратится непроизводительно; болѣе того, даже трудъ, участвующій въ производствѣ, не достигаетъ той производительности, которую онъ имѣлъ бы при нормальныхъ условіяхъ. Конкуренція, являющаяся душой современнаго строя, приводитъ къ монополии—съ одной стороны и къ обнищанію наемныхъ рабочихъ—съ другой.

Что касается торговли, то ученикъ Фурье на нее обрушивается съ неменьшею яростью, чѣмъ родоначальникъ школы. Купцовъ онъ то называетъ «вампирами», то сравниваетъ ихъ съ «бандитами разбойничьихъ шаекъ». «Современный социальный строй противобъичитъ общимъ интересамъ гражданъ и народовъ. Онъ истощаетъ общественный организмъ».

Мы не станемъ остававливаться на его историческомъ очеркѣ жизни чело-вѣчества, не представляющемъ собою ничего оригинальнаго. Говоря о будущемъ строѣ, Консидеранъ высказываетъ достойную вниманія мысль, а именно, что общество будущаго должно быть основано на дѣйствительномъ изобиліи благъ. «Гармоническое развитіе общественныхъ чувствъ должно опираться на широкую основу общественныхъ богатствъ». Иначе даже невозможна никакая свобода. «Образованіе, свобода, счастье и гармонія невозможны безъ крупнаго роста общественныхъ богатствъ».

Этотъ ростъ общественныхъ богатствъ, являющійся необходимымъ условіемъ всякаго прогресса, будетъ достигнутъ, какъ путемъ научныхъ открытій, такъ и путемъ рациональнаго сочетанія силъ. Предлагаемая имъ форма ассоціаціи одинаково далека, какъ отъ крайняго индивидуализма, такъ и отъ коммунизма. Коммунизмъ или, другими словами, сведеніе всѣхъ людей подъ одинъ уровень, влечетъ за собою несправедливость и анархію и представляетъ собою не что иное, какъ особый видъ деспотизма.

Консидеранъ не вводитъ ничего новаго въ фаланстеръ. Замѣтимъ, однако, что онъ посвящаетъ много любопытныхъ страницъ роли машинъ. Вмѣсто того,

чтобы выбрасывать рабочих на улицу, разорять их путем лишения труда, машины будут служить интересам рабочих и увеличат, для общей пользы, производительность труда. Авторъ «Судебъ общества», по примѣру Фурье, распространяется также и о гигиенѣ и санитаріи государства будущаго, которыя онъ противопоставляетъ нездоровой атмосферѣ нашихъ городовъ и деревень, гдѣ масса людей въ одно и то же время лишены жилища, одежды и пищи. Жилище служить показателемъ фазы цивилизациі, достигнутой человѣчествомъ: «Общественное развитіе, которое приведетъ человѣчество къ «гармоническому» періоду, создастъ дворцы тамъ, гдѣ раньше стояли глинобитныя избышки». И давши подробное описаніе своей коммуны и открывъ широчайшіе горизонты искусству, Консидеранъ восклицаетъ: «Все это слишкомъ прекрасно, чтобы не быть самой истиною и не соответствовать великому назначенію человѣка, осуществленію воли Божьей на землѣ».

Воспитаніе, занимающее такое видное мѣсто въ ученіи Фурье, естественно, должно было привлекать къ себѣ и вниманіе Консидерана. Третій выпускъ «Судебъ общества» цѣликомъ посвященъ этому вопросу, и защищаемыя тамъ (съ поразительнымъ богатствомъ аргументациі) идеи сохраняютъ все свое значеніе и въ настоящее время. Общество обязано дать каждому гражданину рациональное образованіе. Въ настоящее время образованіе носитъ чисто-военный характеръ: «учать людей тому, какъ они должвы подставлять свою грудь подъ пули пушекъ».

Образованіе, получаемое богатымъ классомъ, настолько непроизводительно и нелѣпо, что ни подъ какимъ видомъ не можетъ считаться образцовымъ. Въ самомъ дѣлѣ, основанное на подавленіи свободы, порабощеніи ума и единообразіи методовъ, оно не въ состояніи воспитать полезныхъ гражданъ. Кромѣ того, такъ какъ современное образованіе носитъ въ большинствѣ случаевъ характеръ домашняго воспитанія, то оно поддерживаетъ понятія объ общественныхъ различіяхъ и вслѣдствіе этого идетъ въ разрѣзъ съ требованіями рациональнаго воспитанія. Необходимо поэтому совершенно отказаться отъ практикующихся нынѣ методовъ воспитанія.

Воспитаніе должно быть единымъ и цѣльнымъ: должны быть устранены противорѣчія между религиозными вѣрованіями и научными данными; оно не будетъ долго продолжаться, дабы человѣкъ возможно меньше оставался паразитомъ и уже съ ранняго возраста выполнялъ полезную функцію. Оно будетъ всеобщимъ, каждый гражданинъ получитъ воспитаніе, соответствующее его призванію, свободное отъ всякаго произвола, цѣльное, а не частичное, оно не будетъ имѣть принудительнаго, а потому и отталкивающаго характера.

Изъ сказаннаго видно, что теорія Консидерана составляетъ прямую противоположность классической теоріи, состоящей въ томъ, чтобы воспитать привилегированное меньшинство избранниковъ и развивать нѣкоторые ихъ способности, насчетъ всѣхъ остальныхъ.

Дѣло образованія, находящееся въ настоящее время, главнымъ образомъ, въ рукахъ частныхъ лицъ и лишь въ незначительной степени—въ вѣдѣніи

государства, цѣликомъ перейдетъ къ коллективности: къ фаланстеру. Послѣдній одинъ только можетъ и долженъ сообразоваться съ изложенными принципами, иначе онъ бы не отвѣчалъ своему назначенію—обеспечить гражданамъ развитіе и благоденствіе. Заинтересованный въ томъ, чтобы имѣть сотрудниковъ во всѣхъ областяхъ, фаланстеръ будетъ избѣгать воспитанія, дающаго исковерканныхъ и слабыхъ людей, и будетъ имѣть въ виду, что его будущность зависить отъ полнаго развитія естественнаго призванія каждаго изъ его членовъ.

Консидеранъ, оставаясь всегда вѣрнымъ мысли Фурье, придаетъ ей больше широты и дѣлаетъ всѣ соотвѣтствующіе выводы изъ его превосходной педагогической формы. Ничего изъ всего того, что писалось въ XIX в. по вопросу объ общественномъ воспитаніи, не отличаетъ большей красотой, обоснованностью и полнотой. Одного этого было бы достаточно, чтобы считать Консидерана однимъ изъ наиболѣе заслуженныхъ защитниковъ демократіи. Но, указавъ на одну сторону его экономическихъ и моральныхъ воззрѣній, намъ слѣдуетъ перейти къ анализу второй стороны его ученія.

III.

Въ своемъ сочиненіи «Принципы социализма» (1847 г.) Консидеранъ подвергаетъ рѣзкой критикѣ капиталистической строй. Если къ этому прибавить нѣкоторыя извлеченія изъ другихъ его сочиненій, главнымъ образомъ, изъ его труда «Социализмъ передъ Старымъ Свѣтомъ», то сразу выступаютъ наружу различія, существующія между позиціей чистаго фурьеризма и позиціей, которую это ученіе должно было занять послѣ того, какъ оно соприкоснулось съ дѣйствительностью, съ повседневными экономическими явленіями.

Фурье всю свою жизнь зывалъ къ чувствамъ богачей и надѣялся на то, что вотъ-вотъ явится къ нему благородный капиталистъ, который поможетъ ему осуществить его идеи, устроить фаланстеръ. Каковы бы ни были его нападки на существующую анархію и на социальную несправедливость, — онъ никогда не доходитъ до пониманія неизбѣжности пролетарскаго возстанія; онъ никогда не формулировалъ ясно дѣленія общества на враждебные другъ другу классы.

Въ отличіе отъ него, Консидеранъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ указываетъ на противорѣчіе интересовъ между собственниками и пролетаріями. Цѣлымъ рядомъ выводовъ онъ доказываетъ половинчатый характеръ революціи 1789 г., оставившей нетронутыми перегородки между социальными категориями.

Она, правда, провозгласила новые принципы права, но она слишкомъ скоро подрѣзала свои крылья и выполнила лишь отрицательную часть своей задачи. Она слишкомъ увлеклась игрой благородныхъ абстракцій, предоставляя времени самому дополнить начатое ей дѣло.

Такимъ образомъ, революція разрушила прошлое, но не позаботилась о будущемъ. Она перевернула вверхъ дномъ всю политическую структуру Франціи, выдвинувъ на авансцену одни социальныя элементы вмѣсто другихъ, но до такой степени игнорировала экономическій базисъ, что господство тотчасъ же перешло къ наиболѣе сильнымъ и къ наиболѣе жаднымъ.

Уничтоженіе стѣснятельныхъ для массы населенія цеховъ можно было бы защищать лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они были замѣнены другой формой ассоціаціи. А между тѣмъ, дѣятели великой революціи оставили все на произволь судьбы, и ихъ небрежности мы обязаны всей современной неурядицей. Это положеніе заслуживаетъ вниманія, хотя и находится въ противорѣчій съ фурьеризмомъ, относящимся отрицательно къ государственной власти вообще. Въ этой своей критикѣ Консидеранъ опредѣленно высказывается въ пользу государственнаго внимательства, и его симпатіи къ рѣшительнымъ мѣропріятіямъ государственной власти находились даже въ нѣкоторомъ противорѣчій съ его фаланстерскими идеями. Отмѣтимъ, что подобное противорѣчіе наблюдается и у нѣкоторыхъ социалистовъ второй половины XIX вѣка, даже у самхъ Маркса и Энгельса.

Конкуренція, анархія, монополія, не замедлили оказать свое пагубное вліяніе сейчасъ же послѣ революціи 1789 г. Трудъ такъ плохо организованъ и такъ сильно эксплуатируется ничтожнымъ меньшинствомъ, что народныя массы находятся въ угнетенномъ и поработенномъ положеніи. Эта очевидная истина была уже высказана Сень-Симономъ и Фурье, но Консидеранъ ихъ превосходить силой своихъ нападокъ и анализомъ условій существованія пролетаріата.

«Промышленная организація—это огромная машина, производящая тѣмъ больше бѣдныхъ и пролетаріевъ, чѣмъ она могущественнѣе и чѣмъ интенсивнѣе ея движенія. Экономисты восхваляютъ свободу, явившуюся результатомъ событій 14 іюля и 4 августа. Но эта свобода означаетъ не что иное, какъ отдачу безоружныхъ и бѣдныхъ массъ во власть вооруженныхъ и богатыхъ... Гдѣ они, эти свободные люди? Вы показываете видъ, что считаете свободными эти безчисленныя массы пролетаріевъ, лишенныхъ капиталовъ и орудій производства и вынужденныхъ, подъ страхомъ безпрестанно витающей надъ ними и надъ ихъ семьями голодной смерти, искать себѣ каждый день новаго господина». Фактически установилась новая аристократія, еще болѣе замкнутая, чѣмъ старая. Бѣдный умираетъ бѣднымъ. Правда, и богачъ рискуетъ властью въ бѣдность, но, какъ бы то ни было, фактъ тотъ, что и теперь, какъ и при старомъ режимѣ, извѣстное число семействъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всѣ государственныя функціи: «Въ дѣйствительности, мы все еще живемъ при кастовомъ строѣ»... «Промышленная борьба, замѣнившая собою обыкновенную войну, установила особый видъ крѣпостничества, на этотъ разъ уже не личнаго и не непосредственнаго, а косвеннаго и коллективнаго: установилось господство класса капиталистовъ, собственниковъ машинъ и орудій производства, надъ классомъ обездоленныхъ». И къ этому крѣпостни-

честиву относятся точно такимъ же образомъ, какъ когда-то относились къ рабству: никто ему не удивляется, никто имъ не возмущается; «въ глазахъ официального общества, оно является естественнымъ и законнымъ».

Положеніе рабочихъ не только находится въ печальномъ состояніи, оно, чѣмъ дальше, все болѣе и болѣе ухудшается; конкуренція между рабочими понижаетъ заработную плату до крайняго минимума необходимыхъ средствъ существованія. Если и находятся нѣкоторые болѣе человѣчные, болѣе проникнутые сознаниемъ своего долга предприниматели, старающіеся противостоять этому движенію обезцѣвнванья рабочей силы, то они безсильны осуществить свои добрыя намѣренія, они должны либо слѣдовать этому движенію, либо разорить себя.

Не одинъ только пролетаріатъ страдаетъ отъ конкуренціи: разлагается и средній классъ, противъ котораго ведется атака и снизу и сверху; близкое и окончательное разореніе этого класса неизбежно. Собственники съ ограниченными средствами, съ небольшимъ землевладѣніемъ, не имѣющие возможности часто вводить новыя орудія производства, осуждены на неминуемую гибель.

Машинное производство ихъ давить и гнететь; поработивъ работниковъ, оно разоряетъ и этихъ собственниковъ.

Такимъ образомъ, сосредоточеніе экономического могущества развивается съ головокружительной быстротой, слѣдую неизбѣжной логикѣ вещей. Промежуточные слои исчезаютъ и вступаютъ въ ряды пролетаріата, который становится огромнымъ резервуаромъ для побѣжденных капиталистическаго строя. Имущіе и неимущіе, крупные капиталисты и обездоленные, становятся въ два враждебныхъ другъ другу лагеря, и это противорѣчіе классовыхъ интересовъ свойственно не одной только Франціи: оно проявляется во всѣхъ окружающихъ насъ странахъ, напр., въ Вельгійи и въ Англии.

Но еще болѣе опасно то, что правительство служитъ интересамъ класса капиталистовъ; всѣ законы имѣютъ въ виду защиту этихъ интересовъ.

Какъ же послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что мы находимся на пути къ самымъ ужаснымъ переворотамъ? «Буржуа не хотятъ признать, что революція не кончилась, что она будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не установится новый общественный строй». Это заявленіе напоминаетъ собою языкъ Бабефа и его послѣдователей, но мы уже знаемъ, что Консидеранъ расходится съ ними въ своихъ положительныхъ воззрѣніяхъ.

IV.

Консидеранъ провозглашаетъ право на трудъ и право каждого на обладаніе собственностью, но, по примѣру своего учителя, проповѣдуетъ союзъ капитала съ трудомъ—фаланстерскую ассоціацію.

Самое большее, что онъ допускаетъ, это вмѣшательство государственной власти, въ смыслѣ подготовленія почвы для будущаго строя. Интересно отмѣ-

тять, что, несмотря на то, что Консидерану были ясны революціонныя тенденціи пролетаріата, онъ не думаетъ прибѣгать къ помощи послѣдняго. Онъ его боится: онъ къ нему относится, какъ къ неосмысленной массѣ, руководимой одними лишь инстинктами, неспособной къ творческой работѣ; онъ обращается къ «настоящимъ консерваторамъ», заботящимся объ общемъ согласіи. Онъ ждетъ отъ нихъ чего-то въ родѣ буржуазнаго 4 августа—частичнаго отказа отъ ихъ экономическихъ и политическихъ привилегій.

Онъ относится отрицательно къ коммунизму, основную идею котораго онъ приписываетъ сенъ-симонистамъ и ихъ теоріи о незаконности наслѣдства. А вотъ оцѣнка, которую онъ даетъ разнымъ политическимъ или социальнымъ партіямъ его эпохи. «Политическія фракціи не опираются на опредѣленные принципы и не имѣютъ подъ собой реальной почвы, которая оправдывала бы ихъ существованіе: избирательные и другіе вопросы отжили свой вѣкъ; политическая нечистоплотность и интриги, составляющіе ходячую монету парламентской жизни, дѣлаютъ население равнодушнымъ къ этимъ вопросамъ. Послѣдніе не заслуживаютъ даже никакого вниманія, такъ какъ весь центръ тяжести лежитъ въ социальныхъ проблемахъ»...

Что касается партій, занимающихся вопросами экономического характера, то Консидеранъ ихъ дѣлитъ на нѣсколько категорій: на *доктринеровъ*, не предлагающихъ никакого рѣшенія; *ретроградную* или *революціонную демократію*, задающуюся цѣлью займнть монархію республикой и уничтожить собственность; наконецъ, *мирную* и *организаторскую демократію*. Программу этой послѣдней и защищалъ Консидеранъ, не безъ таланта и не безъ риска для своей свободы: его газета «Мирная демократія» была конфискована въ 1847 г., и противъ него было возбуждено судебное дѣло за «разжиганіе ненависти противъ классовъ, лицъ и правительства».

Вмѣсто ассоціаціи, о которой мечталъ авторъ «Новаго Свѣта», Консидеранъ формулируетъ другія идеи: провозглашеніе религіознаго единства путемъ свободы совѣсти—нѣчто въ родѣ слиянія протестантизма, католицизма и рационалистской философіи; замѣну войны третейскимъ судомъ.

Консидеранъ нѣсколько безразлично относится къ образу правленія, но онъ не питаетъ никакой ненависти къ государственному вмѣшательству: этимъ-то и своей болѣе рѣзкой критикой капиталистическаго строя Консидеранъ отличается отъ своего учителя.

Пьеръ Леру.

I.

Подобно тому, какъ Консидеранъ является продолжателемъ школы фурьеристовъ, Пьеръ Леру является послѣднимъ представителемъ Сень-Симонизма, впрочемъ, ненадежнымъ.

Авторъ «Egalité», «Humanité», «Ploutocratie» и многихъ другихъ произведеній, какъ и мыслители, о которыхъ намъ уже приходилось говорить, подкупаетъ читателя своей убѣжденностью и преданностью защищаемому имъ дѣлу. Въ этомъ отношеніи онъ, несмотря на неясность мысли и на путанницу, которую онъ внесъ въ понятія о религіи и социальной экономіи, заслуживаетъ нашего уваженія. Онъ оставилъ послѣ себя рѣзкую критику капитализма. Сень-симонизмъ, какъ и фурьеризмъ, уступивъ мѣсто новымъ и лучше отвѣчающимъ запросамъ времени ученіямъ, сталъ рѣзче осуждать современный строй. И сень-симонисты и фурьеристы заговорили quasi-революционнымъ языкомъ въ то время, какъ они питали къ насильственному перевороту или даже къ народной самодѣятельности явно выраженные чувства боязни и презрѣнія. Въ практической области они также боялись крайнихъ рѣшеній; слѣдуетъ, тѣмъ не менѣе, признать, что Пьеръ Леру провозгласилъ почти коммунистическіе принципы или, по крайней мѣрѣ, принципы, способные положить начало коммунизму. Правда, онъ ограничился разработкой чисто отвлеченныхъ идей и мало заботился о томъ, чтобы подготовить почву для осуществленія новаго порядка вещей. Онъ не меньше своего учителя увлекался общей философійю; исторія развитія человѣчества привлекала его вниманіе, онъ, несомнѣнно, отдался бы ей всецѣло, если бы не былъ захваченъ потокомъ общественныхъ событій. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, себѣ представить, какое огромное вліяніе оказывала на мыслителей эпохи Людовика-Филиппа рѣзко обозначившееся во вторую половину его царствованія социальное раздѣленіе общества на классы.

Пьеръ Леру является гуманитарнымъ философомъ, моралистомъ, а отчасти — и метафизикомъ; мы считаемъ его демократомъ и социалистомъ, потому что это былъ одинъ изъ наиболѣе благородныхъ мыслителей его времени, и изъ его сложнаго, часто мистическаго ученія рельефно выдѣляется его стремленіе къ улучшенію быта «наиболѣе многочисленнаго класса», какъ выражались сень-симонисты.

II.

Въ основу общества положенъ догматъ о равенствѣ, но на дѣлѣ всюду господствуетъ неравенство, а потому современное общество находится въ

противорѣчіи съ божеской волей, не терпящей различій между людьми. До тѣхъ поръ, пока эти различія будутъ существовать, не будетъ справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ, а будетъ существовать угнетеніе однихъ другими. Пьеръ Леру не основываетъ, слѣдовательно, своего ученія на экономическихъ выводахъ, на анализѣ производственныхъ отношеній. Онъ поступаетъ иначе: господство буржуазіи и сосредоточеніе капиталовъ и машинъ для него служатъ лишь аргументомъ въ пользу его заключеній; его діалектическая мысль съ такимъ же успѣхомъ могла бы принять другое направленіе.

Монтескье не понималъ необходимости соціальной вивеллировки; Руссо, напротивъ того, восхвалялъ ее и въ этомъ отношеніи стоялъ неизмѣримо выше автора книги «Духъ законовъ». Для созданія идеальнаго строя достаточно замѣнить принципы, являющіеся основой существующаго строя, въ которыхъ господствуетъ неравенство, новыми, противоположными имъ принципами.

Въ настоящее время неравенство господствуетъ въ промышленности, гдѣ орудія производства сосредоточены въ рукахъ небольшой кучки людей; оно кладетъ свою печать на судопроизводство; благодаря ему, самая свобода мысли превращается для рабочаго класса въ одно лишь отвлеченное право; оно проявляется, наконецъ, въ подчиненномъ и безправномъ положеніи женщины.

Если присмотрѣться къ современной Франціи, то придется констатировать, что равенство всюду и во всемъ нарушается, и что нація дѣлится на различныя и враждебныя другъ другу касты. Собственники не составляютъ большинства населенія, какъ это утверждаютъ явные, а образуютъ лишь незначительное его меньшинство. Изъ 35-ти милліоновъ гражданъ 12 милліоновъ лишены всего или почти всего, обречены на нужду, безработицу, на жалкое существованіе; 4 милліона нищихъ, 4 милліона бѣдныхъ, 4 милліона наемныхъ рабочихъ, безъ опредѣленныхъ источниковъ дохода.

А вотъ вѣрная картина положенія страны: «190.000 лицъ образуютъ огромный торговый домъ, называющейся Франціей, и владѣющій неисчислимыми капиталами. Въ этомъ домѣ заняты 34 милліона служащихъ, рабочихъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Торговля приноситъ валовой доходъ, по крайней мѣрѣ, въ 9 милліардовъ. Наемнымъ рабочимъ и служащимъ уплачивается, приблизительно, 5 милліардовъ; торговый домъ получаетъ около 4 милліардовъ чистой прибыли». Если бросимъ ретроспективный взглядъ на античный періодъ, то окажется, что не всегда справедливость была пустымъ звукомъ. Тутъ Пьеръ Леру впадаетъ въ ошибку, которая часто повторялась и до него: онъ представляетъ намъ Спарту и утопическую республику Платона, какъ образцы справедливаго распредѣленія продуктовъ. Христіанство уничтожило касты и различія между отдѣльными соціальными категориями, и въ этомъ заключается величайшая его заслуга. «До извѣстной степени Евангеліе представляетъ собою попытку придать глубокой смыслъ принципу равенства, положенному въ основу древнихъ республикъ», и общая

трапеца является символомъ этого стремленія. Вотъ положеніе, которое Леру развиваетъ въ своемъ сочиненіи «Равенство», появившемся въ 1838 г.

Все зло современнаго строя вытекаетъ изъ того, что люди забыли принципы, завѣщанные древней культурой и христіанствомъ. Предшествующая жизнь челоуѣчества содержала въ зародышѣ демократію, но на протяженіи вѣковъ мало-по-малу было забыто ученіе Платона и Христа. Грубая сила взяла верхъ надъ правомъ, или, вѣрнѣе, ловкіе писатели, старавшіеся сохранить современный строй, сумѣли обратить эту грубую силу въ право. Если мы теперь ищемъ рѣшенія социальныхъ проблемъ, то это потому, что мы поняли этотъ многовѣковый разладъ между дѣйствительностью и правомъ и стремимся приспособить первую ко второй.

III.

Заключенія Пьера Леру носятъ довольно сложный характеръ; ихъ философская или метафизическая сторона составляетъ предметъ книги «Человѣчество» (1840 г.), а ихъ экономическая или политическая сторона получила выраженіе въ произведеніи «Афоризмы доктрины», изданномъ Дезажемъ и Августомъ Демуленомъ въ 1848 г.

Религія—это необходимое условіе социальнаго благополучія. Религія есть не что иное, какъ пытающаяся познать себя философія, точно также, какъ философія—это пытающаяся найти себя религія. Не заключается ли въ этомъ положеніи самая сущность сенъ-симонистской доктрины, съ ея неизмѣнной попыткой примирить рационализмъ съ догмой?

Человѣкъ долженъ ждать отъ Бога рѣшенія жизненныхъ вопросовъ, и вся роль современныхъ писателей сводилась къ тому, чтобы выдѣлить изъ Моисеева и христіанскаго ученія заключающіяся въ нихъ истины. Они разрушили форму, но оставили нетронутой самую сущность.

Въ видахъ осуществленія равенства, всѣ люди объявятъ себя гражданами, членами и сотрудниками новаго общества, республики, основанной на принципахъ свободы и братствѣ. Въ основѣ всякаго учрежденія лежитъ «тріада». Напримеръ: ассоціація должна будетъ удовлетворить тремъ элементамъ нашей психики: ощущенію, чувству и познанію. Три учрежденія будутъ управлять государствомъ: административное, воспитательное и законодательное. Воспитаніе будетъ состоять изъ трехъ частей: гимнастики, воспитанія въ собственномъ смыслѣ слова и образованія. Можно было бы еще продолжать въ томъ же духѣ; слѣдуетъ, однако, себя спросить, каково положительное значеніе этихъ своеобразныхъ, повторяющихся на каждомъ шагѣ комбинацій.

Пьеръ Леру—и это несравненно болѣе интересно—приходить къ почти коммунистическимъ выводамъ.—Каждый человѣкъ имѣетъ право на жилище, пропитаніе и одежду, но это индивидуальное право не должно противорѣчить

праву остальныхъ гражданъ. Каждый человекъ можетъ владѣть собственностью, потому что каждому должна быть предоставлена возможность пользоваться опредѣленными предметами въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Это почти то же самое, что Робеспьеръ включилъ въ свою знаменитую декларацию правъ, которую онъ защищалъ въ якобинскомъ клубѣ, чтобы потомъ отъ нея отказаться въ Конвентѣ.

Но Леру идетъ еще дальше; по крайней мѣрѣ, его «Афоризмы доктрины» гораздо болѣе радикальны. Недостаточно измѣнить организацію собственности, заявивъ, что она является простымъ договоромъ и что она находится въ зависимости отъ воли договаривающихся. Орудія производства и сырье будутъ сосредоточены въ рукахъ государства. На обязанности послѣдняго будетъ лежать—привести въ соотвѣтствіе производство съ потребностями; государство, слѣдовательно, должно будетъ управлять всѣми работами. Что касается производителей, то они будутъ распределены сообразно ихъ способностямъ и будутъ вознаграждаться соотвѣтственно оказываемымъ ими услугамъ и въ зависимости отъ ихъ потребностей.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что Пьеръ Леру, вообще, послѣдователь Сень-Симона, значительно расширилъ соціальныя воззрѣнія сень-симонистской школы, враждебно относившейся къ коммунизму. Точно такъ же, какъ Консидеранъ, Пьеръ Леру стоитъ между предвѣстниками социализма—съ одной стороны и коммунистами или коллективистами 1840 г.—съ другой. Въ этомъ и заключается все значеніе его теоріи, во многихъ отношеніяхъ устарѣлой и смѣшной.

Луи-Бланъ.

I.

Мысли Консидерана и Пьера Леру непосредственно заимствованы изъ теорій Фурье и Сень-Симона. Луи-Бланъ и Видалъ даютъ намъ въ своихъ произведеніяхъ формулу соціальной реформы, имѣющую болѣе политическій характеръ и болѣе близкую къ осуществленію. Консидеранъ, Пьеръ Леру, Луи-Бланъ, Видалъ, Пекеръ, Кабэ и Прудонъ составили то, что мы уже назвали школой 1840 г.

Эта школа, представляющая собою, въ сущности, не что иное, какъ соединеніе людей различныхъ темпераментовъ, стремленій и философскихъ воззрѣній, придавала высшую степень ясности и опредѣленности французской соціалистической мысли періода, предшествовавшего революціи 1848 г., съ которой совпало опубликованіе «Коммунистическаго Манифеста». Никому изъ

перечисленных нами мыслителей не удалось формулировать эту социалистическую мысль во всей ее полноте, но каждый из них содействовал образованию элементов доктрины, во многих отношениях похожей на доктрину знаменитого документа, подписанного Марксом и Энгельсом.

Луи-Бланш и Видаль указали на необходимость прибегнуть к государственной власти и обосновали принцип захвата общественной власти, как необходимого предварительного условия всякой революции. Пекеръ и Кабэ первые дали нам подробное изложение коллективизма и коммунизма. Наконец, Прудон рельефно изобразил противоречие классовых интересов, указал на недостатки частной собственности, на постоянную эксплуатацию наемного рабочего капиталистом, обнаружил внутренние противоречия экономического строя, порождающего тем больше несчастных, чем больше он производит богатств. Сбрав все это воедино, мы получили почти полное выражение марксизма. И тем не менее, мировоззрение этой школы во многом отличается от учения, которое положено в основу международного социализма. Во-первых, все названные мыслители насквозь пропитаны идеализмом и на каждом шагу то и дело ссылаются на отвлеченные права и справедливость. Во-вторых, они не дошли до исторического материализма, т. е. до объяснения истории развитием производственных отношений; они поэтому не могли доказать с достаточной ясностью, что естественное развитие капиталистического строя должно привести все народы к новой исторической фазе, и что этот переход может совершиться сравнительно слабыми толчками и с минимумом усилий. Следует, висть со многими другими современными социалистическими писателями, прибавить, что исторический материализм не составляет одного дела со всеми законами марксистской теории, и можно не признавать первого без того, чтобы этим хоть сколько нибудь была подорвана теория прибавочной стоимости или же теория промышленной и сельскохозяйственной концентрации.

Французские писатели 1840 г., которых мы соединили в одну группу для того, чтобы привести в систему их теории, на деле не образуют тесно сплоченной группы, в роде школы сенъ-симонистов или фурьеристов. В действительности, между этими писателями не было ничего общего, разве только эпоха, в которой они жили. Их стремления находились между собой в резком противоречии. Наряду с Луи-Бланом и Видалем, которые ожидают от общественной власти выполнения всей работы социального переворота и не боятся предоставить правительству самую широкую власть, — наряду с ними мы видим Прудона, считающего необходимым условием обновления общества полное уничтожение государственной власти. Он не только не доверяет последней руководительство решающими общественными актами, он ее ненавидит всеми фибрами своей души; он в ней видит лишь орудие для порабощения народа. Маркс, наоборот, делает различие между общественной властью, которая может в будущем перейти к пролетариату, и современным государством, носящим буржуазно-классовый характер.

Между писателями 1840 г. существовали еще разногласія и по другому пункту. Луи-Бланъ и Видаль, точно такъ же, какъ Пекеръ и Кабе, вѣрили въ возможность сближенія, союза между буржуазіей и пролетаріатомъ; они вѣрили въ возможность сотрудничества этихъ двухъ классовъ въ видахъ выработки новой соціальной конституціи. Они сохранили несокрушимую вѣру предвѣстниковъ соціализма въ человѣческое великодушіе. Они надѣялись на капиталистическое 4 августа и не допускали вѣроятности народнаго движенія. Прудонъ, напротивъ того, не переставалъ выдвигать на первый планъ понятіе о противорѣчій классовыхъ интересовъ, и любознательно видѣть, какъ этотъ мелкобуржуазный мыслитель, практическіе проекты котораго выражаютъ тенденцію буржуазіи, съ самаго начала и до конца своей дѣятельности предостерегаетъ пролетаріевъ отъ компромиссовъ съ предпринимателями.

Можно было бы подчеркнуть и другія разногласія, но они сами будутъ выступать наружу по мѣрѣ изложенія взглядовъ интересующихъ насъ мыслителей. А пока мы лучше остановимся на роли, которую соціалистическая пропаганда играла въ подготовленіи февральскихъ дней.

До 1832 и 1833 годовъ пролетаріатъ оставался въ сторонѣ отъ какой бы то ни было соціальной пропаганды. «Весѣды» сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ предназначались скорѣе для интеллигентовъ, чѣмъ для рабочихъ, и всѣ лица, принимавшія участіе въ работахъ этихъ двухъ сектъ, принадлежали къ крупной или средней буржуазіи. Во время реставраціи оппозиція отстаивала исключительно политическія требованія, какъ расширеніе избирательнаго права, ограниченіе монархической власти и т. д. Въ началѣ царствованія Людовика-Филиппа опять-таки одни лишь политическіе вопросы привлекали къ себѣ всеобщее вниманіе, такъ какъ польскія баррикады привели къ образованію республиканской партіи. Ліонское возстаніе 1831 г. явилось неожиданнымъ ударомъ. Оно сразу выдвинуло на первый планъ соціальныя требованія, долгое время оставшіяся въ скрытомъ состояніи. Для всѣхъ стало ясно, что на сцену выступили новые, вышедшіе изъ тѣни люди, требуя своей доли богатствъ и счастья. Возстаніе ткачей, написавшихъ на своемъ знамени: «жить въ трудѣ или умереть въ борьбѣ», освѣтило яркимъ свѣтомъ ученія сенъ-симонистовъ и фурьеристовъ. Оно привело къ тому, что республиканскія общества, отличавшіяся активностью и революціонностью, включили въ свою программу пункты съ соціалистическимъ отгѣвкомъ. Почва была какъ нельзя лучше подготовлена для воспріятія идей, которыя проповѣдывали Луи-Бланъ и его современники.

Если февральская революція рѣзко отличалась отъ революцій 1789 и 1830 гг., если она была отмѣчена грандіознымъ рабочимъ возстаніемъ, если она въ первые дни имѣла видъ торжества народной демократіи, то всѣми этими особенностями она обязана тѣмъ самымъ мыслителямъ, которыхъ мы перечислили. Пролетаріатъ 1848 г. еще не проникся сознаніемъ противорѣчій классовыхъ интересовъ; онъ думалъ, что его господа могли бы съ нимъ соединиться, чтобы положить конецъ его рабству, и что всеобщее избирательное

право послужить введеніемъ къ обобществленію собственности. Въ этомъ отношеніи пролетаріатъ придерживался ошибочныхъ взглядовъ, которые ему вбивало въ голову большинство тогдашнихъ книгъ и брошюръ; но хотя его тактика не отличалась увѣренностью, хотя онъ ошибался относительно самаго способа его эмансипаціи, но зато онъ уже зналъ, что его подчиненное положеніе является результатомъ всей совокупности экономическихъ отношеній. Онъ научился понимать, что политическія завоеванія не дадутъ ничего или почти ничего, что на нихъ должно смотрѣть, какъ на средства, но отнюдь не какъ на самостоятельную цѣль.

Онъ убѣдился въ томъ, что корень всѣхъ золъ лежитъ въ сосредоточеніи орудій производства въ рукахъ меньшинства, и что его страданія прекратятся лишь въ тотъ день, когда будетъ уничтожена эта монополія. Вотъ почему пролетаріатъ, направившись къ городской ратушѣ, требовалъ не только всеобщаго избирательнаго права—къ которому онъ относился далеко не безразлично, — но также и права на трудъ, санкція этого права и организація труда.

Такимъ образомъ, февральскіе дни представляются, какъ пролетарское возстаніе, хотя и переплетавшееся съ возстаніемъ мелкой буржуазіи. Вторая республика, по крайней мѣрѣ, въ періодъ ея творческой работы и наибольшей жизнеспособности, занимаетъ мѣсто между двумя возстаніями рабочаго класса: первое, полное надеждъ, а второе, іюньское, полное отчаянія. Оба эти возстанія являются результатомъ пропаганды, которая велась въ разныхъ формахъ во второй половинѣ іюльской монархіи;—Луи-Бланъ и Видалъ, Консидеранъ и Леру, Пекеръ и Кабэ, Прудонъ и Бланки — всѣ они содѣйствовали упроченію новаго демократическаго сознанія. Ихъ дѣятельность не ограничивалась одной теоріей; они не довольствовались распространеніемъ воззрѣній и идей, которыя медленно производили бы переворотъ въ умахъ и подготовили бы будущія поколѣнія для новыхъ формъ жизни. Ихъ вліяніе было непосредственное, ихъ идеи, жадно воспріятыя пролетаріатомъ, сознаніе котораго вдругъ пробудилось, благодаря лонскимъ и парижскимъ возстаніямъ, вызвали къ жизни народную силу, и благодаря сложившимся обстоятельствамъ эти люди были въ одно и то же время и мыслителями, и писателями, и вожаками революціи. Эта-то особенность, да еще разнообразіе высказанныхъ ими взглядовъ, придають интересъ изученію французской школы 1840 г.

II.

Первое мѣсто въ этомъ обзорѣ заслуживаетъ Луи-Бланъ, во-первыхъ, потому, что онъ предлагаетъ рѣшенія болѣе умѣренныя, а слѣдовательно, носящія болѣе политическій характеръ, чѣмъ Кабэ или Пекеръ; во-вторыхъ, потому, что тѣ самыя событія, которыя поставили его у власти, позволили ему произвести опытъ надъ прак-

тическимъ примѣненіемъ своихъ идей; наконецъ, потому, что распространеніе его идей среди рабочаго класса достигло необычайной интенсивности. Мысли, которыя онъ проводитъ въ книжкѣ «Организація труда», стали девизомъ и лозунгомъ февральскихъ дней. Нѣтъ сомнѣнія, Прудонъ проявляетъ большую глубину анализа, большую силу діалектическаго мышленія и производитъ болѣе систематическій переворотъ во всѣхъ установившихся понятіяхъ; но произведенія «Трактатъ о собственности» и «Противорѣчія», съ ихъ слишкомъ сжатой аргументаціей, не были еще доступны широкимъ массамъ. Напротивъ того, книжка Луи-Блана, написанная простымъ, но сильнымъ языкомъ, съ пріемами ораторскаго искусства, а подчасъ и высокаго краснорѣчія, лучше дѣйствовала на французскую народную массу, которая въ эпоху сороковыхъ годовъ, больше чѣмъ когда либо, была сантиментально настроена. Прудону особенно нравятся логическіе выводы, Луи-Бланъ даетъ намъ пространныя соціальныя замѣтки, вскрывающія всю массу нищеты, существующей въ современномъ обществѣ, угнетеніе наемныхъ рабочихъ, учащеніе безработицы, порабощеніе мелкаго земледѣльца. Онъ имѣлъ успѣхъ, которымъ обязанъ своему литературному стилю, романтическому способу изложенія и состраданію къ обездоленнымъ; этотъ успѣхъ былъ настолько значителенъ, что «Организація труда» выдержала до 1847 г. семь изданій.

Въ предлагаемой нами критикѣ, вѣрнѣе, обзорѣ, намъ хотѣлось бы отличить двѣ стороны. Было-бы несправедливо смѣшать политическаго дѣятеля съ мыслителемъ и недовольство, вызываемое поступками и ошибками перваго, перенести на втораго.

Въ 1848 г. Луи-Бланъ самымъ рѣшительнымъ образомъ объявлялъ себя социалистомъ: нѣтъ никакого основанія не считать его таковымъ, потому, что онъ въ своихъ трудахъ, дѣйствительно, пришелъ къ коммунистическимъ выводамъ. Пригласивъ его къ участію во временномъ правительствѣ, его коллеги стремились, съ одной стороны, дискредитировать социализмъ, а съ другой стороны—поставить Луи-Блана въ противорѣчіе съ самимъ собою; они, къ тому же, въ данномъ случаѣ уступили народному натиску, настоянію толпы, требовавшей, чтобы ея представителю было предоставлено мѣсто въ центральномъ органѣ государственной власти.

Революція—это пробный камень экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ доктринъ. Подобно тому, какъ парижская Коммуна доказала несостоятельность прудонизма, заставивъ прудонистовъ рѣшиться на акты, которые они порицали, и раньше всего—на захватъ государственной власти,—подобно этому и февральская революція нанесла смертельный ударъ теоріи Луи-Блана, или, вѣрнѣе, положенію о сотрудничествѣ классовъ. Никто не сомнѣвается въ искренности желанія Луи-Блана осуществить крупныя преобразованія, о которыхъ онъ мечталъ. Мы полагаемъ, что, согласившись вступить во временное правительство—а такое вступленіе не противорѣчило тогдашнимъ взглядамъ пролетаріата,—онъ это сдѣлалъ не изъ-за честолюбія, а потому, что хотѣлъ принести пользу народу.

Нѣтъ никакой надобности извращать факты и искать лишь въ мотивахъ личнаго интереса стимулы поступковъ людей. Мы не станемъ даже останавливаться на томъ, какъ быстро испарилась идея коммунизма у писателя, ставшаго у власти и вынужденнаго воевать на два фронта: съ одной стороны—противъ выдвинувшаго его пролетаріата, а съ другой—противъ остальныхъ членовъ правительства, обезумѣвшихъ отъ страха передъ лѣвой партіей. Мы это дѣлаемъ потому, что желаемъ остаться вѣрнымъ нашей основной задачѣ, которой чужда всякая полемика.

Сейчасъ же послѣ февральской революціи, въ тотъ самый моментъ, когда рабочіе Парижа сдѣлали героическое, но несвоевременное и безразсудное завленіе: «Мы готовы на три мѣсяца всяческихъ лишеній для блага республики»—въ этотъ самый моментъ уже ясно обнаружилась измѣна правительственной правой. Она отвергла проектъ учрежденія «министерства труда» и спасла высшую финансовую аристократію. Въ нѣсколько часовъ она опредѣлила всю свою дальнѣйшую политику. Парижскія предмѣстія могли не понять этой перемѣны фронта; но Луи-Бланъ, засѣдавшій въ совѣтѣ министровъ, не могъ не видѣть того, что происходитъ. Онъ повиненъ въ томъ, что закрылъ глаза предъ настоящимъ положеніемъ вещей; мало-по-малу, его заблужденіе превратилось въ соучастіе, сначала пассивное, а затѣмъ и активное. Вотъ все, что мы считаемъ здѣсь нужнымъ сказать о Луи-Бланѣ, какъ о человѣкѣ и министрѣ.

III.

Введеніе къ седьмому изданію «Организація труда», появившемуся въ 1847 г., резюмируетъ положенія, развиваемыя въ этомъ сочиненіи.

Авторъ требуетъ, «чтобы было установлено и гарантировано каждому право жить своимъ трудомъ»; онъ «привѣтствуетъ Творца въ его твореніи». Система, которую онъ защищаетъ, въ видахъ уничтоженія нищеты, «основывается на спиритуализмѣ самаго высшаго порядка».

Луи-Бланъ не допускаетъ, чтобы пролетарское или народное возстаніе—которое онъ считаетъ возможнымъ—носило случайный характеръ и находилось бы подъ вліяніемъ непостоянныхъ капризовъ массы. «Жестоко ошибаются тѣ, кто полагаетъ, что революція совершается неожиданно. Удаются лишь тѣ революціи, цѣль которыхъ ясна и заранѣе намѣчена». Тѣмъ-же, которые его называютъ мечтателемъ, онъ справедливо отвѣчаетъ: «Можете ли вы поручиться за то, что сегоднешняя мечта не станетъ дѣйствительностью черезъ десять лѣтъ?».

Самая главная цѣль, когорую онъ преслѣдуетъ,—это социальная реформа; но если и необходимо ее подготовить, то «не менѣе необходимо добиться политической реформы», потому что «первая составляетъ цѣль, а вторая—средство для достиженія этой цѣли». Власть, органическая сила по преимуществу, должна быть захвачена людьми, стремящимися къ обновленію общества;

работа послѣднихъ останется бесплодной до тѣхъ поръ, пока они будутъ лишены власти. «Не пользоваться ею, какъ орудіемъ, значить встрѣчать ее, какъ препятствіе». Услуги ея тѣмъ болѣе нужны, что освобожденіе низшаго класса не можетъ совершиться путемъ дѣлаго ряда частичныхъ реформъ и отдѣльныхъ попытокъ. Для этого слѣдуетъ употребить всю силу государственной власти. Государство будетъ исполнять роль банкира бѣдняковъ, а не органа, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ промышленность и собственность. Оно одно освободитъ угнетенныхъ, дастъ имъ дѣйствительную свободу, которая въ настоящее время существуетъ лишь для меньшинства, злоупотребляющаго ею и которой лишены всѣ остальные; оно одно дастъ человѣку возможность развивать свои умственные способности. Въ тотъ моментъ, когда совершенно исчезнутъ классы, правительство окажется бесполезнымъ. Но до тѣхъ поръ социализмъ, стремящійся къ тому, чтобы сдѣлать богатство общедоступнымъ, можетъ быть плодотворнымъ только при посредствѣ политики.

Все вышеизложенное ясно выражаетъ тенденціи Луи-Блана. Мы еще не знаемъ, какова предлагаемая имъ формула распредѣленія, или какимъ опъ себѣ представляетъ будущій строй. Намъ придется констатировать тотъ фактъ, что его отрицательное отношеніе къ роли государства въ области экономической какъ-то плохо вяжется съ остальными его выводами. Что же касается всего остального, то Луи-Бланъ является ярымъ «государственникомъ» и чрезвычайно энергично отстаиваетъ теорію захвата общественной власти. Опъ, правда, вноситъ поправку къ своему принципу «государственности», заявляя, что правительство исчезнетъ вмѣстѣ съ исчезновеніемъ классовъ; но мы увидимъ, что эта поправка является нѣсколько неожиданной и спорной.

IV.

Критика современнаго социальнаго строя заимствована Луи-Бланомъ у Фурье, но у Луи-Блана она изложена болѣе стройно, а потому и производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Самая сущность экономики, доминирующее надъ нею начало—это противоположность интересовъ, борьба силъ, другими словами, конкуренція.

Но конкуренція гибельна для народа, и Луи-Бланъ изучаетъ и классифицируетъ ея отрицательныя стороны.

Во-первыхъ, «она вызываетъ непрерывный ростъ производства». Анархія, вытекающая изъ этой войны всѣхъ противъ всѣхъ, дѣлаетъ для каждаго въ отдѣльности невозможнымъ знать потребности рынка. «Многіе производятъ продукты съ убыткомъ для себя, и тѣмъ не менѣе, вынуждены продолжать производство, чтобы не потерять стоимости машинъ, орудій производства, сырья». Слѣдствіемъ этой анархіи, этого непрерывнаго соревнованія, выбрасывающаго на рынокъ несмѣтныя количества товаровъ, этого чрезмѣрнаго поощренія личной инициативы, проявляющейся вецѣлесообразно,— слѣдствіемъ

всего этого является постоянное перепроизводство, приводящее въ разстройство весь современный строй.

Первой жертвой конкуренціи является рабочій. Перепроизводство и кризисы лишаютъ многихъ работы.

Рабочимъ приходится конкурировать между собой и, чтобы найти хоть какую нибудь работу, каждому рабочему приходится понизить свою заработную плату до самаго низкаго уровня; «голодная заработная плата» становится нормальнымъ явленіемъ. Но пролетарію приходится не только вести борьбу съ огромной арміей другихъ пролетаріевъ, — ему приходится также страдать отъ тѣхъ, которые ежедневно рождаются, и отъ машинъ, которыя вытѣсняють цѣлыя тысячи рабочихъ рукъ. Въ самомъ дѣлѣ, при нашемъ современномъ общественномъ строѣ та часть населенія, которая не принимаетъ участія въ производствѣ, лишь увеличиваетъ страданія массъ; машина, которая должна была бы служить на пользу всѣхъ, облегчая ихъ трудъ, становится орудіемъ господства въ рукахъ правящей аристократіи и осуждаетъ народную массу на голодное существованіе.

Недостатки существующаго строя не исчерпываются этими печальными особенностями. Въ началѣ капиталистической эры мужичи приходилось соперничать съ мужичной, въ настоящее же время его соперниками на рынкѣ труда являются женщины и дѣти, которыхъ нужда заставляетъ продавать свою рабочую силу и которыя, благодаря болѣе низкой заработной платѣ, слишкомъ часто вытѣсняють мужчину. Такимъ образомъ, одинъ возрастъ ведетъ войну съ другимъ, одинъ полъ — съ другимъ, слабый — съ сильнымъ, и на этомъ огромномъ полѣ битвы число побѣжденныхъ и умирающихъ постоянно растетъ. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы повышаться (какъ это утверждаютъ правовѣрные политико-экономы, псевдо-либералы, восхваляющіе дѣйствительность и игнорирующіе право), заработная плата быстро понижается. Луи-Бланъ утверждаетъ, что это пониженіе было постояннымъ и всеобщимъ явленіемъ за періодъ времени отъ 1840 до 1847 г., и что наканунѣ февральской революціи многія женщины зарабатывали не больше 57 сантимовъ въ день (около 20 коп.).

Несмотря на всю эту нужду, вопреки лишеніямъ и опасностямъ, связаннымъ съ развитіемъ фабричнаго производства, деревенскій людъ непрерывно притекаетъ въ города. Это происходитъ не отъ того, что крестьянинъ не знаетъ, что его ждетъ въ городѣ, а отъ того, что капиталы отливаютъ отъ сельскаго хозяйства и притекають къ металлургіи, текстильной промышленности и т. д. Этому переселенію содѣйствуетъ также развитіе желѣзнодорожной сѣти, соединяющей самыя отдаленныя деревушки съ городами и столицей. Перенаселеніе крупныхъ промышленныхъ центровъ еще больше усиливаетъ конкуренцію между пролетаріями, такъ что желѣзныя дороги, какъ и машины, паровые молоты и т. д., не только не облегчаютъ условій существованія людей, а, наоборотъ, усиливаютъ нищету.

Все это ведетъ къ тому, что рабочіе враждуютъ между собой: «общество,

построенные на таких началах, находится въ состояніи непрерывной гражданской войны».

Рабочіе лишаются въ настоящее время и своего послѣдняго убѣжища—домашняго очага, потому что прогрессъ или, если хотите, экономическое развитіе разрушаетъ семью. Отецъ, мать, дѣти—все работаютъ въ разныхъ мѣстахъ и почти не видятся другъ съ другомъ; они возвращаются домой совершенно истощенные, усталые. Какъ можетъ при подобныхъ условіяхъ сохраниться естественная семейная привязанность?

Въ будущемъ пролетаріевъ ждутъ еще новыя лишенія, новыя бѣдствія. Слишкомъ продолжительный рабочій день преждевременно лишаетъ насъ трудоспособности и оказываетъ гибельное вліяніе на здоровье нашихъ потомковъ. Употребляя трудъ подростковъ, заставляя ихъ дышать отравленнымъ воздухомъ фабрики, мы подрываемъ ихъ здоровье и жизнь.

Мы не только закрываемъ для нихъ школу, слишкомъ рано открывая двери мастерской, мы каждую минуту совершаемъ насиліе надъ ихъ правомъ на существованіе. «Мы подготавливаемъ поколѣнія дряхлыхъ, уродливыхъ, развращенныхъ и испорченныхъ людей».

Буржуазія основываетъ свое господство на этой внутренней противоположности интересовъ и на этомъ матеріальномъ и моральномъ упадкѣ рабочаго класса.

Чѣмъ сильнѣе борьба между обездоленными изъ-за куска хлѣба, чѣмъ упорнѣе конкуренція между женскимъ и дѣтскимъ трудомъ—съ одной стороны, и трудомъ взрослого мужчины—съ другой, чѣмъ больше трудъ людей вытѣсняется машиной, чѣмъ быстрѣе развиваются крупные центры, а вмѣстѣ съ ними растутъ и контингентъ безработныхъ, тѣмъ сильнѣе и могущественнѣе становится господствующая буржуазія.

V.

Современный строй такъ же пагубенъ для буржуазіи, какъ и для пролетаріата. Конкуренція, опустошающая ряды послѣдняго, безпрерывно выхлѣбываетъ жертвы и изъ рядовъ буржуазіи, все болѣе и болѣе уменьшая ея численный составъ.

Не безслѣдно проходитъ борьба, которую непрерывно ведутъ между собою землевладѣльцы, владѣльцы машинъ и купцы. Антагонизмъ, этотъ высшій принципъ тиранніи, обезпечившій господство капиталистовъ, является для нихъ-же смертельнымъ орудіемъ.

Конкуренція, поражающая слабыхъ и не пугающая сильныхъ, приводитъ къ монополіи. Иной, разоривъ, законными или незаконными средствами, своихъ противниковъ, сегодня является господиномъ положенія, или, по крайней мѣрѣ, считаетъ себя таковымъ; на завтра онъ самъ можетъ стать жертвой болѣе сильнаго соперника. Никакое положеніе нельзя считать прочнымъ; ни-

какое привилегированное состояніе не устойчиво: экономическій переворотъ не прекращается ни на минуту. «Въ этой непрекращающейся борьбѣ средняя промышленность разорила мелкую. Пиррова побѣда! ибо средняя промышленность, въ свою очередь, будетъ разорена крупной промышленностью». Подъ господствующимъ классомъ начинаютъ колебаться тѣ самыя основы, которыя онъ считалъ неизблемыми; «онъ не замѣчаетъ того, что истекаетъ кровью и самъ же ускоряетъ свою смерть».

Если разсмотрѣть этотъ классъ въ цѣломъ, то его паденіе окажется несомнѣннымъ, потому что мелкая и средняя собственность, эти точки опоры господствующаго класса, постепенно исчезаютъ, а на ихъ развалинахъ воздвигается крупная собственность. Этотъ процессъ совершается, какъ въ сельскохозяйственной промышленности, такъ и въ промышленности въ собственномъ смыслѣ слова. И тутъ и тамъ меньшія предпріятія уступаютъ мѣсто болѣе крупнымъ, развивающимся насчетъ первыхъ и мало-по-малу захватывающимъ въ свои руки все производство и обмѣнъ. Мелкій земельный собственникъ, которому учредительное собраніе оказывало столько вниманія, не можетъ заниматься исключительно обработкой своего участка земли; чтобы быть въ состояніи себя прокормить, онъ вынужденъ поступить въ батраки къ своему богатому сосѣду. Итакъ, съ одной стороны—обнищаніе пролетаріата, съ другой стороны—внутри самой буржуазіи происходитъ разложене, причѣмъ часть ея безопасно выбрасывается въ низы обездоленныхъ. Конкуренція—это палка о двухъ концахъ: она одновременно побиваетъ и тѣхъ, кто ею пользуется, и тѣхъ, противъ кого она направлена.

VI.

Луи-Бланъ не обрываетъ на этомъ своего обвинительнаго акта противъ существующаго строя. Онъ воспроизводитъ нападки Фурье на торговлю, на этого «паразита, развѣдающаго производство», на современную организацію кредита, служащаго орудіемъ въ рукахъ богатыхъ для угнетенія работниковъ; онъ критикуетъ, наконецъ, нынѣшнюю систему воспитанія, совершенно игнорирующаго интересы наиболѣе бѣднаго и наиболѣе многочисленнаго класса.

Угнетенное состояніе сельскаго хозяйства привлекаетъ къ себѣ его вниманіе. Крестьяне бѣгутъ изъ деревень въ крупные промышленные центры. Сельское хозяйство въ одно и то же время страдаетъ и отъ латифундій, крупныхъ помѣстій, поглощающихъ мелкія и среднія хозяйства, и отъ закона о наследствѣ, приводящаго къ безконечному дробленію земельныхъ участковъ. Крестьянинъ-собственникъ не въ состояніи отстоять свою самостоятельность: ничтожныя размѣры его земельного участка и отсутствіе капиталовъ не позволяютъ ему примѣнять новѣйшіе усовершенствованные способы обработки земли. Уже Юнгъ во время своего посѣщенія Франціи передъ великой революціей констатировалъ фактъ упадка сельскаго хозяйства, упадка, который всѣ

болѣе и болѣе прогрессируетъ, и который, если мы не примемъ соотвѣтствующихъ мѣръ, можетъ привести наше сельское хозяйство къ тому же состоянію, которое наблюдается въ Англіи.

Это заботливое отношеніе къ сельскому хозяйству (которое въ извѣстныхъ эпохи совершенно игнорировалось социализмомъ, посвящавшимъ все свое вниманіе промышленному развитію) было свойственно, какъ мы видѣли, и Фурье. Это объясняется, несомнѣнно, вѣрной оцѣнкой той роли, какую сельскохозяйственная промышленность играетъ въ жизни народовъ; но не менѣе вѣскимъ мотивомъ служило опасеніе, которое въ то время ввухала безирерывная эмиграція крестьянъ въ города. Этотъ притокъ населенія въ города продолжается и понынѣ; мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ имѣть случай показать, что это явленіе замѣчается повсюду, на обоихъ полушаріяхъ, и что оно кореннымъ образомъ измѣнило старыя отношенія населенія. Но для насъ это явленіе давняго происхожденія, а потому не ввухаетъ никакой опасности.

Мы, кромѣ того, научились понимать, что земля, при современныхъ способахъ обработки, не нуждается въ такомъ огромномъ количествѣ рабочихъ рукъ, какъ когда-то. Принимъ современной Франціи, гдѣ производство сельскохозяйственныхъ продуктовъ, несмотря на бѣгство изъ деревень, достигло небывалыхъ размѣровъ, въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучителенъ. Но Луи-Бланъ не могъ еще оцѣнить все значеніе техническихъ усовершенствованій и химическаго удобренія; онъ не могъ также видѣть, что противоположныя тенденціи, на которыя онъ указалъ,—образованіе крупнои земельной собственности—съ одной стороны и безконечное ея дробленіе—съ другой—взаимно нейтрализуются. Но, несмотря на это, его критика остается въ силѣ, а его выводы сохраняютъ всю свою убѣдительность.

VII.

Подведемъ итоги. Пролетаріатъ и буржуазія одинаково страдаютъ: первый—отъ нищеты, а второй—отъ отсутствія всякой увѣренности въ завтрашнемъ днѣ; торговля и банковое дѣло возстаиваютъ привилегированную олигархію; невѣжество становится неизбѣжнымъ и какъ бы естественнымъ состояніемъ для милліоновъ гражданъ. Пренебреженіе земледѣліемъ имѣетъ своимъ слѣдствіемъ недостаточное производство жизненныхъ припасовъ. Какъ можно защищать подобный строй и каковы тѣ социальныя элементы (не считая ничтожнаго меньшинства), которые желали бы его сохраненія?

И чтобы придать больше опредѣленности своимъ взглядомъ, Луи-Бланъ прибавляетъ: «Неравенство способностей должно привести не къ неравенству правъ, а къ неравенству обязанностей.»

Оставимъ пока эту послѣднюю формулу и перейдемъ къ сужденіямъ автора «Organisation du travail» о революціи.

Для установленія законности сверженія капиталистическаго строя Луи-Бланъ не ссылается на экономическое развитіе. Онъ, правда, указываетъ на прогрессирующую концентрацію промышленности и на господство монополій, но онъ, повидимому, не пональ тѣсной связи, существующей между непрерывной экспроприаціей мелкихъ и среднихъ собственниковъ орудій производства—съ одной стороны и наступленіемъ новаго общественнаго строя—съ другой. Мы, по крайней мѣрѣ, нигдѣ не находимъ у него категорическаго заявленія въ этомъ смыслѣ. Это революціонеръ изъ состраданія, сантиментальности, но его сочувствіемъ пользуется не одинъ только пролетаріатъ,—оно находится также и на сторонѣ буржуазіи, будущность которой представляется Луи-Блану въ мрачномъ свѣтѣ. Соціальный переворотъ будетъ, по мнѣнію Луи-Блана, совершенъ не пролетаріатомъ, какъ отдѣльнымъ классомъ, съ особыми классовыми интересами и стремленіями,—его выполнить пролетаріатъ въ союзѣ со своими не менѣе угрожаемыми со стороны капитализма и болѣе просвѣщенными хозяевами. Луи-Бланъ, то тутъ, то тамъ, насаждаетъ на капиталъ, на его захваты и ненасытные аппетиты, на учрежденія, основанныя на его господствѣ, и т. д. Но все это ему не мѣшаетъ, путемъ странныхъ умозаключеній, допустить возможность рыцарскаго и идеальнаго союза между капиталистами и рабочими для крестоваго похода противъ прошлаго.

Соціалисты послѣ Маркса, какъ и самъ Марксъ, указывали на непрочный характеръ буржуазной собственности и на жалкое положеніе пролетаризующихся собственниковъ, но они никогда не допускали, чтобы крупная буржуазія, изъ великодушія, путемъ самоотреченія, сама себя экспроприровала.

Предпосылки Луи-Блана остаются неоспоримыми въ томъ смыслѣ, что дѣйствіе экономическихъ силъ въ одно и то же время приводитъ къ порабощенію рабочихъ и къ опустошенію въ рядахъ капиталистовъ; но выводы, которые онъ дѣлаетъ изъ этого положенія, находятся съ послѣдними въ явномъ противорѣчій, потому что онъ не дѣлаетъ различія между интересами, а, слѣдовательно, и требованіями мелкихъ промышленниковъ, мелкихъ лавочниковъ, мелкихъ сельскихъ хозяевъ, постепенно и неизбежно пролетаризующихся, и интересами миллионеровъ и миллиардеровъ, представляющихъ собой новую аристокрацію, не менѣе замкнутую, чѣмъ старая, и сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ все производство.

Другими словами, въ то время, какъ основнымъ положеніемъ социализма, начиная съ «Коммунистическаго Манифеста», была борьба классовъ, Луи-Бланъ возлагалъ всѣ свои надежды на тѣсное сотрудничество угнетателей и угнетенныхъ. Перечисливъ всѣ пороки, которыми страдаетъ современное общество, онъ пригласилъ тѣхъ, кому нынѣшнее положеніе вещей выгодно, положить ему ковецъ однимъ росчеркомъ пера, отказавшись добровольно отъ своихъ политическихъ и экономическихъ привилегій. Отсюда понятво, почему Луи-Бланъ настаивалъ на законномъ и мирномъ характерѣ преобразованія общественнаго строя, и почему онъ не допускалъ даже возможности упорной и продолжительной борьбы.

Завоеваніе общественной власти, предлагаемое Луи-Бланомъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что, начиная съ 1875 г., проводится въ разныхъ программахъ рабочихъ партій. Тутъ рѣчь идетъ не объ отвоеваніи представителями рабочихъ большинства мѣстъ въ парламентѣ, не о диктатурѣ пролетаріата, вызвавшей столько споровъ: для подготовки полного преобразованія общества достаточно, чтобы въ парламентъ проникли нѣсколько представителей народа и засѣдали бы тамъ рядомъ съ представителями крупной промышленности и крупнаго землевладѣнія. Завоеваніе общественной власти будетъ частичнымъ, а не полнымъ. А когда новая «Гора» пріобрѣтетъ достаточное вліяніе, на очередь будетъ поставленъ вопросъ о пересмотрѣ существующихъ социальныхъ отношеній. Это приведетъ къ учрежденію временнаго правительства, которому будетъ поручено ликвидировать прошлое, декретировать первыя реформы, а главное — организовать всестороннія анкеты. Теорія исполнительной власти 1848 г., той комбинаціи, которая была вызвана къ жизни февральской революціей, находится въ зачаточномъ состояніи въ книгѣ Луи-Блана; воплѣтъ естественнымъ является поэтому тотъ фактъ, что онъ не отказывался отъ сотрудничества съ представителями демократическихъ партій.

Этотъ взглядъ не совсѣмъ согласуется съ другимъ положеніемъ, которое мы выше отмѣтили: разъ революція начнется, то государственная власть исчезнетъ, потому что она является выраженіемъ классоваго господства. Научному социализму не приходило въстрѣчать болѣе лапидарную формулу; она соотвѣтствуетъ взглядамъ марксистовъ, но звучитъ нѣсколько странно въ устахъ автора «Organisation du travail». Если капиталистическій строй будетъ сверженъ пролетаріатомъ, то торжество послѣдняго приведетъ къ уничтоженію частной собственности и тѣмъ самымъ приведетъ и къ исчезновенію классовъ. Но Луи-Бланъ, предлагающій сотрудничество классовъ, ожидающій отъ капиталистическаго государства самыхъ радикальныхъ и самыхъ великодушныхъ рѣшеній, не можетъ желать его уничтоженія. По его мнѣнію, воплѣтъ допустимо, чтобы пролетаріи еще въ теченіе нѣкотораго времени поддерживали существующій строй, чтобы его использовать въ своихъ цѣляхъ, хотя подобное приспособленіе привело бы къ самымъ страшнымъ социальнымъ передѣлкамъ, и затѣмъ, какъ только существующая форма собственности будетъ уничтожена, правительство, лишенное своей послѣдней опоры, потерпитъ окончательное крушеніе.

Какъ согласиться на подобнаго рода заключеніе, когда, несмотря на нѣкоторыя данныя, приводимыя коммунизмомъ, стараются сохранить на довольно продолжительное время совмѣстное существованіе двухъ антагонистическихъ социальныхъ формъ, и когда вся дѣятельность государства—государства, составленнаго изъ элементовъ, по природѣ своей враждебныхъ другъ другу,—будетъ, по необходимости, направлена на то, чтобы обезпечить побѣду одной социальной формы надъ другой? Положеніе безвыходное, и это становится тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ глубже его изучаешь.

VIII.

Луи-Бланъ посвятилъ цѣлую главу своей книги вопросу объ организаціи промышленнаго труда. Мы уже знаемъ, какъ онъ относился къ общественной власти: по его мнѣнію, послѣдняя будетъ революціонизировать общество и сама же установитъ новый строй. До сихъ поръ она олицетворяла собой сопротивление общественному прогрессу; отнынѣ она будетъ олицетворять самый этотъ прогрессъ; первой ея задачей будетъ учрежденіе министерства труда съ значительнымъ бюджетомъ.

Рѣчь идетъ о томъ, чтобы передать въ вѣдѣніе національной коллективности всю промышленность и все сельское хозяйство. Теорія Луи-Блана представляетъ собой нѣчто среднее между коллективизмомъ и фурьеризмомъ: онъ не вѣривъ въ жизнеспособность свободной ассоціаціи и не осмѣливается сразу экспроприровать частныхъ собственниковъ въ пользу общества.

Революціонное государство, о которомъ онъ мечтаетъ, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи только банки, рудники, желѣзныя дороги, страхованіе, нѣкоторыя складочныя мѣста для товаровъ. Кредитъ, часть промышленности, торговли и транспорта перейдутъ къ государству, но инициатива частныхъ лицъ сможетъ еще свободно проявляться, и частная собственность будетъ существовать рядомъ съ общественной.

Государство, при помощи имѣющихся въ его распоряженіи средствъ, устраиваетъ мастерскія, въ которыхъ рабочіе будутъ принимать участіе, какъ своимъ трудомъ, такъ и своими сбереженіями. И капиталистамъ будетъ открытъ доступъ въ эти мастерскія (точь въ точь, какъ это предполагалось для фаланстера Фурье и Консидерана) и вносимые капиталы будутъ приносить соответственные проценты. Начальники мастерскихъ будутъ на первое время назначаться правительствомъ, а впоследствии будутъ выбираться самими участниками. Изъ чистой прибыли часть пойдетъ на содержаніе инвалидовъ, вдовъ и сиротъ, на общіе расходы, погашеніе капитала и на помощь нуждающимся мастерскимъ. Что касается способа вознагражденія работниковъ, то на этотъ счетъ у Луи-Блана нѣтъ ни одной опредѣленной формулы: онъ то предлагаетъ равномерную заработную плату, то требуетъ установленія права на полный продуктъ труда, то, наконецъ, проводитъ принципъ распредѣленія, сообразно съ потребностями. Слѣдуетъ замѣтить, что больше всего пользуется его симпатіями слѣдующая формула: «Каждый будетъ производить по своимъ способностямъ и получать по своимъ потребностямъ»; онъ считаетъ эту формулу непримѣнимой въ переходный періодъ.

Общественныя мастерскія, которыя будутъ основаны въ разныхъ мѣстахъ въ видѣ опыта, будутъ побивать частныя мастерскія и частную промышленность. Общественныя мастерскія стремились бы не къ тому, чтобы разорить частную промышленность, а къ тому, чтобы ввести ее въ свой составъ и

чтобы наглядно показать частнымъ промышленникамъ, что въ ихъ же собственныхъ интересахъ примкнуть къ этимъ мастерскимъ. По истеченіи извѣстнаго періода борьбы, относительно конечныхъ результатовъ которой не можетъ быть никакихъ сомнѣній, частной промышленности, по необходимости, придется сдаться, и тогда организація всего промышленнаго производства въ цѣломъ будетъ такова, что возможность кризисовъ будетъ устранена. Учреждая, съ одной стороны, государственный банкъ, при посредствѣ котораго всѣ граждане имѣли бы возможность становиться участниками мастерскихъ, вмѣняя, съ другой стороны, правительству въ обязанность открывать образцовыя фабрики, Луи-Бланъ ни на минуту не хочетъ допустить мысли, что частныя лица, какъ бы богаты они ни были, будутъ въ состояніи выдержать борьбу противъ его системы. Эта система будетъ примѣняться не только въ области обрабатывающей промышленности,—она будетъ распространяться и на сельское хозяйство. Тутъ Луи-Бланъ все далѣе и далѣе приближается къ Фурье, требуя основанія коллективныхъ колоній, которыя получали бы отъ государства землю и движимую собственность; зимою члены этихъ колоній работали бы въ специально для нихъ приспособленныхъ промышленныхъ мастерскихъ. Все имущество составляло бы собственность всѣхъ членовъ, которые дѣлили бы между собой продукты, за вычетомъ отчисленій въ пользу фиска, общественной благотворительности и страхованія. Нашъ авторъ особенно настаиваетъ на притягательной силѣ этихъ образцовыхъ колоній, указывая на массу развлеченій, которыя доставитъ этотъ новый фаланстеръ, на уменьшеніе всякаго рода расходовъ и т. д. Подобно городскимъ общественнымъ мастерскимъ, деревенскія общественныя колоніи, благодаря своимъ преимуществамъ, не замедлятъ привлечь къ себѣ крестьянъ-собственниковъ. Производство расширится, нищета исчезнетъ, и бѣгство изъ деревень прекратится.

IX

Читая книгу Луи-Блана, страшно поражаешься полной аналогіей между предлагаемыми имъ мѣрами и проектами знаменитой люксембургской комиссіи. Последняя, подъ вліяніемъ своего руководителя, пришла къ заключеніямъ, проникнутымъ духомъ мыслителя-министра. Но этимъ заключеніямъ не суждено было претвориться въ жизнь, ибо «національныя мастерскія» второй республики представляли собой прямую противоположность (мы считаемъ лишнимъ это доказывать) тому, что думалъ устроить рабочій парламентъ.

Мы не станемъ здѣсь разбирать ни декретовъ, составленныхъ Луи-Бланомъ, ни перемѣны его взглядовъ, которую онъ обнаружилъ сейчасъ же по вступленіи въ министерство, отвергнувъ учрежденіе «Министерства труда». Мы предпочитаемъ критиковать самую его теорію и доказать ея несостоятельность.

Разъ Луи-Бланъ отвергалъ и борьбу классовъ, и самостоятельную клас-

совую политику пролетаріата, то онъ неизбѣжно долженъ былъ прійти къ рѣшенію, съ которымъ связано его имя. Не онъ одинъ защищалъ это рѣшеніе: оно нашло себѣ приверженцевъ и по ту сторону Рейна, но отъ этого оно не выиграло ни въ положительности, ни въ состоятельности.

Какой бы правильностью ни отличалась (если не по мнѣнію коллективистовъ, то, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію коммунистовъ) формула распределенія, пользовавшаяся симпатіями Луи-Блана, слѣдуетъ равьше всего себя спросить, была ли предложенная имъ система жизнеспособна. Но жизнеспособность этой системы болѣе, чѣмъ сомнительна, такъ какъ Луи-Бланъ оставляетъ въ новомъ строѣ враждебныя послѣдниму силы.

Авторъ «Организаціи труда» исходилъ изъ неоспоримаго, по его мнѣнію, положенія, что государственныя предпріятія должны неизбѣжно привести къ разоренію частныхъ предпріятій. Но именно это положеніе является однимъ изъ наиболѣе спорныхъ. Въ государствѣ, какъ Франція 1848 г. или начала XX вѣка, частныя капиталы—крупныя металлургическія заводы или текстильныя фабрики (и мы нарочно беремъ эти отрасли, гдѣ концентрація достигла наиболѣе высокой степени)—въ состояніи успѣшно вести борьбу съ государственными предпріятіями. Государство, правда, располагаетъ огромными средствами, но эти послѣднія предназначены въдѣ главнымъ образомъ не для промышленныхъ предпріятій, а для иныхъ цѣлей; оно можетъ заключать выгодныя торговыя сдѣлки, но послѣднія не будутъ непременно болѣе выгодными, чѣмъ тѣ, которыя заключаютъ акціонерныя общества: эти общества, несомнѣнно, соединятся въ синдикаты, чтобы такимъ образомъ одержать верхъ надъ государствомъ, какъ предпринимателемъ, угрожающимъ ихъ процвѣтанію. Соединившись же, они будутъ составлять такую же, а можетъ быть и болѣе крупную величину, чѣмъ національныя предпріятія. Если правительство, какъ полагаетъ Луи-Бланъ, окажется владѣльцемъ желѣзныхъ дорогъ, то оно сможетъ установить для своихъ предпріятій льготныя тарифы; но въдѣ остальные способы транспорта останутся въ рукахъ частныхъ предпринимателей; кромѣ того, министерство, которое захотѣло бы поставить частныхъ предпринимателей въ отношеніи условій транспорта въ менѣе выгодное положеніе, встрѣтило бы съ ихъ стороны страшную оппозицію. Наконецъ, надо полагать, что въ національныхъ мастерскихъ рабочіе будутъ оплачиваться лучше, чѣмъ въ частныхъ предпріятіяхъ (хотя это вознагражденіе не можетъ на много превышать среднюю норму заработной платы, иначе могли бы придти въ разстройство государственныя финансы и самыя мастерскія), а этимъ обстоятельствомъ умельшаются для первыхъ шансы успѣха въ ихъ конкуренціи съ послѣдними.

Чтобы избавиться отъ конкуренціи со стороны частныхъ предпріятій, правительство будетъ вынуждено злоупотреблять своими правами. Оно либо будетъ перевозить свои товары почти бесплатно, либо заставитъ своихъ поставщиковъ отдавать преимущество продуктамъ національныхъ мастерскихъ, либо будетъ ставить всевозможныя препятствія частной конкуренціи. Но въ такомъ случаѣ было бы гораздо благоразумнѣе съ самаго же начала произ-

вести коренной переворотъ и вмѣсто безпрерывнаго произвола провозгласить обществленіе всѣхъ орудій производства.

Можно также допустить, что рабочіе капиталистическихъ предпріятій устроятъ стачку, съ цѣлью добиться всѣхъ преимуществъ, которымъ будутъ пользоваться рабочіе національныхъ предпріятій. Тогда государственной властью придется выбирать между нейтралитетомъ и вмѣшательствомъ. Нейтралитетъ можетъ, въ подобномъ случаѣ, привести къ революціонному возстанію, котораго Луи-Бланъ, какъ мы видѣли, боится пуще огня. Вмѣшательство же должно было бы быть въ пользу наемныхъ рабочихъ, и тогда оно привело бы къ экспроприаціи капиталистовъ, т. е. къ мѣрѣ, которую можно было бы и сдѣлать бы принять гораздо раньше.

Итакъ, какую бы гипотезу мы ни допустили, ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ придти къ заключенію о возможности мирнаго, постепеннаго, такъ сказать, автоматическаго поглощенія частной промышленности общественной. Мы скорѣе готовы допустить какъ разъ обратное.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что государство, которому все еще придется исполнять роль правительства (такъ какъ буржуазія и пролетаріатъ будутъ продолжать существовать бокъ-о-бокъ) и которому, съ другой стороны, придется вести крупныя промышленныя предпріятія, по необходимости будетъ совершать тѣ или иные ошибки. Ошибки эти будутъ неизбежны не потому, что государство будетъ выражать интересы коллективности, а потому, что оно будетъ представлять существованіе двухъ различныхъ классовъ, одинъ изъ которыхъ будетъ заинтересованъ въ успѣхѣ национальныхъ мастерскихъ, а другой — въ ихъ крушеніи. Эти промахи будутъ служить орудіемъ въ рукахъ реакціи. Нетрудно предвидѣть и кампаніи противъ правительства, и клевету, и возбужденіе недовольства, справедливаго или несправедливаго, со стороны общественнаго мнѣнія. Все это заставитъ защитниковъ этой системы, какъ бы стойки и искренни они ни были, уступить; ихъ попытки потеряютъ крушеніе, а вмѣстѣ съ ними померкнутъ и тѣ высшіе идеалы, во имя которыхъ эти попытки предпринимаются.

Луи-Бланъ разработалъ проектъ, который былъ лишенъ жизнеспособности: онъ оставилъ нетронутымъ самое большое зло, такъ сказать, самую сущность современнаго общественнаго строя — конкуренцію. Несмотря на то, что онъ же разоблачилъ всѣ ея пороки, онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ возможнымъ обновить общество, не посягнувъ на ея господство. Положительная часть «Organisation du travail» должна быть отвергнута, критическая же часть, равно какъ и критика Фурье и Сень-Симона, сохраняютъ всю свою силу и убѣдительность. Программа преобразованія общества, которой заканчивается цитируемое нами произведеніе, непримѣнима потому, что въ основу ея положено ошибочное и опасное положеніе о возможности романтическаго союза между классами съ противоположными интересами.

«Разгояніе, существующее между современнымъ строемъ и тѣмъ, къ которому мы стремимся, — писалъ Луи-Бланъ, — безконечно меньше разстоянія,

которое раздѣляло старую дореволюціонную Францію отъ современной». Возможно! Но идеаль Луи-Блана нисколько не соответствуетъ тому, къ чему стремится современный социализмъ.

Франсуа Видаль.

I.

Франсуа Видаль, имя котораго почти забыто въ настоящее время, долженъ быть изучаемъ рядомъ съ Луи-Бланомъ, съ которымъ у него много точекъ соприкосновенія въ отношеніи главныхъ идей. Судьба не особенно его баловала, хотя ему суждено было сыграть видную роль при второй республикѣ и дать ясную и обоснованную теорію «государственного» социализма.

Онъ не ограничивался абстрактными построеніями. Принимая непосредственное участіе въ активной политической жизни — онъ былъ главнымъ секретаремъ люксембургской комиссіи, — онъ имѣлъ возможность защищать свои взгляды передъ своего рода рабочимъ парламентомъ. Онъ проявилъ себя, какъ одинъ изъ главныхъ вдохновителей собранія, которое въ самый разгаръ революціоннаго кризиса, въ моментъ, когда все считалось дозволеннымъ, лишь бы принимались быстрыя рѣшенія, — академически обсуждало социальный вопросъ. Наконецъ, ему вмѣстѣ съ Пекеромъ было поручено согласовать мнѣнія представителей хозяевъ и рабочихъ.

Но онъ заслуживаетъ нашего вниманія не только, какъ политикъ, но и какъ писатель. Въ началѣ фуьриеристъ, а впослѣдствіи — сторонникъ «организации труда», онъ служилъ живымъ примѣромъ того, какъ социалистическая мысль могла, за какихъ вѣбудь двадцать или тридцать лѣтъ, эволюционизировать отъ отрицательнаго отношенія къ государственной власти до преклоненія передъ нею. Рѣшительный сторонникъ государственнаго вмѣшательства убѣжденный въ томъ, что социальный переворотъ можетъ быть совершенъ сверху, онъ является предвѣстникомъ многихъ современныхъ публицистовъ.

Биографія Видала не представляетъ ничего особенно выдающагося. Онъ родился въ Кутра въ 1814 г. и умеръ въ 1872 г., но его активно-политическая жизнь ограничивается періодомъ 1848—1851 г. Въ молодости онъ былъ фуьриеристомъ: онъ сотрудничалъ въ разныхъ изданіяхъ новаго направленія — между прочимъ въ «Revue Indépendante» и въ «Démocratie Pacifique». Въ 1845 г. онъ закончилъ этудь о сберегательныхъ кассахъ; въ 1846 г. онъ издалъ свое главное сочиненіе: «О распредѣленіи богатствъ» (критика теоріи, какъ буржуазныхъ экономистовъ, такъ и социалистовъ). Въ эту эпоху, когда социальные вопросы страшно волновали толпу, названное сочиненіе на-

столько привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе, что послѣ февральской революціи назначеніе Видаля на важный постъ само собой напрашивалось. Онъ потому былъ приглашенъ въ люксембургскую комиссію, гдѣ онъ, повидимому, «сыгралъ важную роль».

Послѣ июньскихъ дней онъ сошелъ со сцены, но лишь на короткое время. Въ 1850 г. онъ издалъ свое произведеніе «Освобожденный трудъ». 10 марта 1850 г. онъ былъ одновременно избранъ депутатомъ въ Парижъ и въ нижнерейнскомъ округѣ. Онъ выбралъ представительство Парижа въ палатѣ депутатовъ и засѣдалъ на скамьяхъ Горы Луи Бонапартъ не имѣлъ противника болѣе рѣшительнаго, чѣмъ этотъ глубокоубѣжденный республиканецъ. Наконецъ, 2 декабря Видалъ покинулъ Парижъ.

II.

Мы попытаемся на основаніи труда «Распределеніе богатствъ» прослѣдить теорію или, по крайней мѣрѣ, совокупность идей нашего автора. Это тѣмъ болѣе важно, что время, въ которое этотъ трудъ появился—за два года до февральской революціи,—было такое, что авторъ долженъ былъ пріобрѣсти вліяніе на ходъ почти непосредственно послѣдовавшихъ событій.

По своимъ основнымъ взглядамъ Видалъ является безусловнымъ представителемъ своей эпохи. Мы у него находимъ взгляды, преобладавшіе во всей социалистической литературѣ (исключая Прудона) июльской монархіи и составлявшіе—несмотря на нѣкоторыя противорѣчивыя тенденціи—основу теорій Консидерана, Леру, Луи-Блана, Пекера, Кабэ. Прибавимъ сейчасъ же, что эти взгляды были завѣщаны поколѣніемъ, непосредственно предшествовавшимъ названнымъ мыслителямъ.

Видалъ—это прямая противоположность материалисту. Онъ не думаетъ ссылаться на экономическіе факторы, какъ на основу эволюціи. Какъ разъ наоборотъ, онъ приписываетъ идеямъ, идеалу, невѣроятную силу. Какъ и его современники, Видалъ деиствуетъ, хотя мы у него не находимъ того мистицизма, который былъ тогда общимъ правиломъ; но онъ приписываетъ Провидѣнію активность и волю и, по примѣру Фурье, старается опредѣлить предначертанія провидѣнія. Оптимизмъ является естественнымъ слѣдствіемъ подобнаго міросозерцанія.

Диалектическій способъ мышленія Видаля тоже не представляетъ собою ничего оригинальнаго для того, кто читалъ или просматривалъ сочиненія этого періода. Ихъ сущность сводится къ тремъ понятіямъ: человекъ рожденъ для одной цѣли—для счастья; социальная наука есть наука о счастьѣ и дѣлится на три отдѣла: 1) социальная философія, занимающаяся моральными потребностями, 2) социальная экономія, посвященная матеріальнымъ потребностямъ, и 3) политика. Но эти отдѣлы далеко не независимы другъ отъ друга.

Видалъ возстаетъ противъ теоріи, которая, дѣлая различіе между политической экономіей и моралью, отдѣляетъ полезность отъ блага или права. Политическая экономія есть наука о томъ, какъ слѣдуетъ организовать промышленность и какъ распредѣлять богатства согласно принципамъ общей пользы и «воздающаго по заслугамъ правосудія (justice distributive)».

Что касается относительной важности вопросовъ чисто политическихъ и вопросовъ строго социальныхъ, то Видалъ на этотъ счетъ выражается, какъ и всѣ его современники. Онъ даже съ особенной силой и ясностью раздѣливаетъ въ началѣ своей книги софистовъ публичнаго права: «Доброе старое время конституціонной схоластики прешло безвозвратно. Достаточно уже спорили о «равновѣсіи трехъ формъ власти», о сущности представительнаго правительства и т. д. Пора уже оставить въ сторонѣ вопросы о личностяхъ и заняться рѣшеніемъ настоящихъ вопросовъ, вопросовъ экономическихъ и социальныхъ». Но эти важнѣйшіе вопросы сводятся въ дѣйствительности къ двумъ: къ вопросу объ организаціи труда и къ вопросу о распредѣленіи богатствъ. Отмѣтивъ тутъ же, что Видалъ по примѣру Луи-Блана, не затрагиваетъ непосредственно вопроса о собственности—вопроса, который у Прудона занимаетъ подобающее мѣсто.

Существуютъ двѣ школы: съ одной стороны, школа экономистовъ, огравичивающихъ описаніемъ голыхъ фактовъ, не задавая себѣ вопроса о томъ, насколько эти факты справедливы; съ другой стороны, школа социалистовъ, стремящихся къ осуществленію опредѣленнаго идеала. Послѣдней школѣ Видалъ ставитъ въ вину то, что она недостаточно изучила вопросъ о распредѣленіи.

Онъ не скрываетъ своего намѣренія создать свой общественный идеалъ, но онъ не скрываетъ также и того, что всѣ его симпатіи на сторонѣ социализма. Это съ удивительной ясностью вытекаетъ изъ тѣхъ нѣсколькихъ положеній, которыя онъ приводитъ раньше, чѣмъ перейти къ детальному разбору и критикѣ заключеній названныхъ школъ.

Видалъ указываетъ на то, что обвиняніе трудящагося класса прогрессируетъ пропорціонально росту богатства. Это заявленіе проходитъ красной нитью черезъ всю литературу іюльской монархіи. И Видалъ продолжаетъ: «Не можетъ сохранить свое достоинство, свою нравственность и независимость тотъ, чье существованіе не обезпечено, кто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ всегда найдетъ работу, чтобы зарабатывать себѣ на жизнь». Это строгая оцѣнка либерализма, отстаивающаго теоретическую, а не фактическую свободу. Видалъ клеймитъ конкуренцію и анархію производства, а изъ отсутствія дѣйствительной свободы выводитъ необходимость «організаціи». Онъ затѣмъ рѣзко нападаетъ на принципъ невмѣшательства государства въ экономическія отношенія—на знаменитую формулу «laissez faire, laissez passer», порицаетъ современный индивидуализмъ и горячо защищаетъ принципъ государственнаго вмѣшательства, которое одно въ состояніи защитить слабыхъ отъ сильныхъ. Наконецъ, одно уже предисловіе позволяетъ намъ предугадать, каковы главныя черты идеала нашего автора: онъ тамъ требуетъ уничтоженія

наемнаго труда, установленія дѣйствительной солидарности, полного примѣненія принципа ассоціаціи и приглашаетъ политико-экономовъ перемѣнить свою тактику и пойти по пути, проторенному социализмомъ.

Мы, такимъ образомъ, получили общее представленіе о Видалѣ. Этотъ общій обзоръ можетъ насъ только побудить послѣдовать за Видалемъ въ его анализѣ ученій его противниковъ.

III.

Нашъ авторъ обстоятельно критикуетъ экономистовъ. Онъ долго разбираетъ ихъ идеи и строй, который они съ такимъ упорствомъ защищаютъ. Онъ, конечно, имѣетъ въ виду тѣхъ экономистовъ, которые, называя себя правотѣрными и либеральными, претендуютъ монополизировать всю политическую экономію.

Видалъ различаетъ между ними представителей аграрной школы, руководителемъ которой является Кенэй (Quesnay), и представителей собственно либеральной школы, которая дѣлится на двѣ группы: описательная (вещи такъ происходятъ) и фаталистическая (вещи должны такъ происходить); слѣдуютъ затѣмъ: критическая школа, завимающаяся одной лишь критикой, не дѣлая изъ нея соответственныхъ выводовъ; эклектическая школа, заимствующая все у другихъ школъ и не дающая ничего самостоятельнаго, новаго; наконецъ, христіанская школа, основывающая все на благотворительности. Видалъ вообще крайне отрицательно относится ко всѣмъ этимъ школамъ, хотя и дѣлаетъ различіе между болѣе благородными тенденціями Сисмонди и тенденціями всѣхъ остальныхъ.

Онъ больше всего нападаетъ на *послѣдователей* Адама Смита и главнымъ образомъ—на Сэ. (J.-B. Say). Эти господа, согласно ихъ собственнымъ заявленіямъ, обходили вопросы о справедливости, обращая вниманіе только на факты, а не на право. Адамъ Смитъ, напротивъ того, никогда не оправдывалъ того, что не было законнымъ, и ограничивался описаніемъ наблюдаемыхъ имъ явленій.

Видалъ удивительно остроумно побиваетъ «защитниковъ современнаго общества», пользуясь ихъ собственными орудіями, выставя противъ нихъ ихъ собственную критику. Не самъ ли Сэ, наиримѣръ, указывалъ на недостатки наемнаго труда и конкуренціи, заявляя, что минимальная заработная плата становится нормальнымъ явленіемъ? И не находимъ ли мы у Смита ту истину, что справедливость требуетъ, чтобы заработная плата рабочаго равнялась стоимости произведеннаго имъ продукта? А между тѣмъ, въ дѣйствительности не происходитъ ничего подобнаго, такъ какъ произведенный рабочимъ продуктъ продается въ 4, 10, 100 разъ дороже. Въ этомъ заключается осужденіе всего современнаго строя.

Видалъ разбираетъ также, съ поразительной убѣдительностью, софизмы,

касающіеся ренты, ссылаясь при этомъ опять таки на такъ называемыхъ либеральныхъ экономистовъ. Онъ изучаетъ ренту въ ея историческомъ развитіи, начиная съ варварскихъ временъ и доходя вплоть до крѣпостничества и наемнаго труда. Являясь налогомъ на трудъ, рента ведетъ къ тому, что заработная плата не соотвѣтствуетъ стоимости произведеннаго продукта. Она растетъ, какъ это доказалъ Адамъ Смитъ, вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ. Она именно является причиной упадка сельскаго хозяйства.

Опять таки Смитъ, своей теоріей о промышленной прибыли, позволяетъ намъ прійти къ тому выводу, что предприниматель, капиталистъ, по необходимости долженъ вести борьбу съ рабочимъ, и что первый живетъ на счетъ второго. Мальтусъ, наконецъ, имѣлъ основаніе забыть въ вѣбѣ, при видѣ того, какъ общество идетъ по наклонной плоскости пауперизма. Вѣда лишь въ томъ, что этотъ консервативный писатель, которому принадлежатъ заслуга того, что онъ предостерегалъ общество отъ грозившей ему опасности, нашелъ средства, которыя могутъ укладываться только въ головѣ узколобаго ретрограда: одиный онъ предлагаетъ воздержаніе, а другимъ—безумную роскошь.

Въ общемъ, на основаніи произведеній буржуазныхъ экономистовъ можно составить цѣлый обвинительный актъ противъ капиталистическаго общества, и мы находимъ у Видаля тѣ же діатрибы, что у всѣхъ современныхъ ему публицистовъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ приближается къ Луи-Вяу.

Нарисованная имъ картина пауперизма, который онъ ясно отличаетъ отъ древней нищеты, чрезвычайно вѣрна и полна. Пауперизмъ вытекаетъ изъ наемнаго труда и представляетъ собой естественное состояніе наемнаго рабочаго. Пауперизмъ имѣлъ, несомнѣнно, менѣе острый характеръ и былъ менѣе распространенъ въ то время, когда еще существовали цехи. Это не означаетъ еще, что «старый режимъ» слѣдуетъ считать совершеннымъ или даже сноснымъ,—это только значить, что цехи дѣлали невозможнымъ перепроизводство, обезцѣниваніе продуктовъ, крайнюю конкуренцію, наплывъ крестьянъ въ города и всѣ вытекающія отсюда бѣдствія.

Во многихъ отношеніяхъ наемный рабочій могъ бы позавидовать бывшему крѣпостному: послѣдній находился въ положеніи рабочаго скота, которому было обезпечено существованіе, между тѣмъ какъ наемный рабочій лишень этой обезпеченности. Современный наемный рабочій, утверждаютъ философы, свободенъ; но есть свобода и свобода: абстрактная же свобода—только звукъ пустой. «Наемный трудъ—это олицетвореніе зависимости и униженія, свойственныхъ труду крѣпостному».

Видалъ указалъ, въ не менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, на социальныя и экономическія послѣдствія развитія машиннаго производства. Въ этомъ отношеніи существуетъ общность взглядовъ между Видалемъ и Прудономъ, превосходно развившимъ эту тему въ своемъ сочиненіи «Contradictions» «Технический прогрессъ, восторженно восклицаютъ фабриканты, освободилъ капиталъ отъ притязаній труда.—Технический прогрессъ, съ грустью говорятъ филантропы, отдалъ работника во власть предпринимателей». Эти два утвержденія

дополняютъ и подтверждаютъ другъ друга. Трудъ, такимъ образомъ, становится привилегіей для однихъ, для тѣхъ, которые не обречены на безработицу, и наказаніемъ для другихъ. Но и тѣ, кому удается продавать свою рабочую силу, обрекаютъ себя и свое потомство на всевозможныя физическія лишенія. «Человѣчскій родъ нищаетъ и вырождается въ то самое время, когда огромныя средства тратятся на то, чтобы кормить породистыхъ лошадей, рогатый скотъ и овецъ». Алкоголизмъ и отупѣніе — вотъ непремѣнные спутники торжествующаго капитализма.

Вліяніе машины не ограничивалось приниженіемъ рабочаго класса въ социальномъ и физиологическомъ отношеніи, — она разстроила всю хозяйственную систему, нарушивъ гармонію между производствомъ и потребленіемъ. Она неизбежно влечетъ за собой не ограниченное и разсчитанное на всякія случайности производство, потому что она должна быть непрерывно въ употребленіи. Отсюда кризисы, періодически парализующіе промышленную жизнь; отсюда всѣ палліативы — болѣе вредные, чѣмъ само зло, — изобрѣтенныя для противодѣйствія кризисамъ: протекціонистская и колониальная политика и т. д. Такимъ образомъ, изъ совокупности фактовъ, изъ убійственной конкуренціи, изъ человѣческой эксплуатаціи, вытекаетъ та печальная истина, что нищета есть неизбежное слѣдствіе нашей цивилизаціи. Буржуазные экономисты всячески стараются скрыть эту истину. Но, вопреки ихъ желанію, она громко кричитъ изъ каждой строки ихъ произведеній. Видаль спрашиваетъ экономистовъ, что они предлагаютъ для того, чтобы помочь такому возмутительному положенію вещей. Но онъ встрѣчаетъ съ ихъ стороны одну лишь индифферентность, жестокость или бесиліе мысли.

IV.

Видаль обращается затѣмъ къ социалистамъ, у которыхъ надѣется найти болѣе глубокой умъ и болѣе широкое сердце. Но слѣдуетъ сговориться на счетъ значенія слова «социалистъ». Нашъ авторъ склоненъ его толковать точъ въ точъ, какъ Луи-Бланъ, послѣ его вступленіе во временное правительство 1848 г. Заботясь о томъ, чтобы сдѣлать социализмъ болѣе популярнымъ и болѣе приемлемымъ, чтобы освободить его отъ всего того, что можетъ препятствовать быстрому достиженію власти, онъ дѣлаетъ различіе «между людьми науки, возлагающими всѣ свои надежды на прогрессъ разума, и горячими, благородными головами, жаждущими революціи; представители послѣдней категоріи хотѣли бы насильственнымъ путемъ обезпечить торжество своихъ убѣжденій.

Не слѣдуетъ удивляться этой нѣсколько ловкой классификаціи: она была въ ходу у трехъ четвертей крайней лѣвой.

Какъ бы то ни было, Видаль, этотъ теоретикъ-социалистъ и идеалистъ-философъ, не боится крайнихъ выводовъ. Обозрѣвая всѣхъ социальныхъ пу-

блицистовъ XIX в., онъ выказываетъ все свое расположеніе къ коммунистамъ и рѣзко критикуетъ ихъ предшественниковъ.

Онъ признаетъ, что Сень-Симонъ сыгралъ огромную роль, онъ и его послѣдователи были правы, когда ставили порядокъ, іерархію и власть выше господствующей въ настоящее время анархіи, потому что послѣдняя, равно какъ и конкуренція, служатъ лишь интересамъ богатыхъ и сильныхъ. Но они были глубоко неправы, когда, создавъ «живой законъ», всемогущаго папу, они тѣмъ самымъ хотѣли принизить демократію и възстановить невыносимый деспотизмъ. Крайне неправы были они и тогда, когда, предоставивъ этому «живому закону» право опредѣлять способности и заслуги каждаго гражданина, они тѣмъ самымъ положили произволъ въ основу распредѣленія.

Видалъ хвалилъ Фурье, уважавшаго свободу и избѣгнувшаго введенія и появленія тиранніи. Онъ указывалъ на всѣ преимущества фаланстера—обеспеченіе за каждымъ извѣстнаго благосостоянія, всеобщее, обязательное, полное воспитаніе и т. д. Мы въ дальѣйшемъ увидимъ, что Видалъ, который былъ въ началѣ фурьеристомъ, до конца оставался подъ вліяніемъ этого ученія, но его не удовлетворяла фурьеристская формула распредѣленія.

Онъ переходитъ затѣмъ къ коммунистамъ, на сторонѣ которыхъ находятся всѣ его симпатіи. Онъ полагаетъ, что коммунисты удаляются отъ дѣйствительности, что они витаютъ въ сферахъ чистой идеи, но прибавляетъ, что сегодняшняя утопія можетъ стать завтрашней дѣйствительностью, и питаетъ внутреннее глубокое убѣжденіе, что близокъ часъ торжества коммунизма. Что его привлекаетъ въ коммунизмъ, это то, что онъ основывается на равенствѣ правъ. Распредѣленіе будетъ неоднобразнымъ для всѣхъ, соразмѣрно съ потребностями каждаго. Нашъ авторъ сравниваетъ основанное на такихъ началахъ общество съ семьей, гдѣ каждый беретъ за столомъ столько, сколько ему захочется, заботясь, однако, о томъ, чтобы и другимъ было довольно. Правда, подобный строй возможенъ лишь при одинаковомъ для всѣхъ воспитаніи и обиліи продуктовъ. Но и то, и другое легко достижимо, и съ развитіемъ машиннаго способа производства двухъ часовъ труда будетъ достаточно, чтобы удвоить или утроить производство полезностей.

Ковечно, не всякій родъ труда будетъ одинаково привлекателенъ, и очень вѣроятно, что не найдется много охотниковъ для выполненія «отталкивающихъ работъ»; но послѣднія либо будутъ производиться при помощи соотвѣтственныхъ машинъ, либо, за неимѣніемъ таковыхъ, для выполненія такого рода будетъ введенъ рекрутскій наборъ, какъ это дѣлается теперь для арміи. Замѣтимъ по этому поводу, что эта послѣдняя мысль шокируетъ нашихъ современниковъ: они ничего не имѣютъ противъ того, чтобы заставлять людей убивать себѣ подобныхъ, но считаютъ чѣмъ-то чудовищнымъ и унижительнымъ для человѣка, если его заставляютъ, для общаго блага, подметать улицы или убирать нечистоты.

Видалъ знакомъ съ нападками, направленными противъ коммунизма, нападками, которыя онъ считаетъ клеветой. Утверждаютъ, во-первыхъ, что ком-

мунизмъ подавляетъ личную свободу. Въ дѣйствительности же, онъ, напротивъ того, предполагаетъ всѣ свободы и исключаетъ только свободу отъ труда; нарушеніе какой бы то ни было свободы было бы возможно лишь въ томъ случаѣ, еслибъ большинство гражданъ отъ нея добровольно отказались. Коммунизмъ обвиняютъ въ стремленіи уничтожить семью и установить общность женъ. Но это въ высшей степени бессмысленное обвиненіе. Женщина—не вещь, по крайней мѣрѣ; она, слѣдовательно, будетъ принадлежать себѣ, и ее нельзя будетъ «присвоить».

Наконецъ, утверждаютъ, что социалисты хотятъ все перевернуть вверхъ дномъ; но почему имъ защищать современный строй, въ которомъ все изъ рукъ вонъ плохо? Этотъ строй продолжаетъ существовать, лишь благодаря образовавшимся въ немъ нѣсколькимъ коммунистическимъ элементамъ, и когда буржуазные экономисты связываютъ свободу съ собственностью, то они не замѣчаютъ того, что коммунисты являются самыми послѣдовательными ихъ учениками, такъ какъ они хотятъ сдѣлать собственность всеобщей именно для того, чтобы свобода была всеобщимъ достояніемъ. Необходимо, однако, въ интересахъ преслѣдуемой цѣли, чтобы собственность стала однородной и коллективной, такъ какъ неограниченное дробленіе собственности привело бы къ всеобщей нищетѣ.

«Тѣ, кто черезъ тысячу лѣтъ прочтеть наше изложеніе, кто увидитъ миллионы нашихъ постановленій и судебныхъ приговоровъ за проступки или преступленія, вызванные современной формулой собственности, съ удивленіемъ спросятъ себя, какъ могло подобное общество существовать; еще болѣе велико будетъ ихъ удивленіе, когда они узнаютъ, что великіе умы XIX в. считали ассоціацію—эту простую, естественную, такъ легко осуществимую вещь,—химерой и безуміемъ.—Это не языкъ Маркса, это языкъ оптимиста, пропитаннаго сентиментализмомъ, языкъ поколѣнія 1848 г.

V.

Мы, такимъ образомъ, познакомились съ теоретическими взглядами Видаля: онъ сильно склоняется на сторону коммунизма. Сторонники этого ученія, по его мнѣнію, правы, но не потому, что это ученіе признаетъ историческую необходимость экономическихъ явленій современнаго общества (историческій материализмъ не могъ получить признанія со стороны насквозь проникающаго идеализмомъ мыслителя), а потому, что оно основывается на принципѣ братства. Если бросить ретроспективный взглядъ, то придется признать—и это замѣчаніе имѣетъ свое значеніе въ устахъ человѣка 1848 г.,—что коммунизмъ напоминаетъ собой первобытное христіанство, и нѣтъ поэтому никакого основанія думать, что онъ противорѣчитъ волѣ господней. Мы, слѣдовательно, имѣемъ тутъ дѣло съ коммунизмомъ, основаннымъ на божественномъ правѣ. Соціальная наука приводитъ насъ къ тому же рѣшенію великой человѣ-

ческой проблемы. Мы видимъ, такимъ образомъ, что нашъ авторъ, по примѣру Сень-Симона и Фурье, стремится примирить науку съ религіей. Въ то время догматъ и разумъ еще уживались вмѣстѣ.

Если полное торжество коммунизма осуществится не скоро, то превосходной переходной формой могъ бы служить нѣсколько исправленный фурьеризмъ. Видалъ обладаетъ примирительнымъ умомъ; онъ вѣритъ въ возможность соглашения между консерваторами и революціонерами. Онъ особенно хочетъ предотвратить опасность новыхъ революцій, которыя ему кажутся анахронизмомъ въ серединѣ XIX вѣка. Бабефъ, несмотря на то, что жилъ на пѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ раньше и не видѣлъ, какъ развивалась, вмѣстѣ съ ростомъ капитализма и машиннаго способа производства, противоположность классовыхъ интересовъ—все-таки предсказывалъ дополненіе великой революціи 1879 г. Соціализмъ 1848 г. былъ, по крайней мѣрѣ, въ произведеніяхъ, его отражавшихъ, гораздо менѣе революціоннымъ, нежели соціализмъ Бабефа и его сторонниковъ. И по какому-то непонятному противорѣчію, одна изъ наиболѣе кровавыхъ соціальныхъ революцій, одинъ изъ наиболѣе ужасныхъ въ исторіи эпизодовъ борьбы классовъ—іюньскіе дни—обязавъ своимъ происхожденіемъ именно этой, съ виду мирной пропагандѣ.

Видалъ ничего не ждетъ отъ народнаго возстанія: онъ всѣ свои надежды возлагаетъ на общественную власть, на обязанности которой лежитъ упорядоченіе всей интеллектуальной жизни и методическая организація труда. Вывають, правда, минуты, когда онъ приходитъ въ отчаяніе и упрекаетъ общественную власть въ томъ, что она находится въ рукахъ торговаго сословія; но его оптимизмъ постоянно беретъ верхъ. Въ общемъ, онъ постепенно становится все менѣе и менѣе требовательнымъ. Отъ коммунизма онъ спустился къ фурьеризму; онъ дальше спускается еще ниже, приходя къ еще менѣе радикальнымъ рѣшеніямъ, которыя предлагаетъ, какъ палліативы, вполне достаточные для настоящаго момента.

Мы тутъ подходимъ къ практической программѣ Видала, къ его плану немедленныхъ реформъ, плану, который былъ принятъ большинствомъ политическихъ писателей, принадлежавшихъ къ демократіи 1848 г. Опытъ примѣненія части этой программы на практикѣ былъ сдѣланъ сейчасъ же послѣ февральскихъ дней. Мы его вкратцѣ изложимъ; но прежде всего слѣдуетъ указать на ея важное значеніе и сказать, что она, вмѣстѣ съ положеніями «Organisation du travail», составляла самую сущность совѣщанія люксембургской комиссіи и послужила матеріаломъ для доклада, опубликованнаго Видалемъ въ «Официальной газетѣ» (Moniteur officiel). Высокое положеніе, которое Видалъ занималъ—онъ былъ главнымъ секретаремъ «рабочаго парламента»,—позволяло ему претворить въ жизнь идеи, которыя онъ координировалъ въ своемъ главномъ сочиненіи.

Такъ какъ невозможно сейчасъ же уничтожить причины пауперизма, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать противъ его послѣдствій. Существуетъ нѣсколько категорій бѣдныхъ. Во-первыхъ, неспособные къ труду, т. е.

дѣти, больные, калѣки, старики; всѣ они, по плану Видаля, должны содержаться на счет частной благотворительности и существующихъ учреждений общественнаго призрѣнія. Во-вторыхъ, способные къ труду лѣтяги: ихъ Видадь преслѣдуетъ судомъ. Наконецъ, способные къ труду рабочіе, вынужденные на безработицу; для нихъ будутъ учреждены постоянныя мастерскія, подъ условіемъ, чтобы послѣдніе не конкурировали съ остальными мастерскими. Тамъ будетъ установлено соотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ, и произведенные въ мастерскихъ продукты будутъ, въ предѣлахъ возможнаго, потребляться самими участниками. Это будутъ сельскохозяйственныя колоніи, основанныя на принципѣ ассоціаціи.

Эти мастерскія будутъ правильно развиваться. Онѣ будутъ прибѣгать къ ссудамъ, за которыя будутъ платить 4%. Совокупность доходовъ будетъ на первое время распределяться слѣдующимъ образомъ: выдача минимальной заработной платы, отчисленіе въ резервный капиталъ, распределеніе остающихся суммъ между участниками, пропорціонально производительности каждаго изъ нихъ.

Помимо этой реформы, не содержащей въ себѣ ничего революціоннаго, Видадь предлагаетъ правительству заняться постройкой жилищъ для рабочихъ и учредить пенсіи. Въ общемъ, Видадь комбинируетъ частную инициативу съ государственнымъ вѣдѣтельствомъ, но не идетъ такъ далеко, какъ Луи-Вланъ, который мечталъ о томъ, чтобы общественная власть служила всецѣло интересамъ наемныхъ рабочихъ.

Отправнымъ пунктомъ служатъ для Видаля возвышенныя идеи, ясныя и обоснованное осужденіе капиталистическаго строя, но все это у него размѣнивается на мелкую монету частичныхъ реформъ, а къ концу онъ даже удовлетворяется такими мѣропріятіями, на которыя могла бы согласиться даже легитимистская монархія.— Не заключается ли въ этомъ примѣрѣ вся исторія революціи 1848 г., рассматриваемой съ ея соціальной стороны?

Пеккеръ.

I.

Сенъ-Симонъ и Фурье—съ одной стороны и Прудонъ—съ другой пользовались особеннымъ вниманіемъ со стороны критики въ теченіе полувѣка и даже болѣе.

Пеккеръ, неизвѣстно почему, оставался обыкновенно безъ вниманія, а между тѣмъ онъ, безусловно, заслуживаетъ изученія, и созданный имъ

планъ будущаго общества представляетъ поразительное сходство съ современными построеніями.

Онъ приближается къ Луи-Влану и Видалю по своимъ воззрѣніямъ на государство и по своей вѣрѣ въ сотрудничество классовъ. Съ другой стороны, онъ примыкаетъ ко всей социалистической школѣ временъ Реставраціи и Іюльской монархіи (за исключеніемъ Прудона) своимъ деизмомъ, своимъ постояннымъ стремленіемъ объяснять пути Провидѣнія, своими метафизическими и моральными запросами.

Несмотря на все значеніе, которое онъ придавалъ явленіямъ экономического характера, они одни, по его мнѣнію, не могутъ опредѣлять социальнаго уклада.

Рѣшающее вліяніе въ жизни народовъ онъ приписываетъ сознанію, чувствамъ, понятіямъ о правѣ и справедливости, и въ этомъ отношеніи несетъ на себѣ явный отпечатокъ своей среды и своего времени. Если онъ чѣмъ либо отличается отъ своихъ предшественниковъ, то лишь тѣми крайними выводами, къ которымъ приходитъ, и которые представляютъ собой не что иное, какъ коллективизмъ. Ученіе это еще ни разу не было формулировано до него.

Въ манифестѣ «Равныхъ» 1796 года эти послѣдніе однимъ взмахомъ поднялись на высоту абсолютнаго коммунизма; сенъ-симонизмъ пытается искоренить институтъ наслѣдованія, который лежитъ въ основѣ всякой чисто-индивидуалистической формы общества, и рѣшительно отвергая его, окazuje уже на пути къ общинному началу; фурьеризмъ не признаетъ никакихъ правъ за коллективностью и отдаетъ орудія въ руки свободно-организованныхъ ассоціацій. Луи-Вланъ и Видалъ, сторонники принципа государственности, стоятъ за кооперацію, субсидируемая государствомъ, и не представляютъ себѣ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, возможности концентраціи машинъ подъ однимъ общимъ руководствомъ. Пеккеръ хочетъ обосновать свой социалистическій строй на передачѣ обществу всѣхъ и всякаго рода капиталовъ, на превращеніи индивидуальнаго труда въ общественную функцію, при частичномъ сохраненіи наслѣдственнаго права и установленіи равенства въ вознагражденіи за трудъ. Все это не что иное, какъ основные элементы современнаго коллективизма—въ той формѣ, въ какой себѣ представляютъ его его сторонники и противники.

Въ виду этого, мы считаемъ нужнымъ подвергнуть критикѣ, съ одной стороны, его произведеніе «*Traité des améliorations matérielles*», написанное въ 1839 г., а съ другой—его «*Théorie nouvelle de l'économie sociale*», появившуюся въ 1841 г. Обѣ книги представляютъ два различныхъ момента въ развитіи мысли автора. Первая изъ нихъ разсматриваетъ лишь одну сторону социальной проблемы—вопросъ о примѣненіи науки въ дѣлѣ расширенія общественнаго богатства и общаго благосостоянія. Вторая посвящена установленію принциповъ, на которыхъ должно зиждиться новое дѣйствительно цивилизованное общество, обеспечивающее общую безопасность уничтоженіемъ нищеты, и такой организаціи труда, которая обеспечивала бы

широкое использованіе активныхъ силъ и положила бы конецъ происходящей въ настоящее время чудовищной и непрерывной тратѣ силъ. Но оба эти наиболѣе важныя изъ его произведеній (ибо есть еще и другія) представляютъ, въ сущности, полное сходство въ развитіи основныхъ идей: вторая изъ нихъ—«*Théorie nouvelle*» чрезвычайно логично вытекаетъ изъ первой—«*Traité des Améliorations*», хотя во многомъ и опережаетъ ее, охватывая болѣе широкіе горизонты.

II.

Пеккеръ заботливо выставляетъ себя ѣрнымъ послѣдователемъ Иисуса Христа, Руссо и революціонеровъ Сень-Симона и Фурье. Тѣмъ не менѣе, онъ старается провести извѣстную разницу между собою и двумя главарями социалистической школы. Онъ упрекаетъ сенъ-симонизмъ въ томъ, что онъ низвелъ избраніе съ небесъ, что онъ уничтожилъ или посягнулъ на право народа и свободу. Онъ уличаетъ Фурье въ анархизмъ, который тогъ косвенно превозносилъ, отрицая въ принципѣ единство дѣйствія и авторитетъ власти. Что касается великаго англійскаго реформатора Роберта Оуэна, Пеккеръ объявляетъ неприемлемой его формулу коммунистическаго расиределенія.

Для того, чтобы открыть тайну всѣхъ вещей и найти дорогу къ будущему, которое принесетъ съ собою больше справедливости, чѣмъ ея имѣется въ настоящее время, необходимо вернуться къ Богу.

Божество—это законъ, устанавливающій права и обязанности, причѣмъ каждая обязанность истолковывается, лишь какъ обязанность выполнять волю божества. Къ тому же, знать эту волю является тѣмъ болѣе необходимымъ, что «экономія всякаго общества основывается на моральныхъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ, которыя исповѣдываются большинствомъ его членовъ». Такимъ образомъ, социологія Пеккера не только не отличается большей независимостью взглядовъ, чѣмъ воззрѣнія его предшественниковъ, но еще осложняется новыми элементами, совершенно чуждыми чистой наукѣ или анализу матеріальной (естественной) эволюціи.

Три важныя проблемы требуютъ внимательнаго изученія: это свобода, государственная власть и политическая реформа. Послѣдняя изъ нихъ можетъ и не считаться настолько важной, и позволительно отложить на время ея обсужденіе, связавъ ее съ первыми двумя проблемами, такъ какъ политическая реформа подчинена реформѣ социальной, которой она служитъ средствомъ или, если угодно, первой стадіей; ея должны касаться тѣ принципиальныя соображенія, которыя связаны съ двумя другими вопросами.

Нѣтъ свободы безъ собственности; а такъ какъ собственность является достояніемъ ограниченнаго числа лицъ, то большинство людей—лишено свободы. Этогъ захватъ земель, машинъ и всякаго рода капиталовъ и является первоисточникомъ всего социальнаго зла. Такимъ образомъ, созданіе теоріи

собственности становится задачей писателя, «когорый хочет посвятить смена для будущих вѣков».

Въ настоящее время средства, необходимыя для производства, отсутствуют у большей части людей, и тѣ, кто ихъ не имѣетъ вовсе, принуждены отдавать себя въ услуженіе другимъ обладателямъ этихъ средствъ. Одни, не имѣющіе, находятся въ зависимости отъ имущихъ; они отдають все въ руки послѣднихъ и такимъ образомъ нарушаютъ свое естественное равенство. Въ то же время, люди, лишенные собственности, работаютъ на пользу людей, которые все больше концентрируютъ ее въ своихъ рукахъ, нисколько сама не работая. Христіанская проповѣдь, знаменитая заповѣдь св. Павла — нарушены, нравственность извращена, такъ какъ толпа тунеядцевъ купается въ золотѣ. Уже эти первыя положенія отличаются сами по себѣ достаточной убѣдительною, но Пеккеръ ими не ограничивается, такъ какъ онъ анализируетъ явленіе собственности и осуждаетъ его, въ его современной индивидуалистической формѣ, съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ точки зрѣнія религіозной, человѣкъ не можетъ ничѣмъ владѣть, ибо все принадлежитъ Богу. Съ точки зрѣнія моральной, онъ не имѣетъ права на какую бы то ни было частицу земли, потому что все человѣчество должно располагать, какъ землѣй, такъ и всѣмъ, что она производитъ. Съ точки зрѣнія социальной, человѣкъ не можетъ получить въ свое пользованіе ни малѣйшаго куска поля или виноградника, не нарушивъ этимъ принципа по которому всѣ на одинаковомъ правѣ должны быть собственниками. Если всѣ не могутъ стать собственниками, никто не долженъ присваивать себѣ этого преимущества. Но такъ какъ каждый, въ интересахъ собственнаго развитія, а также развитія своего ближняго, долженъ чѣмъ либо владѣть, то право это должно стать общимъ для всѣхъ. Другими словами, право собственности на всѣ матеріальные и нематеріальные предметы будетъ находиться въ зависимости не отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ цѣлага общества. Но современный общественный строй находится въ противорѣчии съ этимъ логическимъ выводомъ, и потому онъ не можетъ существовать; онъ обреченъ на гибель: право собственности такъ же священно, какъ жизнь, ибо оно является ея необходимымъ условіемъ.

Современная форма собственности или владѣнія не является чѣмъ-то, созданнымъ самой природой. Это чистѣйшая фикція, созданная закономъ. Законная собственность отдѣльнаго лица—это часть, дарованная ему закономъ въ пользованіе; она можетъ быть измѣнена. Вслѣдствіе этого, режимъ, основанный на присвоеніи, господствовавшій до сихъ поръ и представляющій грубое насилие, долженъ исчезнуть и уступить мѣсто новому строю, который гарантируетъ свободу всѣмъ, и который будетъ изображенъ ниже.

Въ истинной демократіи, государственная власть не могла бы быть окончательно уничтожена. Но ея господство ограничивалось бы только хозяйственной областью, гдѣ ея присутствіе вполнѣ законно, въ виду самой природы общественнаго богатства и условій его созиданія. Государственная власть

является охранительницей свободы, которая безъ нея на каждомъ шагу находилась бы въ опасности. Самъ Фурье, какъ враждебно онъ ни относился къ власти въ силу своего темперамента и сдѣланныхъ имъ выводовъ, не отвергалъ ее окончательно или, по крайней мѣрѣ, устранялъ ее только по вынужденности, такъ какъ допускалъ удовлетвореніе потребностей лишь постольку, поскольку оно не нарушало общественнаго порядка.

Чѣмъ болѣе углубляешься въ разрѣшеніе проблемы о свободѣ и государственной власти, тѣмъ болѣе становится вѣроятнымъ столь необходимое примиреніе между этими двумя принципами, долгое время считавшимися враждебными другъ другу. Только при сочетаніи обоихъ принциповъ можно будетъ добиться строя, дѣйствительно терпимаго и равнаго для всѣхъ. Ибо если рабочій въ настоящее время не что иное, какъ рабъ, то своимъ рабскимъ положеніемъ онъ обязанъ всемогуществу королей промышленности, не признающихъ никакой власти надъ собою, а потому чувствующихъ себя полновластными господами.

Пеккеръ не ограничивается указаніемъ этого чисто абстрактнаго рѣшенія вопроса. Прежде, чѣмъ предлагать болѣе конкретныя мѣры и новую форму экономической организаціи, онъ не могъ не довести до конца своего анализа соціальной структуры общества и, раскрывъ всѣ его недостатки, не могъ придти къ выводу о его полнѣйшемъ безсиліи, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ. Рискавъ допустить нѣкоторыя повторенія, мы, все же, признаемъ нужнымъ сгруппировать нѣкоторые пункты этого обвинительнаго акта, предъявленнаго современному обществу. Это даетъ намъ возможность лучше понять тѣ коллективистскіе выводы, которые сдѣланы изъ вышеозначенныхъ двухъ его произведеній, существенное содержаніе коихъ въ общихъ чертахъ нами изображено.

III.

Критика существующаго строя представлена, главнымъ образомъ, въ книгѣ «*Traité des améliorations matérielles*». Матеріальныя улучшенія, дѣйствительно, являются необходимымъ условіемъ всякаго прогресса; они имѣютъ цѣлью облегчить, упростить, украсить жизнь; а между тѣмъ, условія современнаго распредѣленія богатствъ таковы, что эти улучшенія не только не служатъ ко всеобщему благу, но еще больше отягчаютъ существующія неравенства.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть пророчатъ гдѣ нибудь каналъ, проведутъ новую дорогу, сдѣлаютъ великое открытіе;—совокупность гражданъ не получаетъ выгодъ отъ этого увеличенія матеріальныхъ средствъ: оно цѣликомъ пойдетъ на пользу тѣхъ, у кого въ рукахъ капиталы, и такимъ образомъ снабдитъ ихъ новымъ орудіемъ угнетенія. Англія, на примѣръ, страна, которая въ отношеніи матеріальнаго прогресса стояла всегда впереди всѣхъ другихъ, пред-

ставляетъ въ то же время арену самыхъ рѣзкихъ контрастовъ въ области социальныхъ отношеній. Богатство и бѣдность въ ней одинаково громадны по своимъ размѣрамъ, такъ какъ развитіе машиннаго производства, способствующее увеличенію производительныхъ силъ, повело только къ пониженію заработной платы. Въмѣсто того, чтобы отношенія между хозяевами и рабочими становились болѣе дружественными по мѣрѣ возрастанія количества производимыхъ продуктъ въ годныхъ для распредѣленія, они, наоборотъ, становятся все болѣе и болѣе натянутыми.

Это странное явленіе, противное разуму, постыдное для нашей эпохи, можно объяснить только неслыханнымъ развитіемъ конкуренціи. Конкуренція сама по себѣ есть не что иное, какъ борьба эгоистическихъ инстинктовъ, борьба безнравственная и губительная, вызывающая жертвы со всѣхъ сторонъ. Этотъ постоянный конфликтъ никогда бы не имѣлъ мѣста, если бы въ понятіе свободы не было вложено содержаніе совершенно противоположнаго характера.

Экономическая свобода, въ томъ видѣ, какъ ее понимаютъ правовѣрные экономисты, есть не что иное, какъ свобода давить другого, сѣять повсюду въ обществѣ разореніе, учреждать монополію. Пеккеръ даетъ этому очень мѣткую характеристику: «такъ называемое *«laisser faire»*, говорилъ онъ, является для XIX вѣка тѣмъ же, чѣмъ было воиштенное *«laissez faire»* сеньоровъ XVIII и XIX вѣковъ; это прелюдія новаго феодализма... это агонія равенства, свободы, всѣхъ принциповъ и всѣхъ обѣщаній революціи 1789 года».

Такъ какъ законъ призналъ за всѣми право пользоваться и злоупотреблять землей и капиталами всѣхъ родовъ, то каждый считаетъ себя вполнѣ свободнымъ слѣдовать всѣмъ своимъ прихотямъ. Исключительное право собственности на средства производства, произволь въ опредѣленіи размѣровъ производства и обмѣна, ссуда подъ проценты во всѣхъ ея видахъ, право передачи капиталовъ по наслѣдству—вотъ гдѣ источники современнаго зла, которому имя—анархія. Общій безпорядокъ порождаетъ распущенность въ нравахъ, ведетъ къ монополіи, къ ростовщичеству; результатомъ всеобщаго дробленія является безсиліе. Бавкротства, кризисы, безработица наносятъ непрерывно свои удары этому міру, утратившему всякое равновѣсіе, лишенному всякихъ принциповъ и организаціи и облегчающему торжество лишь физически сильнымъ и наименѣе одареннымъ совѣстью людямъ.

Уже одно перечисленіе всѣхъ этихъ недостатковъ существующаго общественнаго порядка доказываетъ съ полной очевидностью всю его непригодность и вызываетъ потребность въ радикальномъ его преобразованіи.

IV.

Эта реформа общества не должна быть ни дѣломъ насилія, ни результатомъ воздѣйствія со стороны угнетаемыхъ классовъ. Буржуазія не можетъ

желать, чтобы существующій порядокъ былъ испровергнутъ грубымъ натискомъ пролетаріевъ, всѣхъ немущихъ, и потому необходимо, чтобы она поняла свою обязанность: «оставлять въ бѣдности цѣлыя массы—значить увѣковѣчивать духъ возмущенія».

Пеккеръ, призывая въ свидѣтели исторію, отмѣчаетъ постоянное заблужденіе тѣхъ классовъ, которые завоевывали себѣ соціальныя привилегіи, и затѣмъ, забывъ свои собственныя страданія, отказывались даровать свободу низшимъ классамъ общества. Едва освободившись отъ гнета, они становятся въ непримиримое противорѣчіе съ другими категоріями гражданъ. Вчеръ еще, въ общей массѣ съ этими послѣдними, они одинаково изывали подъ игомъ рабства, а сегодня они требуютъ созданія цѣлой бездны соціальныхъ различій. Они не понимаютъ, что смѣшно и нелѣпо становится поперекъ пути дальнѣйшаго прогресса, и что часъ его прихода неизбѣженъ. Та самая буржуазія, которая вела столь продолжительную борьбу за завоеваніе избирательнаго права, теперь отказываетъ въ немъ пролетаріямъ. Точно то, что было правомъ для нея, не является правомъ и для нихъ! Точно ея непонятное поведеніе не обрекаетъ ее на вѣрную гибель! Цензовый принципъ въ избирательномъ правѣ—это не что иное, какъ принципъ консерватизма чистѣйшей пробы. Полагаютъ обыкновенно, что только тѣ, у кого есть какое либо имущество, заинтересованы въ сохраненіи порядка. Можетъ быть, это мнѣніе и справедливо, но тогда почему же не надѣлать всѣхъ собственностью? И почему не вызвать подобнаго интереса во всѣхъ гражданахъ?

Вмѣсто того, чтобы дѣлать уступки прогрессу, противъ своего желанія, буржуазія погнутила бы гораздо благоразумнѣе, принимая на себя инициативу въ его проведеніи. Она можетъ руководить имъ, направлять его; она дастъ изъ своей среды вождей будущаго, лишь бы только они сьумѣли дѣйствовать въ пользу коллективности, служить ея интересамъ и обращать на общее благо матеріальныя улучшенія, которыя до сихъ поръ приводили къ совершенно другимъ, менѣе достойнымъ результатамъ.

V.

Среди мѣръ, предлагаемыхъ Пеккеромъ, слѣдуетъ отличать мѣры, которыя онъ считалъ безотлагательными и переходными, отъ другихъ, болѣе радикальныхъ, къ которымъ должно быть направлено общественное движеніе. Первые изъ нихъ проводятся главнымъ образомъ въ «*Traité des améliorations*», хотя въ этой же книгѣ встрѣчаются также въ зародышѣ теоріи, которыя особенно энергично отстаиваются въ «*Théorie nouvelle de l'économie sociale*». Мы знаемъ уже, что нашъ авторъ старается примирить государственную власть со свободой, путемъ надѣленія всѣхъ собственностью и замѣны неорганизованнаго труда организованнымъ.

Чтобы расчислить дорогу коллективистическому строю и добиться осво-

божденія рабочаго класса, правительство, къ которому Пеккеръ питаетъ полное довѣріе, должно постоянно стремиться къ матеріальнымъ улучшеніямъ, создавать крупныя общественныя работы, вродѣ осушенія болотъ, пользуясь для этого особымъ исключительнымъ бюджетомъ. Когда народная масса достигнетъ большей степени довольства и безопасности, число и потребности потребителей, естественно, возрастутъ, а вслѣдствіе этого—и товары найдутъ болѣе широкій сбытъ. Въ то же время государство будетъ давать образованіе всѣмъ гражданамъ, особенно поощряя профессиональное образованіе. Подобно тому, какъ тратятся большія средства на разведеніе скота, нужно стараться подымать уровень нравственности и интеллектуальнаго развитія народа, не останавливаясь ни предъ какими жертвами. Вкладывать миллионы въ такое предпріятіе—значитъ обогащаться. Поступая такимъ образомъ, можно будетъ добиться болѣе равномернаго распределенія культуры, чего въ настоящее время не существуетъ. Когда это воспитаніе проникнетъ собой всю массу, государственная казна сможетъ объявить себя банкротомъ и отдавать деньги въ кредитъ даже тѣмъ, у кого нѣтъ никакой гарантіи, ни движимой ни недвижимой собственности. Наконецъ, капиталисты и работники соединятся вмѣстѣ и образуютъ новую форму промышленности, заключатъ договоръ о взаимномъ страхованіи и, благодаря этому соглашенію, достигнутъ первой фазы соціального обновленія. Но это все лишь предварительныя, временныя мѣры. Нужно идти гораздо дальше; было бы наивно ограничиваться тѣми мѣрами, которыя запрашиваются со всѣхъ сторонъ, какъ на-примѣръ, ограниченіе трудового дня, установленіе закономъ заработной платы, провозглашеніе права на трудъ. Ни одна изъ этихъ мѣръ не исчерпываетъ всего содержанія соціальной проблемы. Все это—разумѣется—совершенно вѣрно, и чрезвычайно любопытно встрѣтить у Пеккера такую критику, которую многіе признали бы вполне современной. Во время появленія «*Traité des améliorations*», т. е. ровно за девять лѣтъ до Февральской Революціи, и даже въ то время, когда выходила въ свѣтъ «*Théorie nouvelle de l'économie sociale*», т. е. въ 1842 г., народъ еще охотно поддавался обаянію лозунга, сулившаго такъ много обѣщаній — *права на трудъ*. Для многихъ онъ означалъ основное требованіе современнаго поколѣнія. Право на трудъ само по себѣ не имѣетъ никакой цѣнности и приобретаетъ ее лишь съ того момента, когда оно осуществляется со всѣми его логическими послѣдствіями. Для людей, логически мыслящихъ и добросовѣстныхъ, это право необходимо требуетъ реорганизаціи собственности и социализаціи капиталовъ. Большинство дѣятелей 1848 года, не только масса избирательная, но и публицисты и политики, стоявшіе въ ея, не сумѣли уловить истинный смыслъ словъ, скрывающихся въ этомъ выраженіи. Они полагали, что достаточно провозгласить ихъ, подобно тому, какъ нѣкогда, во время первой Революціи, считали достаточнымъ подписать слова: свобода, равенство и братство, не заботясь о томъ, чтобы перейти отъ словъ къ дѣлу. Временное правительство, подписывая знаменитый декретъ отъ 27 февраля, не имѣло понятія о томъ,

какую петлю оно себѣ накинуло, или же приходится допустить (и эта гипотеза чрезвычайно правдоподобна), что оно это сдѣлало съ твердымъ намѣреніемъ ограничиться одной пустой фразой. Открывшіеся затѣмъ послѣ іюльскихъ дней дебаты въ учредительномъ собраніи, чрезвычайно интересные, между прочимъ, какъ по качеству и количеству ораторовъ, такъ и по изобилію представленныхъ ими доводовъ, свидѣтельствуютъ также о тѣхъ заблужденіяхъ, въ которыя впадали въкоторыя защитники права на трудъ.

Пеккеру принадлежитъ та довольно рѣдкая въ то время заслуга, что онъ предвидѣлъ, насколько эта формула сама по себѣ призрачна, и что для введенія ея, если не хотять обманывать народной массы, необходимо немедленно перейти къ преобразованію формъ собственности. Вотъ почему онъ не ограничился только доказательствомъ того, что каждый человѣкъ долженъ умѣть жить собственнымъ трудомъ: онъ разработалъ цѣлую систему, которая предоставляла всѣмъ возможность пользоваться капиталами, землей, машинами, получать заработную плату и добиваться свободы подъ сѣнью собственности. Въ такомъ именно направленіи Пеккеръ представлялъ себѣ переходъ къ коллективизму.

VI.

«У націи долженъ быть одинъ только собственникъ, одинъ предприниматель, одинъ капиталистъ—государство (т. е. самъ народъ, въ лицѣ своихъ представителей)... Національная земля и всѣ орудія труда, съ нею связанныя, принадлежать всѣмъ и не принадлежать никому. Ими управляютъ, ихъ эксплуатируютъ и употребляютъ въ дѣло подъ высшимъ руководствомъ представительной власти».

Надѣленіе всѣхъ собственностью можно понять только въ двухъ смыслахъ: это значить либо надѣлать каждого частью земли и другихъ благъ, либо соединить все вмѣстѣ и предоставить въ распоряженіе всего общества.

Первая система была выставлена нѣкоторыми публицистами до-революціоннаго періода, а также и крестьянами передъ революціей, во время и послѣ нея, но формула эта бесплодна и гибельна, такъ какъ, освящая и увеличивая анархію, она лишь ослабляетъ соціальныи организмъ и вноситъ большую ожесточенность въ экономическую борьбу.

«Требовать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, универсализаціи индивидуальной собственности—одно безуміе: въ рукахъ у каждого былъ бы клочекъ земли—и только».

Вторая система защищается Бабефомъ и «Равными», теоретиками-коммунистами XVIII-го вѣка; Фурье также приближался къ ней, когда устанавливалъ «корпоративное право собственности» и требовалъ до извѣстной степени социализаціи орудій производства; удѣляя капиталу наименьшую часть въ доходахъ и дивидендахъ, онъ этимъ самымъ подготавливалъ условія

его уничтоженія. Иначе говоря, онъ поколебаль существующій порядокъ вещей, но еще не распаталъ его. Что же касается Пеккера, то онъ не опасается разрушить его окончательно.

И принимаясь за это колоссальное предпріятіе, онъ не только хочетъ обезпечить пролетаріямъ свободу, но расчитываетъ, главнымъ образомъ, положить конецъ непроизводительной тратѣ силъ, являющейся характерной чертой индивидуалистическаго государства. Воля отдѣльныхъ лицъ должна быть подчинена одной высшей волѣ. Необходимъ центральный распорядитель.

Производители не сдумѣли бы сами рѣшать, какого рода продукты и въ какомъ количествѣ слѣдуетъ производить. «Самое разумное, что социальная наука могла бы предложить, это созданіе центральной администраціи, выполняющей функціи необходимаго посредника между производителемъ и потребителемъ, и законнымъ образомъ завѣдывающая, какъ орудіями производства, такъ и распредѣленіемъ богатствъ». — Таковы принципы экономическаго организациі, и не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ естественно вытекающихъ отсюда выводовъ.

Въ обществѣ, организованномъ на такихъ началахъ, всякій гражданинъ имѣетъ право требовать у администратора какого либо занятія, а, слѣдовательно, и необходимыхъ инструментовъ для работы по своей специальности. Тутъ возникаетъ два вопроса, требующіе немедленнаго рѣшенія: какимъ образомъ будутъ распредѣляться занятія? Какъ они будутъ вознаграждаться?

Безспорно, между гражданами возникнутъ соревнованіе и соперничество, при поступленіи на извѣстныя должности, и потому замѣщеніе ихъ по наслѣдству, или по назначенію, одинаково должно быть отвергнуто, ибо замѣщеніе по наслѣдству противорѣчитъ демократическому принципу, по которому человѣкъ одѣивается лишь по своимъ личнымъ заслугамъ, а замѣщеніе по назначенію свыше могло бы дать просторъ произволу и разнымъ соображеніямъ, идущимъ во вредъ общественному благу. Поэтому долженъ быть примененъ конкурсъ, въ связи съ выборнымъ началомъ.

Такъ какъ всѣ будутъ равны, и одно и то же общее образованіе будетъ дано всѣмъ дѣтямъ, которые лишь впоследствии, соотвѣтственно способностямъ, будутъ специализироваться въ той или другой технической области, такъ что подборъ будетъ совершаться вполнѣ мирно, то останется только выбирать начальниковъ и надсмотрщиковъ, согласно правиламъ, практикуемымъ въ республиканскихъ странахъ. Къ тому же выборныхъ всегда можно будетъ лишить ихъ званія, въ случаѣ неудовлетворительнаго исполненія ими своихъ обязанностей.

Должность, которая не наслѣдственна, не можетъ быть и пожизненной.

По общему правилу, члены коммуны будутъ получать одинаковое вознагражденіе. Нужно замѣтить, что на самомъ дѣлѣ формула, даваемая на этотъ счетъ Пеккеромъ, не всегда отличается такой опредѣленностью, и что въ разныхъ мѣстахъ она изложена различно. Тѣмъ не менѣе, повсюду Пеккеръ выказывалъ явное предпочтеніе равенству въ вознагражденіи; повсюду

онъ разбивалъ формулу сея-симонистовъ и особенно формулу чистаго коммунизма, предполагающую, что человекъ, въ качествѣ существа совершеннаго, можетъ безгранично расширять свои потребности. Онъ возстаетъ противъ подобнаго пониманія вещей, которое привело бы къ тому, что король или другой, стоящій во главѣ правленія, получали бы непомерно высокое вознагражденіе, въ то время какъ плата чистильщику отхожихъ мѣстъ была бы понижена до крайнихъ предѣловъ. Гораздо легче найти людей, согласныхъ быть королями, чѣмъ людей, желающихъ заняться очисткою отхожихъ мѣстъ. Могутъ замѣтить, что есть всегда интересъ оказывать преимущество таланту, гевію. На это можно отвѣтить, что они въ достаточной степени будутъ вознаграждены выпадающимъ на ихъ долю всеобщимъ уваженіемъ, благодарностью, славой. Къ тому же, слишкомъ упускаютъ изъ виду, что всякое различіе въ получаемомъ вознагражденіи допускаетъ сначала моральное неравенство, а потомъ предварительный вычетъ въ пользу одного на счетъ другого: «давать кому либо за его трудъ и его таланты, значить заставлять кого нибудь другого не получать за свой трудъ, значить заставлять этого послѣдняго работать въ пользу перваго».

Какъ и его предшественники, Пеккеръ удѣляетъ часть общественныхъ доходовъ на содержаніе стариковъ. Требуя, слѣдовательно, чтобы каждый получалъ продуктъ своего труда, онъ ограничивается выставленіемъ общаго принципа—а на практикѣ онъ, по необходимости, отъ него уклоняется. Этимъ въ значительной степени нарушается принципъ равенства вознагражденія; но, съ другой стороны, какъ сохранить его во всей его цѣлости?

Мы теперь знаемъ первое различіе между коллективизмомъ и коммунизмомъ: способъ вознагражденія тамъ и тутъ построенъ не на однихъ и тѣхъ же началахъ. Но вотъ и другое различіе: коммунисты не допускаютъ никакой частной собственности; коллективисты же признаютъ, что каждый по своей волѣ можетъ пользоваться назначеннымъ ему продуктомъ, при томъ, однако, условіи, чтобы не превращать его ни въ орудіе производства, ни въ товаръ для обмѣна. Всѣ работянки имѣютъ право сохранять свои сбереженія, либо затѣмъ, чтобы имѣть возможность прожить нѣкоторое время не работая, либо затѣмъ, чтобы передать ихъ, кому угодно. Такимъ образомъ, право наследства, въ ограниченной, специальной формѣ допускается.

Таковъ, въ общемъ, экономическій порядокъ, каковымъ онъ представляется въ построеніяхъ Пеккера.

Освобожденный отъ вліянія нѣкоторыхъ паразитныхъ элементовъ и метафизическихъ осложнений, режимъ этотъ изображенъ въ ясной, систематической формѣ. Но чтобы вполне оцѣнить его, необходимо обратить особое вниманіе на нѣкоторыя предвидѣнія будущаго, которыя разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ и въ «*Traité des améliorations matérielles*» и въ «*Manuel d'économie sociale*».

Авторъ полагаетъ, что возрожденіе міра при помощи коллективизма, послужитъ толчкомъ къ необычному развитію производительной энергіи.

Такъ какъ всю свою систему онъ строить на анализѣ научнаго прогресса, на критикѣ результатовъ машиннаго производства въ государствѣ, раздробленномъ на части, то, естественно, онъ не можетъ удержаться отъ того, чтобы не показать, каковы будутъ результаты примѣненія новыхъ открытій, новыхъ способовъ производства, въ обществѣ, организованномъ на совершенно иныхъ началахъ.

Усовершенствованныя пути сообщенія, большая утилизація пара, которые въ настоящее время лишь обостряютъ общественный недугъ, послужатъ только тому, чтобы удесятерить человѣческую энергію и обезпечить для общей пользы сочетаніе и объединеніе рынковъ. вмѣсто того, чтобы разными искусственными приемами удерживать исключительно за собой національный рынокъ, вмѣсто того, чтобы увеличивать число производствъ и насаждать новыя культуры, даже тамъ, гдѣ условія почвы и климата имъ менѣе всего благоприятствуютъ, государства распредѣлять между собою работу такимъ образомъ, что каждый народъ будетъ посвящать себя производствамъ, для которыхъ онъ болѣе всего приспособленъ, благодаря своимъ особымъ естественнымъ преимуществамъ.

Населенныя территоріи мало-по-малу обратятся въ одну обширную федерацію, которая откажется навсегда вести войны и выработаетъ для большаго удобства въ сношеніяхъ одинъ общій языкъ. Человѣчество займетъ мѣсто «отечества». Замѣчательно не то, что эти идеи встрѣчаются у Пеккера, но то, что онѣ выведены съ такой логичностью и, главное, выражены въ такой ясной и смѣлой формѣ. Авторъ «*Traité des améliorations*» изслѣдовалъ почти все поле предвидѣній социализма: отъ коллективистической организаціи отдѣльной націи, онъ, въ силу самой логики своихъ разсужденій, переходитъ къ построенію другаго, объединеннаго міра, гдѣ всякіе внутренніе барьеры уничтожены. Безъ сомнѣнія, идея сліянія различныхъ коммулъ еще не развита здѣсь такъ полно, какъ это было сдѣлано впоследствии, но уже самое появленіе подобной мысли совершенно достаточно для характеристики столь заслуживающаго вниманія произведенія одного изъ слишкомъ забытыхъ мыслителей поколѣнія 1840-хъ годовъ.

Кабэ.

I.

Если заняться разборкомъ однихъ только предложеній и социальныхъ построеній, формулированныхъ во второй половинѣ Іюльской монархіи, придется зачислить Кабэ въ ряды крайняго авангарда. Онъ не довольствуется однимъ лишь ограниченіемъ права на наслѣдство, онъ не ограничивается

однимъ лишь провозглашеніемъ права на трудъ или защитой кооперативныхъ организацій, субсидируемыхъ государствомъ и постоянно расширяющихъ свои размѣры. Онъ становится энергичнѣйшимъ приверженцемъ коммунизма.

Нужно замѣтить, что рѣшительные коммунисты встрѣчались довольно рѣдко въ исторіи социалистической мысли. Многихъ публицистовъ останавливали послѣдвіе выводы коммунизма, какъ полное уничтоженіе богатства и частной собственности, и распределеніе продуктовъ соразмѣрно потребностямъ каждаго. Въ большей степени, нежели коллективисты или же чистые государственники, вродѣ Видаля или Луи-Блана, послѣдователи Бабефа навлекали на себя насмѣшки однихъ и яростную критику другихъ. Государственникъ свою вѣрой въ государство, которое, по необходимости, въ теченіе извѣстнаго времени будетъ представлять собой типъ современнаго государства съ его орудіями принужденія и конституціоннымъ аппаратомъ, болѣе или менѣе приспособленнымъ къ жизни, не внушаетъ такого абсолютнаго и непреодолимаго страха всѣмъ представителямъ либеральной и правовѣрной экономіи. Въ государственникѣ они видятъ своего противника, но никакъ не своего врага, противъ котораго всѣ средства допустимы—отъ возмутительнаго насилія, до самаго вопіющаго злоупотребленія правомъ. Коллективизмъ, передающій къ руки общества господство надъ вещами, замѣнъ современнаго господства надъ людьми, предлагаетъ самъ программу переходнаго характера; онъ не уничтожаетъ ни права завѣщанія, ни права наслѣдованія. У него имѣется, хотя, правда, не очень прочная, но все же кое-какая связь съ современной организаціей; вотъ почему, какъ бы онъ ни былъ склоненъ перейти къ режиму коллективизма, все же коллективистъ никогда не будетъ внушать защитникамъ современнаго строя такого отвращенія, какое въ нихъ вызываетъ коммунизмъ.

Коммунизмъ—это отвратительное существо по самой природѣ своей, это—дикарь, который угрожаетъ мирному спокойствію городовъ, прочности семейнаго союза и женской добродѣтели,—современный вавдалъ или гуннъ, который стремится пробить брешь въ современномъ обществѣ, дабы, проникнувъ въ нѣдра его, посѣять въ немъ терроръ и убійство.

Таковы были воззрѣнія крестьянъ 1848 года, которымъ комитеты роялистовъ, бонапартистовъ и клерикаловъ старались привить ненависть къ социализму; таковы понятія, которыя еще и теперь распространяются нашими профессорами-юристами, согласно программамъ, рекомендующимъ борьбу противъ грознаго натиска пролетаріевъ.

Всѣ согласятся, что для того, чтобы отстаивать основныя положенія коммунизма, ссылаться на него, изучать предполагаемый ходъ его развитія, нужно умѣть отнестись съ нѣкоторой насмѣшкой ко взглядамъ «хорошаго тона» и любить рѣзкую и смѣлую прямогу. И вотъ именно за то, что Кабэ, не останавливаясь ни предъ язвительными насмѣшками, ни предъ местью противниковъ, пошелъ на встрѣчу всему,—онъ заслуживаетъ почетнаго мѣста въ исторіи социалистической литературы.

II.

Онъ заслуживаетъ этого мѣста вдвойнѣ: онъ не ограничился выставленіемъ своихъ идей въ одной только догматической или полежической формѣ, онъ написалъ коммунистическій романъ, который остается однимъ изъ лучшихъ, мы охотно сказали бы: даже лучшимъ изъ всѣхъ, когда либо написанныхъ до сихъ поръ.

Въ наши дни онъ пріобрѣлъ себѣ подражателей въ Англии, Америкѣ и другихъ мѣстахъ, причемъ изданія этихъ подражателей, которыми часто были выдающіеся писатели, распространялись въ огромномъ количествѣ, совершенно не соотвѣтствующемъ численности социалистической арміи. Но никто изъ нихъ не сумѣлъ съ такимъ интересомъ, и особенно съ соблюденіемъ большей точности и строгости, какъ у Кабэ, представить подробности будущей коммунистической жизни.

Нѣкоторые мыслители, хотя и считаютъ себя приверженцами идей, защищаемыхъ въ этихъ книгахъ, относятся критически къ самой формѣ ихъ выраженія.

Можетъ быть, имъ кажется, что доктрина, распространяемая въ нѣсколько игривой формѣ, теряетъ въ своемъ достоинствѣ; можетъ быть, они предполагаютъ, что необходимо всегда писать, обращаясь къ разуму, къ логикѣ и избѣгая элементовъ чувства и воображенія. Но это была бы излишняя суровость, которую никоимъ образомъ нельзя было бы оправдать, если принять во вниманіе подобныя же примѣры въ прошломъ.

Вообще говоря, распространеніе социализма должно идти тѣмъ же путемъ, какъ это было съ распространеніемъ идей политическаго либерализма полтора вѣка тому назадъ, или съ движеніемъ противъ рабства въ еще болѣе близкую намъ эпоху.

Средства, которыми можно пользоваться, чтобы поражать вниманіе людей, внушать имъ извѣстныя понятія, освѣщать передъ ними извѣстное положеніе, вовсе не такъ уже многочисленны. Прямой путь состоитъ въ абстрактномъ изложеніи отрицательныхъ и положительныхъ сторонъ, но наряду съ этимъ можно пользоваться и косвеннымъ путемъ, замѣняя абстракцію, сухую и голую діалектику—вымышленными, обреченными въ плоть и кровь, образами романа или драмы. Никто не станетъ отрицать роли, которую накануне 1789 г. играли рассказы Вольтера или комедіи Бомарше, наряду съ трактатами Монтескье, Руссо и энциклопедистовъ.

Знаменитая книга «Хижина дяди Тома», благодаря крайнему интересу, который она вызывала, необычайно способствовала тому, что движеніе противъ рабства въ Америкѣ еще болѣе окрѣпло и въ концѣ концовъ одержало побѣду. Викторъ Гюго въ своихъ романахъ представилъ гораздо больше аргументовъ противъ смертной казни, чѣмъ это могли сдѣлать самыя логическія, самыя краснорѣчивыя разсужденія.

Почему же социализму не воспользоваться орудіемъ, которое такъ хорошо послужило другимъ освободительнымъ движеніямъ, преслѣдовавшимъ, правда, не столь широкія цѣли, какъ онъ? Онъ не можетъ отказаться отъ услугъ, предлагаемыхъ ему художественной литературой и искусствомъ, ибо поступить иначе значило бы измѣнять своимъ прямымъ обязанностямъ. Его доктрина, сама по себѣ, сведенная къ однимъ экономическимъ и историческимъ положеніямъ, можетъ быть совершенно достаточной для сознательныхъ пролетаріевъ, уже закалившихся въ борьбѣ. Но она можетъ оттолкнуть отъ себя людей менѣе сознательныхъ, предпочитающихъ нѣчто болѣе конкретное и готовыхъ принять предлагаемую имъ пищу только въ томъ случаѣ, если она не покажется имъ слишкомъ неудобоваримой. Кабэ оказалъ коммунизму ту услугу, что предположилъ полное его осуществленіе, показалъ всѣ подробности его примѣненія на дѣлѣ, привелъ въ дѣйствіе всѣ колесики его механизма, вводя всюду въ свое описаніе главнаго героя, который и самъ по себѣ внушаетъ симпатію. Но, чтобы понять его мысль во всей ея полнотѣ, оцѣнить всю возвышенность ея полета, необходимо рядомъ съ его «Икаріей» разобрать его ученые труды болѣе догматическаго характера, какъ, напримѣръ, его произведеніе «Истинное христіанство», появившееся въ 1847 г., годъ спустя послѣ «Икаріи», и въ которомъ еще рѣзче выступаютъ его коммунистическіе выводы.

III.

Въ «икарійскомъ» общественномъ строѣ частная собственность не существуетъ; всѣ граждане пользуются одинаковыми правами; всѣ работаютъ въ одинаковой степени; денежные звачи больше не обращаются; члены администраціи избираются лишь на извѣстное время и вообще считаются смѣняемыми; палата изъ 2000 депутатовъ рѣшаетъ общегосударственные вопросы, но народъ, въ случаѣ надобности, проявляетъ свою волю путемъ законодательной инициативы или референдума.

Икара, столица, представляетъ собою городъ, построенный въ новѣйшемъ стилѣ и способный удовлетворить требованіямъ самого Фурье или Консидерана видомъ своихъ крытыхъ улицъ, пышнымъ расцвѣтомъ искусствъ, коллективными орудіями производства, облегчающими снабженіе жителей провіантомъ, образцовыми домами, широкимъ распространеніемъ знаній какъ научныхъ, такъ спеціальныхъ и чисто-практическихъ. У всѣхъ на лицахъ — выраженіе счастья, на улицахъ полная безопасность, въ отношеніяхъ между жителями сердечное радушіе. Таковы черты, которыя прежде всего поражаютъ вниманіе читателя, возбуждая въ немъ желаніе проникнуть дальше въ самую глубь экономической, политической и социальной организациі республики Кабэ.

Община, которая имѣетъ въ своемъ распоряженіи капиталы, т. е. машины, желѣзныя дороги, сырые матеріалы, все, что требуется для произ-

водства, опредѣляетъ ежегодно количество предметовъ для изготовленія. Въ общины—нѣтъ никакой промышленности, никакой торговли. Разсчитавъ по даннымъ статистики величину спроса на предметы потребления, община назначаетъ отдѣльнымъ гражданамъ или цѣлымъ группамъ ихъ работу, которую они обязаны выполнить, и въ то же время снабжаетъ ихъ инструментами и необходимымъ матеріаломъ. По окончаніи работы товары складываются въ общихъ магазинахъ, куда каждый затѣмъ приходитъ получать свою долю, соразмѣрно своимъ потребностямъ.

Этотъ трудъ не внушаетъ отвращенія, какъ въ капиталистическомъ обществѣ. Напротивъ, благодаря непрерывному росту технического прогресса, замѣняющаго человѣческую работу силой машины, трудъ становится несравненно легче, кромѣ того, онъ приноровленъ къ естественнымъ наклонностямъ и врожденнымъ вкусамъ членовъ общины: каждый имѣетъ право выбирать себѣ профессию; въ случаѣ соперничества между членами, помогающимися одного и того же мѣста въ общинѣ, вопросъ рѣшается посредствомъ конкурса. Но такое соперничество встрѣчается рѣдко—и, къ тому же, оно здѣсь ничѣмъ не объяснимо, такъ какъ нѣтъ болѣе прежнихъ раздѣленій:—почетный трудъ, унижительный трудъ, работа, хорошо оплачиваемая, и работа, дурно оплачиваемая. Съ одной стороны, община не прибѣгаетъ при оцѣнкѣ труда къ пріемамъ капиталиста, по которымъ вознагражденіе выдается пропорціонально сдѣланной работѣ. Съ другой стороны, всякій трудъ одинаково почетенъ, ибо каждый смотритъ на свой трудъ, какъ на служебную обязанность, точно такъ же, какъ каждое служебное лицо считаетъ свою службу за трудъ.

Никто болѣе не служитъ отдѣльнымъ лицамъ или группѣ капиталистовъ, каждый служитъ всему обществу въ цѣломъ, и всякая служба, поэтому, необходимо пользуется уваженіемъ и утрачиваетъ свой унижительный характеръ.

Земледѣліе въ Икарѣ, какъ и въ фаланстерахъ Фурье, играетъ преобладающую роль, и икарійцы надѣлены всѣми свѣдѣніями, касающимися обработки земли.

Религія ничѣмъ не связана съ государствомъ. Къ тому же, она представляетъ собой не что иное, какъ ученіе о братствѣ, облеченное въ форму туманнаго деизма. Самая широкая терпимость соблюдается въ отношеніи всѣхъ метафизическихъ воззрѣній. Общественное мнѣніе строго слѣдитъ за соблюденіемъ вѣрности между супругами, т. е. незаконное сожителство и адюльтеры самымъ строгимъ образомъ осуждаются, такъ что, вопреки клеветническимъ нападкамъ буржуазныхъ писателей, моногамія является здѣсь закономъ въ отношеніяхъ между полами.

Въ національномъ собраніи, являющемся первымъ органомъ власти послѣ народа,—говорятъ мало, такъ какъ болтуны не пользуются уваженіемъ, но зато тамъ больше заботятся объ общемъ благѣ.

Впрочемъ, палата пользуется лишь ограниченными правами: провинціальнымъ собраніямъ и коммунамъ предоставлены очень широкія прерогативы—и та-

кимъ образомъ децентрализація проведена широко. Число газетъ ограничено: ихъ содержаніе все болѣе сводится къ протокольному занесенію событій.

Не забудемъ и театра: подобно масѣ продуктовъ, предназначенныхъ къ потребленію соотвѣтственно потребностямъ каждаго гражданина, и театръ находится всегда въ распоряженіи всѣхъ икарійцевъ, проникающихъ въ него каждый поочередно.

Такова, въ существенныхъ чертахъ, организація коммунистическаго общества.

Остается установить, какимъ образомъ человѣчество перешло къ нему отъ стараго режима, сосредоточеннаго въ немногихъ рукахъ, гдѣ царилъ одинъ лишь безпорядокъ, гдѣ депутаты занимались больше разговорами, чѣмъ дѣломъ, гдѣ въ театры народъ только изрѣдка допускался бесплатно.

Кабэ не уклонился отъ отвѣта. Первоначально частная собственность еще сохранялась, но прогрессивные налоги, все съ большей тяжестью ложившіеся на капиталы и наслѣдства, довольно быстро заключили ихъ въ тѣсныя рамки; установленіе законодательнымъ путемъ заработной платы нанесло новый ударъ капитализму.

Сотни милліоновъ, составленныхъ изъ фискальныхъ налоговъ или сокращенныхъ военныхъ бюджетовъ, предоставили возможность надѣлять всѣхъ работой, обезпечить жилища бѣднякамъ, дать всѣмъ образованіе.

Это, какъ можно видѣть, представляетъ собой, приблизительно, программуминимумъ социалдемократіи Стараго и Новаго свѣта, и гипотетически основатели Икаріи выполнили ее болѣе полувѣка тому назадъ.

IV.

Во второй части своего романа Кабэ даетъ оцѣнку работъ наиболѣе знаменитыхъ своихъ предшественниковъ-соціалистовъ. Если, съ одной стороны, онъ превозноситъ Бабэфа—чему не приходится удивляться, такъ какъ онъ воспринялъ почти всѣ принципы «Равныхъ»—то, съ другой стороны, онъ дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по адресу сенъ-симонизма и фурьеризма. Первая система грѣшила въ томъ отношеніи, что все сводила къ религіи и теократіи—обвиненіе, нѣсколько странное со стороны автора «Истиннаго христіанства», который самъ считаетъ нужнымъ сослаться на Откровеніе.

Что же касается фаланстера, то онъ не сумѣлъ уничтожить неравенство состояній, и слѣдовательно, данное имъ рѣшеніе—неполно.

Третья часть «Икаріи» посвящена изложенію доктрины, которую, впрочемъ, встрѣчаешь потомъ снова въ «Истинномъ христіанствѣ». Критика промышленнаго міра менѣе сильна и менѣе подробна у Кабэ, чѣмъ у Консидерана и Пеккера. Онъ, правда, указываетъ на то, что частная собственность, денежное обращеніе, анархія производства—главные источники нашихъ несчастій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забываетъ указать на антагонизмъ, возникшій между современнымъ обществомъ и тѣмъ, которое создано было христіанствомъ.

И онъ стремится возстановить прежнее равновѣсіе, прежній строй первобытной христіанской семьи путемъ примѣненія тѣхъ новыхъ средствъ, которыми располагаетъ современное челоѣчество.

Иисусъ въ его глазахъ является революціонеромъ, который стремится ниспровергнуть общепринятія идеи и государства и создать социальную демократію, въ которой бы царили общность благъ и равенство вознагражденія. Коммуна являлась бы тогда не чѣмъ инымъ, какъ практическимъ осуществленіемъ апостольскаго ученія. Она принимаетъ за образецъ Бога, то есть само совершенство, и, по его примѣру, устанавливаетъ совершенную социальную организацію.

Она олицетворяетъ въ себѣ всемогущество на землѣ, ибо все въ себѣ соединяетъ и къ силѣ челоѣка прибавляетъ безконечное могущество промышленности и машинъ. Она сохраняетъ личность во всей ея полнотѣ и обеспечиваетъ достоинство, порядокъ, гармонію и миръ, другими словами, она ведетъ къ тѣмъ самымъ конечнымъ цѣлямъ, которыя преслѣдовалъ Христосъ. Какъ и онъ, она стремится къ освобожденію слабой половины челоѣческаго рода; совершенно неосновательнымъ является обвиненіе ея въ томъ, что она стремится къ общности женъ: «ни одинъ изъ тѣхъ, кто бросаетъ въ насъ этой клеветой, не отстаиваетъ брака и семьи въ такой степени, какъ мы».

И тутъ Кабэ обращается съ призывомъ ко всѣмъ, кто признаетъ въ Иисусѣ Христѣ воплощеніе мудрости, ко всѣмъ, кто видитъ въ немъ челоѣка, ко всѣмъ, кто смотритъ на него, какъ на Бога: всѣ должны соединиться и общими усиліями содѣйствовать торжеству коммунизма.

Такимъ образомъ, деизмъ, представляющій характерную черту всего поколѣнія 1848 года, неспособность обосновать социальное переустройство ходомъ органическаго развитія промышленной жизни, прорываются и у наиболѣе передоваго изъ публицистовъ Іюльской монархіи и кладутъ на него печать своей эпохи. Нигдѣ въ своихъ произведеніяхъ Кабэ не задавался цѣлью показать, что концентрація капитала можетъ до извѣстной степени автоматически повести къ другому способу распредѣленія; исходя изъ однихъ лишь простыхъ требованій морали и справедливости, онъ дошелъ до системы, которую современные коммунисты хотя и находятъ далеко не соответствующей ихъ собственнымъ воззрѣніямъ, но которая, тѣмъ не менѣе, вполне соответствуетъ вульгарному традиціонному коммунизму.

Кабэ вполне опредѣленно примыкаетъ ко всей школѣ іюльскаго періода по своей вѣрѣ въ доброгу челоѣчества и въ великодушіе богачей и сильныхъ міра сего. Идея глубокаго антагонизма классовъ нисколько не отразилась въ его умѣ, и онъ поэтому не признаетъ за народомъ никакого права на возмущеніе. Не съ помощью силы, а путемъ убѣжденія и пропаганды идей о братствѣ, будетъ достигнуто полное уничтоженіе социального неравенства. Если для обновленія социального организма недостаточно будетъ десяти лѣтъ, можно будетъ потратить на это тридцать, пятьдесятъ, сто лѣтъ, ибо

лучше продолжительный переходъ къ будущему строю, нежели внезапное нарушение общественнаго мира.

Неудачныя революціи, — а ихъ очень много въ исторіи народовъ, — ведутъ только къ большому порабощенію тѣхъ, кто ихъ напрасно затѣвалъ. И народъ злоупотреблялъ бы своею властью, если бы онъ въ своихъ интересахъ прибѣгалъ бы къ насилію, ибо въ результатѣ насилія всегда является тираннія; а угнетеніе богачей заслуживаетъ не большей похвалы, чѣмъ угнетеніе бѣдняковъ.

Извѣстна знаменитая фраза, которой кончается первая часть «Икаріи»: «если бы я держалъ революцію въ своей рукѣ, я оставилъ бы ее закрытой, даже если бы мнѣ пришлось умереть въ ссылкѣ». Это нѣчто совершенно противоположное бланкистской теоріи, о которой мы будемъ говорить ниже; невольно удивляешься, когда подумаешь, что эта фраза была написана въ промежуткѣ между двумя революціями — июльской и февральской — и почти на другой день послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ возстаній. Но та же самая фраза могла бы вылиться и изъ-подъ пера Консидерона или Видаля, Пеккера или Леру. Мыслители, которые своими произведеніями подготовили великое пролетарское возмущеніе 1848 года, никогда не предвидѣли всего обаянія своего ученія, всей силы того броженія, которое оно вызвало въ рабочемъ классѣ. Но развѣ Монтескье, Вольтеръ и даже Руссо отличались большей проницательностью, и развѣ они предвидѣли событія 1792 и 1793 годовъ?

Прудонъ.

I.

Прудонъ въ своихъ практическихъ выводахъ не примкнулъ ни къ коммунизму, ни къ коллективизму, и однако никто не рѣшился бы написать исторію социализма во Франціи, не удѣливъ извѣстнаго вниманія Прудону, въ соотвѣтствіи съ той крупной ролью, которую онъ сыгралъ. Онъ неоднократно провозглашалъ себя социалистомъ, несмотря на то, что, по своимъ положительнымъ взглядамъ, нисколько не заслуживалъ этого названія. Что дѣйствительно достойно удивленія, это критическая сторона его ученія, несравненно болѣе разработанная, чѣмъ что-либо другое; это — анализъ общественныхъ золь, освѣщеніе самой сущности тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ нѣкоторыхъ нашихъ современныхъ теорій.

Если вникнуть глубже въ крайне многочисленныя произведенія Прудона, среди которыхъ нѣтъ ни одного, лишеннаго интереса, то можно убѣдиться, что еще раньше великой работы, исполненной Марксомъ, онъ сумѣлъ объединить въ одномъ могучемъ синтезѣ всѣ разрушительныя тенденціи капита-

листическаго строя. Борьба классовъ, предугаданная Бабефомъ, замаскированная Фурье и Сень-Симономъ, Консидераномъ и Луи-Бланомъ, Пеккеромъ и Кабэ, выдвигается имъ въ качествѣ господствующаго явленія исторической эволюціи. Онъ рѣшительно отвергаетъ объединеніе классовъ, на каждомъ шагу восхваляемое его предшественниками и другими мыслителями 1840-хъ годовъ. Исходя изъ непримиримаго антагонизма интересовъ буржуазіи и пролетаріата, отвергая совѣстную инициативу, исходящую одновременно изъ верховъ и низовъ общества, онъ провозгласилъ безусловную необходимость революціи, хотя и не выяснилъ условій ея осуществленія. Въ области другихъ вопросовъ онъ до основанія разрушилъ установившіяся возрѣнія на собственность, провозгласилъ право работника на полный продуктъ своего труда, формулировалъ желѣзный законъ заработной платы, ясно представилъ образованіе капитала изъ прибавочной стоимости. Можно ли не поражаться сходству этихъ выводовъ съ выводами «Коммунистическаго Манифеста», появившагося въ тотъ самый моментъ, когда авторъ «*Mémoires sur la Propriété*» былъ только на пути къ полному расцвѣту своего творчества? Можно ли не предать забвенію, хотя бы изъ уваженія къ столькимъ услугамъ, оказаннымъ дѣлу пролетаріата и социалистической мысли, тѣ ругательства, которыми Прудонъ осыпалъ социалистовъ, тѣ аргументы, которыми, противъ своей воли, онъ снабжалъ ихъ противниковъ, тѣ превозносимыя имъ мѣропріятія, которыя повели бы къ еще большему упроченію существующаго строя?

Помимо своей способности къ разрушительной критикѣ, великій публицистъ не менѣе поражаетъ своимъ талантомъ въ діалектикѣ. Конечно, по нѣкоторымъ причинамъ есть основаніе упрекнуть его въ излишней привязанности къ абстрактнымъ разсужденіямъ, въ крайнемъ увлеченіи пустыми и двусмысленными формулами и въ погонѣ за софизмами, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не преклониться передъ богатствомъ его доводовъ и ихъ логической силой, тѣмъ болѣе, что эти черты характеризуютъ съ начала до конца всё его произведенія. И въ то время, какъ столь многіе, едва достигнувъ полной зрѣлости таланта, перестаютъ, по обыкновенію, быть самими собой и неспособны дать болѣе того, что уже дали, Прудонъ неустанно шелъ впередъ, и его лучшее произведеніе—«*La capacité des classes ouvrières*», которое само по себѣ могло бы увѣковѣчить его имя, появилось въ 1864 году, незадолго до его смерти.

Многіе обвиняли Прудона въ противорѣчивости его утвержденій, жаловались на то, что онъ, по образцу древнихъ греческихъ риторовъ, какъ бы находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы высказывать и защищать самые противорѣчивыя положенія, какъ бы играя діалектикой. Безспорно, у него на каждомъ шагу встрѣчаются противоположныя тезисы, часто исключаютіе другъ друга. Тѣмъ, которые его мало читали, и при томъ плохо читали, часто удавалось открывать въ его произведеніяхъ одну только сторону его доктрины или, точнѣе, умозрѣнія; другая сторона ускользала отъ нихъ, и они, вполне естественно, не могли имѣть о ней представленіе. Понятно, почему только одна эта сто-

рона служила имъ арсеналомъ для цитатъ, которыя они выуживали въ произведеніяхъ извѣстнаго философа. Парламентскія дискуссіи во Франціи и въ другихъ странахъ давали не разъ любопытные и не лишеныя пикантности примѣры этой неспособности пониманія у нѣкоторыхъ, слишкомъ порывистыхъ натуръ. Достаточно указать на дебаты по вопросу о подоходномъ налогѣ въ Бурбонскомъ дворцѣ и другихъ парламентахъ, гдѣ въ одно и то же время ссылались на Прудона, какъ въ защиту, такъ и въ опроверженіе такого способа обложенія. Въ дѣйствительности, тѣ, которые ссылались на авторитетъ великаго публициста для защиты прогрессивнаго налога, были правы; правы были и тѣ, которые, пользуясь тѣмъ же авторитетомъ, выступали противъ принципа прогрессивности.

Но какъ тѣ, такъ и другіе, виновны въ недостаточной полнотѣ своего знакомства съ авторомъ; они набрасывались на первую желательную имъ фразу, игнорируя всю остальную часть текста, и вслѣдствіе этого оставляли безъ вниманія дѣйствительныя, содержащіяся въ немъ тенденціи и заключенія. А между тѣмъ, діалектической методъ Прудона не заслуживаетъ ни малѣйшаго упрека. Прудонъ не изъ тѣхъ, которые бросаютъ свои идеи непродуманно, въ грубой формѣ, безъ предварительной ихъ обработки. Каждая теорія или часть теоріи являются у него слѣдствіемъ цѣлаго ряда разсужденій, за которыми необходимо слѣдить очень тщательно. Его мысль цѣлва, едина и логически выражена,—достаточно взять любой томъ его произведеній, чтобы убѣдиться въ этомъ. И между тѣмъ, никогда, можетъ быть, никакой другой писатель не боролся такъ, какъ онъ, противъ самого же себя. Въ его произведеніяхъ—*Les Mémoires sur la Propriété* (1840), *Les Contradictions économiques* (1846), *L'idée générale de la Révolution* (1851), *La Révolution sociale* (1852), *La Justice dans la Révolution et dans l'Eglise* (1858) и *La Capacité des Classes ouvrières* (мы намѣренно отмѣтили книги, выходящія черезъ нѣсколько лѣтъ одна за другой и считающіяся наиболѣе существенными)—во всѣхъ этихъ книгахъ Прудонъ исходитъ изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, приходитъ къ одной и той же разрушительной критикѣ, къ однимъ и тѣмъ же положительнымъ выводамъ. Чрезвычайно любопытно отмѣтить фактъ, что порицатели Прудона никогда не пытались доказать, съ цитатами въ рукахъ, его, якобы, недостаточную способность къ діалектикѣ.

Методъ Прудона заключается въ развитіи трехъ положеній: тезы, анти-тезы и синтеза. Его примѣненіе проведено съ особенной строгостью въ «*Contradictions économiques*» и «*Traité de la Propriété*», что и будетъ нами доказано впоследствии соответствующими иллюстраціями. Мы нашли полезнымъ съ самаго же начала напомнить въ двухъ словахъ о методѣ, чтобы облегчить повиманіе дальнѣйшаго нашего изложенія. Наиболѣе слабая и неприемлемая часть прудонизма—это система предлагаемыхъ имъ мѣръ, которая представляетъ собою нѣчто, совершенно противоположное социализму. Во многихъ отношеніяхъ, въ области практической, авторъ знаменитаго афоризма:

«*собственность—это кража*» остается значительно позади Луи-Блана и Консидерана, Пеккера и Кабэ. После того, как он надѣлилъ было пролетаріатъ всеми орудіями для побѣдоносной борьбы съ капитализмомъ и индивидуализмомъ, онъ сталъ отвлекать его въ сторону, на окольные пути, на которыхъ онъ растратилъ бы всю свою энергію: начавъ съ провозглашенія принципа борьбы классовъ и отрицанія права на личную собственность, онъ въ конечномъ выводѣ пришелъ къ коопераціи и взаимопомощи. Это было равносильно тому, чтобы сказать: «отнынѣ я хочу основать на непоколебимой скалѣ политическое и экономическое господство буржуазіи». И еще вопросъ: допускалъ ли Прудонъ возможность полного расцвѣта своего общества, построеннаго на взаимопомощи, на другой день послѣ революціи, т. е., когда народъ захватилъ бы власть въ свои руки и сталъ бы во главѣ государства, чтобы покончить навсегда со старымъ режимомъ? Подобное пониманіе вещей нисколько не соответствуетъ духу Прудона, ибо онъ относится съ отвращеніемъ къ такой формѣ проявленія коллективной воли.

Итакъ, теперь понятно, что въ пылу повседневной борьбы противники Прудона обращали вниманіе лишь на его ругательства и слабыя мѣста его построеній, совершенно игнорируя всю глубину и мѣткость его критики. У него не было болѣе яраго врага, чѣмъ Марксъ, ибо Марксъ тотчасъ обнаруживалъ все гибельное и деморализующее вліяніе, которое ученіе Прудона должно было оказать на пролетаріатъ. Отсюда эти полные ядовитости упреки: «Натура Прудона, писалъ нѣмецкій мыслитель, толкала его къ діалектикѣ, но, не сумѣвши никогда подняться до пониманія научной діалектики, онъ не пошелъ дальше софизмовъ. И понятно: все это вытекало изъ его мелкобуржуазной точки зрѣнія. Мелкій буржуа говоритъ всегда: съ одной стороны и съ другой стороны. Онъ представляетъ собою ходячее противорѣчіе». Въ другомъ мѣстѣ Марксъ писалъ по поводу «*Mémoires sur la Propriété*»: «Въ научной исторіи политической экономіи имя Прудона почти не заслуживаетъ быть упомянутымъ; но сенсационный характеръ поодобныхъ писаній играетъ извѣстную роль въ наукахъ, какъ и въ романахъ». «Манифестъ коммунистической партіи» отличался не меньшей страстностью, когда обвинялъ Прудона въ томъ, что тотъ призываетъ рабочихъ свернуть съ пути революціи и политики. Наконецъ, всемъ извѣстно, какую борьбу велъ Бланки противъ своего современника, на котораго онъ главнымъ образомъ нападалъ за его тяготѣніе къ кооперативизму. «Онъ является социалистомъ, сказалъ онъ о Прудонѣ, лишь постольку, поскольку онъ признаетъ незаконность ростовщичества». И по настоящее время не прекратились еще нападки на прудонизмъ. Въ извѣстной полемикѣ между Бернштейномъ и Каутскимъ не разъ вызывалась изъ гроба тѣнь Прудона. Каутскій упрекалъ Бернштейна въ томъ, что тотъ старается воскресить Прудона, а Бернштейнъ, возражая Каутскому, говорилъ, что самый ходъ событій заставляетъ возродить прудоновскіе тезисы. Каково бы, однако, ни было мнѣніе объ авторѣ «Противорѣчій», трудно не признать той роли, которую онъ сыгралъ въ

эволюціи пролетарской мысли во Франціи и вѣсь ся, такъ какъ первыя прокламаціи Интернаціонала, первыя совѣщанія конгрессовъ этой великой ассоціаціи, несутъ на себѣ явный отпечатокъ его вліянія. Эта роль была гибельна. Послѣдователи Прудона проводили въ жизнь не его критику разрушенія, которая была и остается непоколебимой, а положительную сторону его системы, которую можно считать либо непрактичной, либо дѣтски-наивной, а то и прямо ретроградной. Выводы Прудона уничтожали всякіе слѣды тѣхъ соображеній, которыя легли въ ихъ основу. Противники социализма ухватились за принципъ взаимопомощи, чтобы тѣмъ легче замаскировать борьбу классовъ и все зло, проистекающее изъ частной собственности. Часть рабочаго класса, которая въ повседневной борьбѣ находила не мало аргументовъ противъ политической дѣятельности, дала себя вовлечь на совершенно безцѣльный путь чистаго синдикализма. Прудонъ, поддерживаемый значительной частью пролетаріата, возбуждаемый буржуазіей, которая нѣкогда клеймила его презрѣніемъ и клеветой, былъ обращенъ въ орудіе противъ социализма, которому онъ самъ помогъ выковать оружіе. Быть можетъ, Марксъ былъ правъ, когда обратилъ главнымъ образомъ вниманіе на практическую сторону великой задачи, которая непосредственно вытекала изъ всей прудоновской концепціи. Но когда рѣчь идетъ объ исторіи идейнаго движенія, необходимо разобрать всю систему въ ея цѣломъ и отдѣлить тѣ ея элементы, которые ею внесены въ сокровищницу современной социалистической доктрины, отъ тѣхъ, которые должны быть отвергнуты.

II.

Прежде всего необходимо остановиться на его книгѣ «Contradictions économiques», такъ какъ именно въ этой книгѣ Прудонъ перечислилъ всѣ недостатки существующаго строя и вскрылъ тѣ противорѣчія, которыя ведутъ къ его разрушенію. Съ самаго же начала онъ въ слѣдующихъ словахъ резюмировалъ преслѣдуемую имъ программу: «Если я докажу, что современная политическая организація со всѣми своими противорѣчивыми гипотезами и двусмысленными комбинаціями есть не что иное, какъ организація, основанная на привилегіяхъ и нищетѣ, я этимъ самымъ докажу, что она косвеннымъ образомъ содержитъ въ себѣ зародышъ другой организаціи, основанной на трудѣ и равенствѣ. Слѣдовательно, выставить систему «Экономическихъ противорѣчій»—все равно, что положить начало всемірной ассоціаціи».

Мы оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ о восхваляемомъ имъ строѣ будущаго и обратимъ все свое вниманіе на картину современнаго общества и на противорѣчія, которыя въ немъ скрыты на каждомъ шагѣ. Промышленность, характерное явленіе нашей эпохи, основана на принципѣ раздѣленія труда; безъ него нѣтъ богатства, нѣтъ прогресса. Но это же самое раздѣленіе труда приводитъ къ полному подчиненію рабочаго, дѣлаетъ разумъ человѣка бесполезнымъ, богатство—вреднымъ, равенство—недостижимымъ. Что, послѣ труда,

является главной причиной возрастания богатства и развития ловкости работника?—Раздѣленіе труда. Что является главной причиной умственного вырожденія и современной нищеты?—Раздѣленіе труда. Вотъ гдѣ первое противорѣчіе. Но вслѣдъ за нимъ идетъ и второе, создаваемое машиной.

«Въ обществѣ непрерывное появленіе машинъ является антитезой, формулой, идущей въ разрѣзъ съ принципомъ раздѣленія труда: это геній индустріи возстаетъ противъ убійственной формы раздробленнаго труда».

«Благодаря машинѣ, окажется возможнымъ возродить частичнаго работника, уменьшить страданія рабочаго, повизить цѣну продуктовъ, расширить поле прогресса въ области новыхъ открытій, достигнуть общаго благополучія... Машина—это символъ человѣческой свободы, эмблема нашей власти надъ природой, необходимый атрибутъ нашего могущества».

Если остановиться на этомъ, можно было бы предположить, что широкое распространеніе машиннаго производства поведетъ къ однимъ только благодареніямъ. Но, наряду съ приведенными преимуществами, имѣются и многіе недостатки. Почему, въ самомъ дѣлѣ, цѣлыя массы рабочихъ увичтожали новыя, болѣе усовершенствованныя орудія, которыми ихъ снабжали изобрѣтатели?

«Тѣмъ самымъ, что машины уменьшаютъ страданія работника, онѣ сокращаютъ, уменьшаютъ его трудъ, предложеніе котораго, въ силу этого, съ каждымъ днемъ все увеличивается, въ то время какъ спросъ на него уменьшается. Гибельное вліяніе машинъ на экономію общественнаго хозяйства и на условія труда проявляется въ разнообразнѣйшихъ формахъ: прекращеніе работы, сокращеніе заработной платы, перепроизводство, нагроможденіе товаровъ, порча и фальсификація продуктовъ, смѣшеніе воедино рабочихъ разныхъ категорій и, въ конечномъ итогѣ, вырожденіе, болѣзни и смерть».

Съ такой же двоякой точки зрѣнія, съ какой мы разсмотрѣли раздѣленіе труда и введеніе машинъ, необходимо разсмотрѣть и конкуренцію. Конкуренція необходима, но вмѣстѣ съ тѣмъ она—врагъ свободы. «Конкуренція является результатомъ введенія машинъ, организаціи мастерскихъ, стремленія къ сокращенію общихъ расходовъ. Конкуренція—это выраженіе самопроизвольнаго общественнаго процесса, эмблема демократіи и равенства, самое вѣрное орудіе для установленія цѣнностей, основа ассоціаціи», но вмѣстѣ съ тѣмъ она ведетъ къ монополіи, которая, въ виду злоупотребленій, ставовится явленіемъ антисоціальнымъ. И вотъ такимъ-то образомъ создается и развивается собственность, которая является результатомъ всей совокупности фактовъ и лежитъ въ основѣ всякой организаціи.

III.

Обратимся теперь къ знаменитому сочиненію: «Что такое собственность», которое, отличаясь большой смѣлостью мысли и ясностью формы, сразу обратило на себя вниманіе ученыхъ и любопытство толпы. Никогда еще подоб-

наго рода изслѣдованіе не было сдѣлано такъ открыто. «Собственность—это кража!»

Правда, еще Brissot de Warville въ 18 вѣкѣ высказывалъ нѣчто подобное о собственности, но во всякомъ случаѣ его положеніе не вытекало изъ строго обоснованной системы. «Декларация правъ» смотрѣла на собственность, какъ на естественное право человѣка, но въ этомъ правѣ на практикѣ было отказано большинству людей. Къ тому же, государство, считая въ принципѣ священными свободу, равенство и безопасность гражданъ, никогда не проводило столь же рѣшительно того же взгляда въ отношеніи собственности, которую оно всячески старалось урывать, достигая этого то пропорціональнымъ налогомъ въ пользу бѣдныхъ, то конверсіями, то выкупомъ рентъ. Государство стоитъ во главѣ той части населенія, которая борется съ собственностью. Впрочемъ, еслибы собственность дѣйствительно вытекала изъ естественнаго права человѣка, никто бы такъ много не ломалъ себѣ головы надъ вопросомъ о ея происхожденіи.

Но, можетъ, быть, она является слѣдствіемъ захвата? Если отвѣтить на это въ вопросѣ утвердительно, то попадешь опять въ заколдованный кругъ, ибо приходится неизвѣстно объяснять неизвѣстнымъ. Право на владѣнія, если такое имѣется, должно быть одинаково для всѣхъ, и такъ какъ границы владѣнія опредѣляются не какой либо личной волею, а измѣняющимися условіями мѣста и времени, то, въ сущности, это не могло бы повести къ образованію собственности.

Но, можетъ быть, право собственности можетъ быть основано на трудѣ? Если трудъ дѣйствительно является основой собственности, то почему же работники такъ часто лишены ея? Если бы рабочій всегда находилъ себѣ занятіе, то общество пришло бы къ равномерному распредѣленію собственности, или, другими словами—не было бы никакой собственности.

Она была бы упразднена трудомъ въ томъ смыслѣ, что была бы уравнена для всѣхъ. Къ тому же, если принять эту гипотезу, то законодательство было бы изблечено во лжи, ибо какъ обосновать тогда право наслѣдованія, многочисленныя правила относительно совершеннолѣтія, освобожденія отъ опеки и т. п.?

Необходимо, слѣдовательно, признать, что собственность покоится просто на общественномъ соглашеніи; но это все равно, что ничего не сказать, ибо, если приходится призывать на помощь актъ коллективной воли, необходимо представить и мотивы этой воли, такъ какъ именно эти мотивы прежде всего должны быть объяснены.

Собственность есть фактъ, и только; она есть кража, и даже всемірное соглашеніе не могло бы оправдать ея, ибо человѣкъ такъ же не можетъ отказаться отъ результатовъ своего труда, какъ и отъ права на свободу. «Право на собственность—это первоисточникъ зла на землѣ, первое кольцо той длинной цѣпи бѣдъ и преступленій, которую человѣчество влачить со дня своего рожденія». Это утвержденіе напоминаетъ знаменитую фразу Жанъ-Жака

Руссо: «Я предъявляю искъ на право собственности всему обществу, я полагаю, что тѣ, которые ничѣмъ не владѣютъ, имѣютъ также же право на собственность, какъ и тѣ, кто обладаетъ ею; но вѣсто того, чтобы отсюда придти къ выводу, что собственность должна быть раздѣлена между всѣми, я требую, чтобы въ интересахъ общей безопасности она была уничтожена одинаково для всѣхъ».

Обвинительная рѣчь Прудона направлена не только противъ *личной* собственности; перешагнувъ сразу черезъ границы, опредѣляемыя договорными отношеніями людей, Прудонъ выступаетъ противъ собственности цѣлыхъ народовъ. «Франція, подобно отдѣльному человѣку, владѣетъ территоріей, которую эксплуатируетъ. Есть націи, которыя находятся въ такихъ же отношеніяхъ другъ къ другу, какъ отдѣльные индивиды: онѣ трудятся и имѣютъ право пользованія. И только по привычкѣ злоупотреблять словами, имъ приписываютъ право на территорію».

Собственность есть вещь, недопустимая въ принципѣ, и тѣмъ не менѣе она развивается въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя породили ее: путемъ мошенничества, вымогательства, насилія. Хозяинъ выжимаетъ соки изъ пролетарія, вырываетъ изъ его рукъ продуктъ его труда за ничтожное вознагражденіе и обогащается на его счетъ.

«Подъ видомъ чистаго дохода, тунеядцы, оставляя въ свою пользу часть сдѣланныхъ продуктовъ, отнимаютъ у работника его сбереженія и капиталы, а такъ какъ безъ капитала невозможно работать и производить новыя цѣнности, то очевидно, что производитель является не чѣмъ инымъ, какъ простымъ орудіемъ въ рукахъ капиталиста, который продаетъ трудъ рабочаго до сбыта произведеннаго имъ продукта».

Если работникъ, несмотря на всѣ усилія, не можетъ сдѣлаться капиталистомъ, то исключительно потому, что получаетъ вознагражденіе ровно настолько, чтобы его хватило лишь на предметы потребленія и на воспроизводство. Правда, ему даютъ нѣсколько болѣе того, что безусловно необходимо для удовлетворенія насущныхъ потребностей, и даютъ не изъ чувства гуманности и не изъ личнаго къ нему расположенія, а изъ простаго расчета и въ интересахъ самихъ собственниковъ. «Необходимо, чтобы рабочій находилъ въ условіяхъ производства обезпеченіе своего существованія не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ, ибо ему грозитъ преждевременное истощеніе, поливѣйшая потеря работоспособности».

Здѣсь мы видимъ ту же формулировку «железнаго закона», которая выставлена и Лассалемъ и Марксомъ. Она не нова, ибо была извѣстна еще прежнимъ экономистамъ. Чѣмъ болѣе вычетъ въ свою пользу дѣлаетъ собственникъ съ созданнаго товара, тѣмъ больше онъ обогащается, тѣмъ больше возрастаетъ его капиталъ. И вотъ тутъ-то кроется противорѣчіе между способомъ распредѣленія и самой формой производства. Въ самомъ дѣлѣ, производство имѣетъ коллективный, общественный характеръ. Отдѣльный человѣкъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, былъ бы въ состояніи удо-

влетворить лишь самую ничтожную часть своихъ потребностей. Онъ далеко не все можетъ изготовлять для своихъ нуждъ. Въ современномъ мірѣ отдѣльный человѣкъ—ничто; все могущество находится въ рукахъ общества. Каждый получаетъ предметы потребленія, изготовленные не имъ лично, а всѣми остальными. Короче говоря, производство одного предполагаетъ производство всѣхъ. Земледѣлецъ пользуется телѣгой, одѣваетъ платье, пьетъ вино, загребаешь сѣно въ амбары. Но какъ получилъ бы онъ и эту телѣгу, и вино, и платье, и амбары, безъ сотрудничества цѣлой массы другихъ людей? По всей справедливости, производитель имѣеть право лишь на часть продуктовъ, и въ то же время онъ пользуется ипотечнымъ правомъ на всѣ другіе продукты. Для приѣненія на практикѣ этого вывода, было бы необходимо, чтобы производитель могъ получать плату, соотвѣтственно стоимости произведеннаго продукта. Въ дѣйствительности, ничего подобнаго нѣтъ, ибо собственникъ, стремясь какъ можно больше использовать трудъ пролетарія, возвращаетъ ему только часть законнаго вознагражденія. И въ довершевіе всего, капиталистъ перепродаетъ рабочему его собственный продуктъ за сумму выше той, которую самъ за него уплатилъ раньше рабочему. Въ этомъ весь секретъ капиталистической системы производства. Съ одной стороны, она подавляетъ цѣлые народы, принуждая ихъ къ сокращенію до минимума ихъ средствъ къ существованію; съ другой стороны, заставляя людей, въ силу самихъ условій ихъ существованія, находиться всецѣло во власти собственниковъ, она уничтожаетъ всякую возможность социального равенства.

Мы уже знаемъ основной тезисъ Прудона. Онъ повергъ въ прахъ индивидуалистическую теорію, отъ которой остались однѣ лишь развалины. Прудонъ самъ заявилъ: «Собственность не воскреснетъ болѣе; повсюду, гдѣ будутъ обсуждаться эти рѣчи, будетъ брошено сѣмя ея разложенія». Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: «Если кто когда-либо оказалъ важную услугу коммунизму, то это, безъ сомнѣнія, авторъ книги, появившейся въ 1840 году». И затѣмъ, сдѣлавъ въ нѣсколькихъ словахъ краткую оцѣнку всей общественной работы своего поколѣнія, онъ, не безъ основанія, приходитъ къ заключенію: «Заговоръ противъ собственности—явленіе всемірное, животрепещущее; онъ приводитъ въ волненіе всѣ умы, является вдохновителемъ всѣхъ нашихъ законовъ, лежитъ въ основѣ всѣхъ нашихъ теорій». И, къ тому же, заговоръ, который непремѣнно увѣнчается успѣхомъ: «собственность, на которую со всѣхъ сторонъ сыпались нападки, во имя гуманности, справедливости или требованій социальной экономіи, никогда не могла привести въ свое оправданіе ничего другого, кромѣ словъ: «Я существую... потому что существую...» Казалось бы, въ силу самой логики вещей, Прудонъ долженъ былъ придти къ идеѣ коммунизма. Но онъ пришелъ къ антитезису: онъ съ ужасомъ отбрасываетъ коммунизмъ. Коммуна—это измышленіе, созданное подъ влияніемъ предразсудка о собственности; она стремится стать сразу владычицей надъ всѣми благами, надъ всѣми людьми и ихъ волей; она ведетъ къ такому могуществу общественной власти, которая противна автору «Соціальной

революціи»; она ведетъ къ эксплуатаціи слабаго сильнымъ или, еще лучше, къ равному для всѣхъ рабству. Истина находится между тезой и антитезой, въ синтезѣ, который соединяетъ въ себѣ преимущества обѣихъ концепцій — индивидуалистической и коммунистической. Собственность покоится на принципѣ независимости и пропорциональности; коммуна — на принципахъ равенства и закона. То, чего онѣ хотятъ — прекрасно; но къ чему приводятъ въ дѣйствительности — ужасно, ибо каждое изъ этихъ двухъ началъ представляетъ собою исключительную односторонность. Необходимо сохранить *право владѣнія*, уничтоживъ собственность, иначе говоря, нужно найти формулу, примиряющую обѣ крайности. Съ такой формулой мы познакомимся ниже.

IV.

Обратимся снова къ отношенію Прудона къ социализму и коммунизму. Крайне любопытно прослѣдить за той критикой и тѣми эпиграммами, которыми онъ бросалъ, часто довольно грубой рукой, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ современниковъ, озабоченныхъ, какъ и онъ, вопросами о переустройствѣ общества на лучшихъ началахъ.

Чтобы вполне понять духъ этой желчной критики, вспомнимъ его діалектический методъ: «Всякая истинная идея представляется одновременно въ двухъ положеніяхъ. Каждое изъ этихъ положеній является отрицаніемъ другого, причемъ оба положенія исчезаютъ только подъ вліяніемъ высшей идеи. Отсюда слѣдуетъ, что противорѣчіе есть основной законъ жизни и прогресса». И затѣмъ еще: «Соціальную истину нельзя искать ни въ утопіи, ни въ рутинѣ».

Рутинеры—это ортодоксы; утописты—это социалисты. При этомъ невольно напрашивается сопоставленіе этого мѣста съ неоднократными заявленіями Прудона о своихъ социалистическихъ вѣрованіяхъ. Но его социализмъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которому онъ тутъ же даетъ соотвѣтственную характеристику, и который достоинъ полнаго осужденія, какъ самъ по себѣ, такъ и въ лицѣ его наиболѣе извѣстныхъ представителей. «Социализмъ правъ, когда протестуетъ противъ политической экономіи, называя ее рутинной, которая сама себя не понимаетъ; въ свою очередь, права политическая экономія, когда называетъ социализмъ утопией, лишенной реальности и возможнаго приложенія къ жизни. Но оба они, и социализмъ, отрицающій опытъ всего человѣчества, и политическая экономія, отрицающая разумъ всего человѣчества, не содержатъ въ себѣ условий, необходимыхъ для полнаго торжества истины».

Прудонъ не ограничивается, однако, этими почти, можно сказать, безвредными утвержденіями; онъ сейчасъ же начинаетъ выходить изъ себя, становится гнѣвнымъ, страстнымъ, сокрушающимъ. «Социализмъ—это соединеніе всѣхъ золъ, это—вмѣненіе обществу проступковъ отдѣльныхъ лицъ, отвѣтственность всѣхъ за вину каждаго... Коммунизмъ—это религія нищеты; онъ сокращаетъ размѣры потребленія, слѣдовательно, и производства, а за нимъ—и заработн

платы дѣлой массы работниковъ». Какой неисчерпаемый источникъ для официальныхъ экономистовъ, все назначеніе которыхъ въ томъ и состоитъ, чтобы вносить расколъ въ ученіе социализма!

Но пойдѣмъ дальше, посмотримъ, какая оцѣнка дается отдѣльнымъ сектамъ и личностямъ: «Коммунисты—это устрицы, которыя безъ малѣйшаго проявленія активности, безъ капли чувства, прилѣпились другъ возлѣ друга на скалѣ, называемой братствомъ». Они пропагандируютъ «отращеніе къ труду, къ жизни, гоненіе на мысли, умерщвленіе своего «я», утвержденіе небытія... Какая разумная и прогрессивная философія! Коммунисты! Даже на далекомъ разстояніи несеть воню отъ вашего присутствія! Одинъ вашъ видъ вызываетъ во мнѣ отвращеніе!»

Сень-симонизмъ, какимъ онъ представленъ въ произведеніяхъ самого учителя или какимъ онъ проповѣдуется его вульгарными учениками—и въ томъ и въ другомъ видѣ одинаково кажется невыносимымъ Прудону. Онъ съ презрѣніемъ говоритъ о «сень-симонистскихъ безумствахъ», съ высокоуміемъ относится къ фаланстерамъ, называя ихъ ерундой, несмотря на то, что въкоторыя отдѣльныя предложенія Фурье ему кажутся приемлемыми. Онъ особенно напираетъ на то, что послѣдній отстаиваетъ дифференцированную форму труда, непродолжительнаго и въ то же время безконечно разнообразнаго; онъ говоритъ, что это уничтожило бы у работниковъ ихъ способность къ обобщенію, повело бы къ раздѣленію людей по спеціальностямъ, сократило бы размѣры производства. Онъ ставитъ въ упрекъ создателю фаланстера его непримиримость, его упрямство и его оппозиціонное отношеніе къ демократіи.

Консидеранъ и Пьеръ Леру далеко не пользуются у Прудона такой же, можно сказать, свисходительностью, которая у него можетъ означать выраженіе высокаго уваженія, почти удивленія. Но больше всего достается на долю Луи-Блана. Прудонъ указываетъ на него, какъ на одного изъ виновниковъ событій 1848 года. Его особенно возмущаетъ не столько его пребываніе у власти, его участіе во временномъ правительствѣ, какъ его теза о государственности: «Луи-Бланъ, стоя на границѣ социализма и демагогіи, одной ступенью ниже республики, двумя ступенями ниже М. Varrot, тремя ступенями ниже Тьера, является самъ по себѣ, чтобы онъ тамъ ни говорилъ и ни дѣлалъ, однимъ изъ представителей четвертаго поколѣнія потомковъ Гизо или, попросту, доктринеромъ».

Такъ раздѣлался Прудонъ со всей школой 1840 годовъ, на радость и утѣшеніе всѣмъ социальнымъ консерваторамъ.

V.

Если Прудонъ набросился съ такой злобой на Луи-Блана, то потому, что въ его глазахъ авторъ «Организаціи труда» является прежде всего яркимъ выразителемъ системы вмѣшательства и принципа государственности.

Эти двѣ формулы, почти сливающіяся въ одну, никогда не встрѣчали въ исторіи болѣе яраго противника, чѣмъ былъ Прудонъ.

Если судить по отдѣльнымъ положеніямъ, разсѣяннымъ въ «Противорѣчіяхъ», въ «Революціи», въ «Capacité des Classes» и особенно въ «Confessions d'un révolutionnaire», то оказывается, что все социальное зло происходитъ отъ политической и административной организаціи общества. Государственная власть и человѣческая свобода, по мнѣнію Прудона, совершенно несомѣстимы, а потому обезпеченность свободы требуетъ полного отрицанія государственнаго начала.

Теперь ставеть понятнымъ, почему Прудонъ съ такимъ гнѣвомъ обрушился на коммунистовъ, которые стремились воспользоваться политической формой организаціи для достиженія своихъ преобразованій въ способахъ присвоенія и затѣмъ значительно усилить власть правительства, предоставивъ ему управленіе всей хозяйственной жизнью.

Все содержаніе книги: «Les Confessions» имѣло назначеніемъ разбить въ пухъ и прахъ доктрину, которую поддерживали, какъ въ Исполнительномъ Совѣтѣ, такъ и внѣ его, вожди и теоретики социализма во время февральской революціи.

Якобинцы охотно провозглашаютъ извѣстный афоризмъ: «Соціальная революція—это цѣль, политическая революція—средство». Философія, напротивъ, говоритъ: «политическая революція, т. е. уничтоженіе власти—это цѣль, социальная революція—это средство». Социализмъ сдѣлалъ ошибку, отдавшись всецѣло во власть иллюзіямъ якобинизма. Онъ призываетъ революцію сверху. Но какъ она произойдетъ? Правительство не дѣлаетъ революцій, они не могутъ сами себя уничтожить.

Названіе «*Правительство Труда*», которое дали февральской республикѣ, содержитъ въ себѣ противорѣчіе. Люди, которые принимали участіе въ этомъ режимѣ, ничего не сдѣлали, ибо они были *правителями*.

«Въ дѣлѣ революціи духъ инициативы такъ же противенъ государственному началу, какъ трудъ противоположенъ капиталу. Правительство и трудъ такъ же несомѣстимы, какъ несомѣстимы вѣра и разумъ».

Идя далѣе въ томъ же направленіи, Прудонъ противопоставляетъ социальную конституцію политической. Соціальная конституція характеризуется гармоніей интересовъ, основанной на свободномъ договорѣ и организаціи экономическихъ силъ. Политическая конституція имѣетъ въ своемъ основаніи принципъ власти. Введеніе всеобщаго избирательнаго права должно повести къ уничтоженію правительства и къ коренному перевороту въ области публичнаго права. «Соціальная конституція подчиняетъ себѣ и приводитъ къ отрицанію конституцію политическую». Вслѣдствіе того, что дѣятели 1848 г. не знали этой истины, или оттого, что сознательно пошли противъ нея, имъ пришлось пуститься въ самыя рискованныя предпріятія. Соціалистическія предписанія, которыя они ввели въ статутъ республики, стояли въ непримиримомъ противорѣчій съ атрибутомъ власти. Право на общественное призра-

ніе, право на трудъ, не могли бы существовать, въ силу политической конституціи, безъ того, чтобъ не подрывать ее въ корнѣ, если только она сама не уничтожила ихъ заранѣе.

Если Прудонъ говоритъ всегда въ полежискомъ тояѣ о соціалистическихъ публикаціяхъ своего времени, то лишь потому, что нито изъ нихъ не сумѣлъ проникнуть въ глубокой смыслъ совершавшихся событій; они пытались помѣшать имъ, остановить ихъ теченіе. Одинъ вслѣдъ за другимъ, они осудили себя сами, и Луи-Бланъ, потребовавшій образованія министерства прогресса, и Консидеранъ домогавшійся 4-хъ милліоновъ и куска земли для своей образцовой коммуны, и Пьеръ Леру, пытавшійся воскресить суевѣрія древности.

Когда Прудону предложили въ іюлѣ 1849 года кандидатуру въ законодательное собраніе, этотъ философъ отвѣтилъ: «я не хочу придти на помощь тому, что можетъ лишь продлить дальнѣйшее существованіе партій и власти, я не хочу ни управлять, ни быть управляемымъ.—Долой господство чело-вѣка надъ чело-вѣкомъ посредствомъ капиталистическаго накопленія!».

Исторія Республики 1848 года, какъ она представлена въ книгѣ «Les Confessions», есть не что иное, какъ исторія цѣлаго ряда реакціонныхъ попытокъ разныхъ партій, одна другой ретрограднѣе, и правительственныхъ актовъ, одинъ другого безумнѣе. Примѣръ для иллюстраціи этой мысли былъ подобранъ удивительно удачно. Нужно, однако, замѣтить—и это чрезвычайно важная оговорка,—что соціализмъ не овладѣлъ вполне властью въ февральскіе дни. Самое большее, если признать, что онъ самъ находился въ рукахъ власти.

«Вина, и великая вина, участниковъ временнаго правительства состояла не въ томъ, что они не умѣли создавать, а въ томъ, что они не умѣли разрушать». Марксъ въ своей «Ворьбѣ классовъ» высказалъ мнѣніе, очень близкое къ этому. Для того, чтобы рухнулъ старый политическій и соціаль-ный строй, не было вовсе надобности атаковать его съ помощью тарановъ; достаточно было—просто не поддерживать его болѣе. По несчастью, его укрѣпили еще болѣе—и самой лучшей иллюстраціей этого утвержденія можетъ послужить прокламація о принудительномъ курсѣ, которая спасла отъ гибели французскій банкъ и крупный капитализмъ.

День 17-го марта отмѣченъ началомъ реакціи Луи-Блана. Достигнувъ власти, представитель пролетаріевъ рѣшилъ, что пришелъ моментъ положить конецъ всякаго рода «бреднямъ».

Онъ заговариваетъ съ рабочими на языкѣ, которымъ говорилъ Гизо. Онъ начинаетъ выдавать агитаторовъ, замѣчать въ толпѣ зловѣщія и незнакомыя ему лица. Это все борцы пролетарской арміи, которые теперь внушаютъ ему страхъ своими требованіями справедливости. Имъ удалось дожидаться отъ него лишь перваго сигнала къ репрессіямъ.

Съ 17 марта начинается долгій періодъ реакціи, которая послѣдовательно переходитъ отъ соціализма къ якобинизму, отъ якобинизма къ доктринерству, отъ доктринерства къ іезуитству.

Такъ, уже 16-го апрѣля Ледрю-Роллэнъ ведетъ трубить отбой. Красный призракъ заполняетъ собой весь горизонтъ. Барбесъ и Пьеръ Леру предлагаютъ свои услуги «Исполнительному комитету». Дѣлается еще одинъ шагъ назадъ. 15-е мая знаменуетъ собой еще болѣе рѣшительное отступленіе. На этотъ разъ революція сдалась на капитуляцію. Кавеньяку, несмотря на его драконовскія мѣры, остается лишь констатировать ея гибель.

Она поднялась—прекрасная, пламенная, торжествующая, въ февральскіе дни. Но стоило ей только прикоснуться къ власти, какъ отъ нея сейчасъ же остались однѣ лишь развалины. Она пала подъ тяжестью своихъ собственныхъ иллюзій. Оттого, что она «съ такимъ упрямствомъ добивалась соціальной реформы при помощи реформы политической», она была побѣждена, или, вѣрнѣе, часть ея побѣды была отсрочена, и дѣло пролетаріата и всѣхъ національностей было проиграно въ первой же инстанціи для всей Европы.

VI.

Идея борьбы классовъ защищалась Прудомъ съ энергіей, которая не имѣла себѣ равной. Благодаря выставленной имъ и неоднократно развиваемой имъ формулѣ этого основного положенія, онъ выдѣляется среди другихъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оставляетъ далеко позади себя многихъ французскихъ писателей своего времени.

Все содержаніе его столь обширнаго и интереснаго труда: «*La Parasité des classes ouvrières*» посвящено защитѣ этого положенія. Общество—не только французское общество, ибо всѣ цивилизованныя общества находятся въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ,—распадается на два большіе лагеря: буржуазію—съ одной стороны, пролетаріатъ—съ другой. Первый это—группа управителей, второй же—вся масса управляемыхъ. Эти послѣдніе должны будутъ неизбежно считаться съ задачей соціального переустройства, какъ только всеобщее избирательное право поставитъ ихъ на одинъ уровень съ буржуазіей, и они поймутъ весь контрастъ между ихъ политической силой—съ одной стороны и несовершенствомъ ихъ экономическаго положенія—съ другой.

Начиная съ 1848 года, пролетаріатъ во Франціи и Англии проникается сознаниемъ своихъ силъ и своихъ правъ, и это участіе въ общественной жизни самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса является фактомъ огромной важности, однимъ изъ крупнѣйшихъ событій исторіи. Передъ такимъ внезапнымъ выступленіемъ народа обезумѣвшая буржуазія бросается опротивею во всѣ стороны. Она болѣе не владѣетъ собой, она плыветъ по волѣ вольвъ, отдавшись теченію обстоятельствъ, и, чувствуя близость своего крушенія, думаетъ лишь о томъ, какъ бы удовлетворить свои крайнія вождельнія. Какова бы ни была форма ея политической организаціи—республиканская или монархическая, рѣзко радикальная или умѣренная,—она оцѣниваетъ власть только съ точки зрѣнія выгоды; она держитъ ее въ рукахъ изъ одного лишь страха

передъ неизвѣстностью, — ищетъ въ ней лишь новое поле для эксплуатаціи. Это уже больше не классъ, сильный волей и духомъ, это — ничтожная кучка торгашей. Ея роль сыграна.

Пролетаріатъ народился не со вчерашняго дня, какъ это многимъ могло бы показаться. Онъ проявилъ себя уже во время первой революціи: еще послѣдователи Марата, Геберта, Бабефа, выдвинули ту идею, носительницей которой является пролетаріатъ. Но въ кровавой бойнѣ движеніе было подавлено. Тѣмъ не менѣе, пролетаріатъ не переставалъ расти, становясь все многочисленнѣе, все энергичнѣе, и такимъ образомъ постепенно вытѣсняетъ третье сословіе съ исторической арены.

«Буржуазія, первая добившаяся свободы, должна была въ 1789 году поглотить дворянство и уничтожить его привилегіи». Теперь пришла очередь за пролетаріатомъ. Ему необходимо сьорганизоваться съ тѣмъ, чтобы преобразовать въ своихъ интересахъ весь соціальныи строй. Чась его побѣды близокъ, ибо теперь народъ не представляетъ болѣе безформенную и невѣжественную массу: напротивъ, со всѣхъ сторонъ въ него проникають лучи свѣта, онъ сознаетъ свои права. За исторіей буржуазіи послѣдуетъ исторія пролетаріата — или, другими словами — произойдетъ слияніе воедино всѣхъ слоевъ общества.

Нужно ли отсюда заключить, что Прудонъ, провозгласившій автагонизмъ классовъ, въ данномъ случаѣ высказывается, напротивъ, за ихъ объединеніе, отъ котораго ожидаетъ внезапнаго или постепеннаго измѣненія экономическаго строя? Именно здѣсь-то онъ значительно опережаетъ и Севъ-Симона и Фурье, Луи-Блана и Леру, Кабэ и Пеккера. Онъ считаетъ такое объединеніе гибельнымъ — онъ совсѣмъ отказывается разсматривать его. Пролетаріатъ долженъ собственными руками добиться своего освобожденія. Было бы безуміемъ съ его стороны ожидать помощи отъ своихъ естественныхъ противниковъ, даже если бы въ порывѣ великодушія и энтузіазма они предложили ему свое содѣйствіе. Пролетаріату не слѣдуетъ даже участвовать въ парламентѣ, гдѣ они за сѣдають.

Никогда ни одинъ соціалистъ не доводилъ до такого крайняго вывода теоріи борьбы классовъ. Формулированная въ первый разъ во Франціи, она сразу же получаетъ тамъ самое крайнее развитіе. Она яркимъ свѣтомъ освѣщаетъ мысль Прудона. Его предшественники не выходили въ своихъ ислѣдованіяхъ за предѣлы своей страны. Прудонъ своимъ яснымъ провицательнымъ взоромъ охватываетъ весь міръ, изображая и предвѣщая борьбу пролетаріевъ всѣхъ странъ противъ міроваго капитализма.

VII.

Синтезъ, или общее рѣшеніе, предлагаемое Прудонемъ, представляетъ позитивный контрастъ съ цѣлымъ рядомъ его положеній, только что нами изложенныхъ. Онъ провозгласилъ борьбу классовъ, неизбѣжность соціальной

революціи—и вмѣстѣ съ тѣмъ пришелъ къ системѣ, которая можетъ быть признана всѣми сколько нибудь осмысленными консерваторами, такъ какъ она ничѣмъ не угрожаетъ ихъ привилегіямъ.

Именно здѣсь, въ области чисто практической, выступаетъ наиболѣе слабая сторона философа. То онъ пытается найти почву для примиренія между индивидуальной и коллективной формою собственности, восхваляя нѣчто въ родѣ временнаго «владѣнія - пользованія», которое въ одно и то же время сохраняло бы и принципы свободы, и принципы равенства, а въ дѣйствительности только соединило бы опасности, проистекающія изъ индивидуализма, съ неудобствами коммунизма; то онъ развиваетъ свою идею о пресловутомъ народномъ банкѣ, который имѣлъ лишь частичный успѣхъ: въ учредительномъ собраніи за него высказались 31 іюля 1848 г. лишь 2 голоса противъ 691. На практикѣ это учрежденіе, открытое въ 1849 г. съ цѣлю предоставленія почти бесплатнаго кредита, просуществовало не болѣе нѣсколькихъ недѣль.

Прудонъ напрасно защищалъ передъ финансовымъ комитетомъ національнаго собранія ту мысль, что увеличеніе кредита должно быть въ основѣ соціальной реформы, что при одновременномъ уменьшеніи ренты, арендной платы, учета, заработной платы, увеличится въ соотвѣтственной степени и быстрота обращенія, а въ силу этого—и вся сумма общественнаго и частнаго богатства. Проекта этого не появили, да, къ тому же, онъ и не отличался большою ясностью.

Приступая къ дѣлу, Прудонъ создалъ свой народный банкъ, который не былъ—по его собственному выраженію—ни государственнымъ, ни акціонернымъ банкомъ, а банкомъ, предлагающимъ капиталы почти бесплатно, т. е. за ничтожный процентъ, всѣмъ, желающимъ пользоваться его услугами. Но чтобы дать жизнь такому предпріятію и обезпечить всѣ преимущества, которыя можно было ожидать отъ подобнаго образа дѣйствій, столь далекаго отъ коммерціи, вужно было располагать огромными средствами, а между тѣмъ денегъ-то и не хватало. Питая ненависть къ организованной коллективной формѣ дѣйствія, критикъ теоріи собственности, писатель, такъ энергично заклеившій нравственный обликъ буржуазіи, обращался безразлично ко всѣмъ, зывая ко всеобщему великодушію и проявленію инициативы. Невзбѣжность пораженія была слишкомъ очевидна—самая попытка представлялась дѣтски-наивной.

Книга «Правоспособность рабочаго класса», къ которой необходимо обратиться, чтобы вполнѣ постигнуть мысль Прудона въ ея наиболѣе точно выраженной формѣ, резюмируетъ довольно опредѣленно достоинства проповѣдываемого имъ общественнаго порядка. До сихъ поръ его представленіе о будущемъ обнаруживалось лишь частично: онъ требовалъ установленія равновѣсія производительныхъ силъ, свободной ассоціаціи, взаимнаго обмѣна услугъ, права работника на полную стоимость продукта своего труда. Но, въ сущности, можно вложить какое угодно содержаніе въ эти звучныя формулы.

Въ общемъ, Прудонъ предсказываетъ въ будущемъ безграничное расширеніе области коопераціи и взаимопомощи. Эти два принципа должны восторжествовать въ экономической организаціи общества, и люди будутъ пользоваться равными правами, обмѣниваясь равными услугами. Каждый продуктъ будетъ оплачиваться другимъ продуктомъ, равнымъ ему по стоимости производства. Базисомъ для установленія цѣвъ служитъ нормальный рабочий день человѣка среднихъ силъ. Тѣ же данныя должны лечь въ основу *политической* организаціи общества. Не должно быть ни іерархіи, ни власти. Нація является автономнымъ союзомъ гражданъ. Правительство, въ его наиболѣе простой формѣ, сводится къ системѣ гарантій.

Центральный органъ этого новаго государства (сохраняя старый терминъ, къ слову сказать, довольно не подходящій), не имѣетъ опредѣленной резиденціи; онъ повсюду, стало быть, его болѣе не существуетъ. Отдѣльныя области, объединенныя въ федерацію, управляются автономно. Отдѣльные округа добровольно устаиваютъ взаимныя отношенія и учреждаютъ совѣты для заведыванія общими дѣлами. Эта федерація, имѣющая воплотить національный характеръ, будетъ расти все болѣе и болѣе, покуда не охватитъ собой всего міра и не замѣнитъ собой раздробленныхъ государствъ, раздираемыхъ на части внутреннимъ антагонизмомъ и ревниво слѣдящихъ за другими. Но болѣе всего заслуживаетъ вниманія изученіе экономическаго строя общества, ибо недостаточно изученіе однихъ основныхъ элементовъ — необходимо еще, чтобы организація отличалась жизненностью и способностью функціонировать, чтобы абстракціи были одушевлены жизненнымъ содержаніемъ. Кооперація развивается въ области производства, потребленія и транспорта. Такъ какъ организація собственности будетъ преобразована, такъ какъ временное владѣніе землей станетъ доступнымъ каждому и вслѣдствіе этого индивидуальное пользованіе, теперь недоступное большинству людей, станетъ дѣйствительностью, ассоціація будетъ жизненна, плодотворна, могущественна. Одни промышленныя товарищества, организованныя пролетаріями, будутъ отпускать чугуны, сталь, ткани, по цѣвѣ, равной стоимости ихъ производства; другія возьмутся за транспортъ по водѣ и сушѣ; третья будутъ заняты выполненіемъ общественныхъ работъ; четвертая, наконецъ, будутъ заведывать складами, куда будутъ приходить граждане за полученіемъ необходимыхъ товаровъ и съѣстныхъ припасовъ. Мелкія торговыя заведенія могутъ сохраниться и будутъ служить отдѣленіями большихъ магазиновъ. Хорошо организованная статистика обезпечитъ соотвѣтствіе между производствомъ и потребленіемъ.

Это, однако, не все. Строительныя общества займутся постройкой гигиеническихъ квартиръ, которыя будутъ уступаться по цѣвѣ ихъ дѣйствительной стоимости. Банки будутъ доставлять почти даровой кредитъ. Школы, организуемыя обществами взаимопомощи, сдѣлаютъ излишнимъ государственное преподаваніе. Общества взаимнаго кредита объединяютъ людей въ борьбѣ противъ старости, инвалидности, смерти и разнаго рода несчастій.

Такова система, которая представлена въ «*Capacité des classes ouvriè-*

ges», и которая наиболѣе полно отражаетъ прудоновское мировоззрѣніе. Онъ, разумѣется, признаетъ свободу во всей ея полнотѣ. Вступленіе въ кооперативное общество или общество взаимопомощи ни для кого не обязательно. Нигдѣ никакой законъ, хотя бы и самый благодѣтельный, не вмѣшивается въ жизнь; нѣтъ ни дисциплинарной власти, ни однообразныхъ дѣйствій. Опасность коммунизма, такимъ образомъ, предотвращена.—Но уничтожены ли вмѣстѣ съ этимъ все зло и всѣ недостатки индивидуализма?

Пусть право пользованія или владѣнія будетъ *временнымъ*, но все же собственность существуетъ и вмѣстѣ съ этимъ—всѣ связанныя съ ней неудобства. Въ самомъ дѣлѣ: либо распредѣленіе земли должно будетъ возобновляться ежегодно, въ любой моментъ, либо индивидуальное право будетъ нарушено. Болѣе того; граждане имѣютъ возможность использовать свои доходы либо сообща, либо каждый въ отдѣльности. Если они соединятъ свои участки въ одно общее владѣніе, тогда «всѣ завоеванія науки и техники пойдутъ имъ на пользу, всѣ общіе расходы будутъ сокращены до минимума—и богатство общественное, какъ и индивидуальное, будетъ возрастать». Но что дѣлать, если *временный* владѣлецъ собственности отказывается вступить въ синдикатъ, если такого рода отказъ становится общимъ явленіемъ по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться дробленіе земли на части? Вѣдь тогда общество будетъ обречено на голодъ и нищету, которые подготовятъ почву для новаго переворота!

Замѣтимъ, что повсюду Прудонъ отстаиваетъ принципъ конкуренціи, которая происходитъ между самостоятельными кооперативными обществами въ такой же мѣрѣ, какъ у Луи-Блана—между коопераціями, пользующимися правительственной субсидіей. Не явится ли результатомъ всего этого *монополія*, въ такихъ яркихъ краскахъ описанная Прудономъ въ его «Противорѣчіяхъ»? И покуда эта монополія еще наступитъ, не разрушитъ ли сама жизнь, съ ея повседневной борьбой, всю эту систему, не давая возможности производить обмѣвъ продуктовъ въ соответствіи съ длиной рабочаго дня?

Сохраненіе мелкой торговли увѣковѣчитъ все то зло, которое съ нею связано: размноженіе общественныхъ паразитовъ, фальсификацію продуктовъ, озлобленіе потребителей и т. д. Взаимное страхованіе будетъ имѣть лишь ограниченную цѣнность, ибо оно не сможетъ захватить въ свою сферу всѣхъ людей, всѣ не смогутъ принимать въ немъ участіе, и, слѣдовательно, жизненная проблема *пауперизма* останется неразрѣшенной.

Такимъ образомъ (я подобную критику можно было бы продолжать и дальше) Прудонъ, начавъ съ разрушенія индивидуалистическихъ теорій, кончилъ тѣмъ, что самъ, незамѣтно для себя, присоединился къ нимъ. Его страстная любовь къ отвлеченной свободѣ, его ненависть къ коммунизму, дурно имъ понятому, все болѣе и болѣе удаляли его отъ социализма, и для насъ какъ нельзя болѣе ясно, почему въ настоящее время консерваторы такъ единодушно стараются возвести его на пьедесталь.

Луи-Бланъ отклонялся въ сторону, увлекая пролетаріатъ идеей госу-

дарственности, химерой сотрудничества классовъ и участія въ раздѣленіи враждебной пролетаріату власти. Прудонъ, поколебавшій до основанія принципа частной собственности, отклонился въ другую сторону, проповѣдуя лишь кооперацію-взаимопомощь.

Обѣ эти формы организаціи вредны, если ихъ разсматривать, какъ конечную цѣль соціального движенія. Ими расходуется энергія пролетаріата, онѣ ведутъ къ сохраненію существующаго строя, съ которымъ онѣ прекрасно согласуются, ибо онъ является необходимымъ условіемъ ихъ существованія. Для выполненія своихъ функцій онѣ не требуютъ ни уничтоженія собственности, ни уничтоженія классовъ, ни уничтоженія диктатуры буржуазіи. Прудонъ своимъ ученіемъ оказалъ гибельное вліяніе на пролетаріатъ. Это вліяніе было доминирующимъ во времена второй имперіи, оно укрѣпилось послѣ коммуны и даже теперь еще не совсѣмъ заглохло.

Спрашивается, зачѣмъ было Прудону направлять всю силу своей разрушительной діалектики, всю мощь своей отрицательной критики, противъ существующаго строя, если онъ полагалъ сохранить его въ той или другой смягченной формѣ. Но могъ ли онъ проникнуться другимъ, позитивнымъ міровоззрѣніемъ, разъ онъ отказывался признавать какое бы то ни было совмѣстное дѣйствіе, разъ соціальная революція, такъ рѣшительно имъ провозглашенная, являлась у него выраженіемъ, лишеннымъ опредѣленнаго смысла?

Прудонъ считается соціалистомъ въ виду тѣхъ идей, которыя онъ внесъ въ сокровищницу соціальной доктрины 19-го вѣка; въ области практической онъ остается индивидуалистомъ, мелкобуржуазнымъ консерваторомъ.

Поистинѣ, Марксъ былъ правъ.

Б л а н к и.

I.

Читатель, быть можетъ, не ожидалъ найти здѣсь изложеніе ученія Бланки; ему даже можетъ показаться страннымъ то, что Бланки у насъ фигурируетъ въ числѣ писателей, содѣйствовавшихъ развитію соціалистическихъ идей во Франціи. «Заключенный» вообще извѣстенъ, какъ руководитель тайныхъ обществъ, какъ организаторъ возстаній, какъ вождь на баррикадахъ. Онъ особенно прославился своими долгими тюремными заключеніями и возобновляемыми имъ неоднократно заговорами. Наше поколѣніе совершенно или почти незнакомо съ мыслями, которыя онъ высказывалъ относительно современнаго экономическаго строя и неизбежнаго хода его эволюціи; а между тѣмъ эти мысли, отличающіяся большой продуманностью и ясностью, заслуживаютъ того, чтобы съ ними ближе познакомиться. Онѣ представляютъ собою по-

слѣдній этапъ развитія коммунистической мысли во Франціи, до основанія подъ вліяніемъ Маркса и Энгельса французской рабочей партіи.

Собственно говоря, значительное число страницъ, вышедшихъ изъ-подъ пера Бланки и собранныхъ въ сборникъ «Critique sociale», были написаны имъ уже послѣ появленія «Коммунистическаго Манифеста». Многие, напр., относятся къ тому періоду, когда чисто-революціонная партія вела борьбу съ партіей прудонистовъ; но бланкизмъ, рассматриваемый съ точки зрѣнія его теоретическихъ основъ и выводовъ, находится въ преемственной связи со всѣмъ французскимъ социалистическимъ движеніемъ, отъ Бабефа до Луи-Блана; позволительно поэтому рассматривать бланкизмъ, независимо отъ всякихъ вѣшнихъ вліяній.

Съ біографіей Бланки знакомы всѣ, кто читалъ прекрасное произведеніе Жофруа. Онъ прожилъ болѣе трехъ четвертей вѣка, какъ бы связавъ своей жизнью ученіе Бабефа съ нынѣшнимъ періодомъ. Значительную часть своей жизни онъ провелъ въ тюрьмахъ, потому что іюльская монархія, вторая республика, вторая имперія и третья республика питали одинаковыя чувства къ этому неутомимому борцу за интересы рабочей демократіи; и въ наше время Бланки еще остается вдохновителемъ значительной части организованнаго французскаго пролетаріата.

Намъ придется въ другой главѣ этой книги разбирать тѣ средства, которыя предлагаются французскому и международному социализму въ видахъ завоеванія политической власти и осуществленія цѣлей, которыя ставитъ себѣ социализмъ. Въ тотъ историческій періодъ, который являлся какъ бы естественной обстановкой бланкизма, т. е. при іюльской монархіи, онъ стоялъ на той же тактической позиціи, на которой, во время первой революціи, стояли послѣдовательно жирондисты и монтаньяры; онъ вѣрилъ во всемогущество насильственнаго переворота, который былъ бы совершенъ дисциплинированнымъ мевъшинствомъ, способнымъ, благодаря сплоченности своихъ дружинъ, увлечь за собой неорганизованную массу. Возстаніе 12 мая 1839 г. является лучшей иллюстраціей этой теоріи. Подобно якобинцамъ, и даже въ большей степени, чѣмъ они—ибо якобинцы организовали сильные якобинскіе клубы во всѣхъ департаментахъ—бланкисты полагали, что достаточно имѣть въ своихъ рукахъ Парижъ, чтобы вся Франція пошла за ними. Они стремились только къ захвату центральной власти, чтобы затѣмъ при ея помощи упорядочить всю національную жизнь страны. Тутъ не мѣсто разбирать эти положенія, которыя, какъ нельзя лучше, соотвѣтствовали политическому и экономическому состоянію страны 70 лѣтъ тому назадъ послѣдовавшія затѣмъ событія и происшедшія измѣненія ослабили или уничтожили господство этихъ взглядовъ.

Методы мѣняются, ибо для того, чтобы устоять, они должны приспосабливаться къ измѣняющимся условіямъ окружающей дѣйствительности; но идеи, лежащія въ ихъ основѣ, остаются, и именно социальной теоріи Бланки (ибо онъ имѣлъ свою социальную теорію) мы намѣрены посвятить настоящей очеркъ;

мы рассмотрим ее въ цѣломъ, не касаясь частичныхъ измѣненій, которыми она отъ поры до времени подвергалась.

II.

Бланки имѣеть много точекъ соприкосновенія съ «государственными коммунистами». Какъ практической дѣятель и какъ вожакъ вооруженныхъ массъ, онъ скорѣе, чѣмъ кто-либо другой, долженъ былъ связать социальную революцію съ политической. Тутъ сразу открывается пропасть между бланкизмомъ и прудонизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній ставитъ политическую революцію въ зависимость отъ социальной и вслѣдствіе этого отвергаетъ всякій, даже временный, захватъ государственной власти.

Не менѣе крупное и не менѣе серьезное разногласіе существуетъ между обими учевіями и по другому вопросу: Бланки былъ коммунистомъ, Прудонъ и прудонисты были приверженцами коопераціи и обществъ взаимопомощи; борьба между этими двумя направленіями продолжалась довольно долго. Но если въ одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ Бланки сходятся съ Луи-Бланомъ, Видалемъ, Пеккеромъ и Кабэ, шедшими по пути коммунизма, но оставившими на полпути, то въ другомъ существенномъ вопросѣ онъ проявилъ полную оригинальность мысли. Нигдѣ и никогда онъ не высказывался за «сотрудничество классовъ»; нигдѣ и никогда онъ не осуждалъ революціи, понимаемой въ смыслѣ насильственного натиска пролетаріата на буржуазный общественный строй. Онъ совершенно освободился отъ оптимизма, свойственнаго его современникамъ, совершенно отдѣлался отъ вѣры въ великодушіе правящихъ классовъ. И если взвѣсить все—исключая, можетъ быть, его тактики, которая по необходимости должна мѣняться,—то современный социализмъ долженъ призвать въ Бланки одного изъ своихъ послѣдовательнѣйшихъ учителей.

III.

Бланки въ своихъ сужденіяхъ о собственности высказывается не менѣе категорично, чѣмъ Прудонъ: «Земельная собственность можетъ быть лишь троюкаго происхожденія: она можетъ быть пріобрѣтена силой, путемъ покупки или трудомъ... О *силѣ* говорить не приходится—самое ея названіе ее осуждаетъ. *Покупка* есть пріобрѣтеніе посредствомъ капитала. Но капиталъ самъ незаконенъ, какъ продуктъ чужого труда, а потому онъ не можетъ дать право. Трудъ даетъ право лишь на тотъ участокъ земли, который обрабатывается его владѣльцемъ. Все, что получается лишь благодаря труду другого, есть незаконное присвоеніе того, что по праву принадлежитъ работнику. Право завладѣнія ограничивается лишь той частью, которую завладѣлецъ въ состоявіи самъ обрабатывать». Изъ этого заявленія можно было бы заклю-

чить, что Бланки является сторовникомъ «парцеллярной системы», пользовавшейся огромной популярностью наканунѣ 1789 г. и даже во время первой революціи, но онъ слѣдуетъ сдѣлать слѣдующую поправку: «Присвоеніе земли—это чудовищное безстыдство».

Отсюда вытекаетъ, что частное богатство есть кража у человѣчества, и что это богатство по необходимости питается изъ нечистаго источника. «Богатства образовались въ первые вѣка нашей исторіи путемъ завоеваній: позднѣе они имѣли своимъ первоисточникомъ конфискацію, грабежъ, королевскую щедрость; у среднихъ классовъ богатства накоплялись путемъ ростовщичества и мошенничества; во время революціи они были важны путемъ спекуляціи національнымъ имуществомъ, путемъ ажіотажа и подрядовъ для арміи; во время имперіи наживѣ содѣйствовали война и императорскіе подарки; начиная съ 1814 г., накопленіе богатствъ совершается путемъ спекуляцій, игры на биржѣ, ловкихъ банкротствъ.

Съ ростомъ частныхъ богатствъ увеличивается и порабощенность пролетаріата; и обратно: ростъ этихъ богатствъ возможенъ лишь потому, что современный строй Франціи организуетъ порабощеніе народа. «Вѣднй необходимъ богатому»—писалъ Бланки, и врядъ ли кто либо до него выразилъ эту мысль сильнѣе. Капиталъ образуется, лишь благодаря конкуренціи этихъ безчисленныхъ работниковъ, лишенныхъ орудій производства и продающихъ свои силы и свою жизнь, чтобы имѣть возможность временно ее поддерживать. Рабочіе терпятъ отъ господствующаго класса не меньше, чѣмъ римскій рабъ терпѣлъ отъ патриція или побѣжденныя расы древнихъ временъ—отъ своихъ побѣдителей: «Порабощенъ не только рабъ или крѣпостной. Несвободенъ и тотъ, кто, будучи лишень орудій производства, находится во власти привилегированнаго меньшинства. Именно это-то сосредоточеніе богатствъ, а не тотъ или иной политической строй, дѣлаетъ массу порабощенной».

Но, несмотря на всѣ средства, которыми буржуазія обладаетъ и пользуется, чтобы держать пролетаріатъ въ повиновеніи, несмотря на то, что ей удалось наложить свою тяжелую руку на всю экономическую организацію, она все таки чувствуетъ, что ея положеніе становится шаткимъ. Опасность, угрожающая ея богатствамъ, происходитъ отъ ея же алчности; чѣмъ больше соковъ выжимаетъ она изъ народа, тѣмъ больше разрушаетъ она самую основу существующаго строя. Для упроченія или просто поддержанія современнаго политическаго и соціальнаго строя ей необходимо продавать. Продать свои товары—это для нея вопросъ жизни и смерти, а ей никогда не удается продать въ достаточномъ количествѣ. Кредитъ вноситъ оживленіе въ производство, но онъ не въ состояніи въ такой же мѣрѣ увеличить потребленіе, такъ какъ рабочій, вслѣдствіе того, что часть произведенной имъ стоимости присваивается капиталистомъ, не въ состояніи покупать равноцѣнности своего продукта. Отсюда по необходимости вытекаетъ непрерывное накопленіе товаровъ и, какъ слѣдствіе этого, всеобщіе кризисы, повторяющіеся каждыя 5 или 6 лѣтъ.

Буржуазія знаетъ лишь два способа предупрежденія перепроизводства, но оба они недостаточны. Съ одной стороны, колонизація: это—средство недѣйствительное, потому что эмигрирующие сейчасъ же замѣщаются другими, а конкуренція остается такой же интенсивной; но колониальная политика и разорительна, потому что она поглощаетъ огромнѣйшія средства, и государству обошлось бы гораздо дешевле содержать этихъ людей на мѣстѣ, чѣмъ эксплуатировать ихъ въ колоніяхъ.

Второе средство—это завоеваніе новыхъ рынковъ въ чужихъ странахъ, сохраняющихъ свою политическую самостоятельность, но которыя стремятся подчинить въ экономическомъ отношеніи: «Индустрія рыщетъ по свѣту въ погоню за рынкомъ, который она теряетъ вслѣдствіе нищеты работника... Организовавъ нужду и смерть въ своей собственной странѣ, капиталистъ отправляется въ самыя отдаленныя страны мошенничать, красть, грабить и убивать». Такимъ образомъ, система олигархическаго гнета мало-по-малу охватываетъ весь земной шаръ.

IV.

Противъ всѣхъ золь, отъ которыхъ страдаетъ человѣчество, противъ угрожающаго ему каждую минуту крушенія, противъ вопіющаго неравенства, противъ анархіи производства, единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ является коммунизмъ, и все заставляетъ насъ идти ему на встрѣчу.

Иногда возражаютъ, что коммунизмъ вернулъ бы насъ къ первобытнымъ формамъ обществитія. Взглядъ этотъ совершенно неоснователенъ. Коммунизмъ не есть первое проявленіе общественной жизни: онъ является высшей стадіей ассоціаціи», а никто не станетъ оспаривать того, что ассоціація—настоящее орудіе прогресса; «жертвы, приносимыя человѣчествомъ, всегда прямо пропорціональны преобладанію индивидуализма».

Если земля когда-то не была раздѣлена, то лишь вслѣдствіе отсутствія культуры; этимъ объясняется общественный бытъ австралійцевъ въ XIX в. Но какъ можетъ это темное прошлое служить аргументомъ противъ социализма? Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ человѣчество, каждый его шагъ впередъ приближаетъ его къ коммунизму. Все его развитіе ведетъ къ этому новому экономическому строю, который одинъ лишь въ состояніи осуществить справедливость и равенство, потому что одновременное существованіе бѣдности и богатства связано своимъ происхожденіемъ частному присвоенію земли.

Бланки, слѣдовательно, по своимъ идеямъ близко соприкасается съ Бабефомъ и Кабэ, но превосходитъ ихъ обоихъ своимъ реалистическимъ взглядомъ на переустройство общества. Бабефъ, которому приходилось дѣйствовать сейчасъ-же послѣ революціи, и который воображалъ, что возможно перестроить общество по заранѣ начертанному плану, вѣрилъ во всемогущество декретовъ. Кабэ разработалъ планъ идеальной общины, и сила его воображенія была такъ велика, что онъ видѣлъ уже эту общину существующей на

дѣлѣ. Бланки, какъ практической дѣятель, воспитавшійся въ повседневной борьбѣ, меньше довѣрялъ предвосхищеніямъ чистаго разума; онъ придавалъ огромное значеніе событіямъ, которыя, несмотря на свое кажущееся различіе, логически между собою связаны, но перѣдко представляютъ собою временныя, непредвидѣнныя регрессивныя движенія. Онъ вапаетъ на утопистовъ, разрабатывающихъ въ глубинѣ своихъ кабинетовъ планы новаго политическаго, экономического и соціального строя. Нельзя по своему произволу строить планъ будущаго общества: это означало бы создать для людей новую каторгу. Слѣдуетъ ограничиться критикой капиталистическаго строя и формулировкой основныхъ принциповъ того строя, который ему придется на смѣну. «Соціальный организмъ не можетъ быть дѣломъ рукъ одного или нѣсколькихъ лицъ, онъ не зависитъ ни отъ ихъ доброй воли, ни отъ ихъ преданности идеѣ. Онъ не можетъ быть импровизированъ... Сенъ-симонизмъ и фурьеризмъ потерпѣли крушеніе именно потому, что слишкомъ переоцѣнивали свои силы. Точно также, неминуемо крушеніе всякаго догматизма... Никто не можетъ изобразить карту неизвѣстной страны».

V.

Но если строить подробныя гипотезы и смѣшно и бесполезно, то, напротивъ, распространеніе знаній въ массѣ является первоначальнымъ условіемъ всякой революціи. Нѣкоторыя прекраснѣйшія страницы всей демократической литературы послѣдняго вѣка, посвященныя вопросу о народномъ образованіи, принадлежатъ перу Бланки. Его мысли по этому вопросу должвы быть сопоставлены съ приведенными нами выше разсужденіями Консидерана. Послѣдній, пожадуй, уступаетъ даже Бланки въ глубинѣ мысли и силѣ слога.

«Заключенный», организовавшій часть французскаго пролетаріата, жившій среди народныхъ массъ, каждый разъ, когда онъ выходилъ изъ тюрьмы на волю, ясно сознавалъ, какую огромную воспитательную работу предстоитъ еще выполнить. Большинство другихъ соціалистовъ, такъ же, какъ и онъ, понимали общественное значеніе и революціонизирующую роль науки, но они не могли ей придавать исключительное значеніе, такъ какъ разсчитывали на великодушіе и проникательность буржуазіи. Бланки всѣ свои надежды возлагаетъ на народъ, но его долгій опытъ научилъ его понимать, что народъ останется въ угнетенномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока будетъ пребывать въ унаслѣдованномъ имъ отъ прежнихъ вѣковъ невѣжествѣ. Этимъ отчасти объясняется тотъ фактъ, что Бланки питаетъ непримиримую вражду къ церкви и монархіи. Онъ республиканецъ и антиклерикалъ не только потому, что диктатура одного человека оскорбляетъ чувство свободы и равенства, а господство церкви оскорбляетъ разумъ, но также и потому, что между трономъ и алтаремъ существуетъ братскій союзъ, съ цѣлью вѣчно держать народъ въ невѣжествѣ. И тотъ и другой опираются на глупость десятковъ милліоновъ людей; ихъ крушеніе станетъ неизбѣжнымъ въ тотъ день, когда проснется народная совѣсть, а

вмѣстѣ съ ними падеть и социальная олигархія, которую они поддерживаютъ.

«Въ образованіи—все; безъ него—ничего... Прежде всего, необходимо быстрое распространение образованія». Въ заключеніе, Бланки требуетъ ассигновки въ 500 мил. франковъ на нужды народнаго образованія, а также полное устраненія отъ него духовенства.—Никогда еще до Бланки социализмъ не формулировалъ такъ рѣзко въ отношеніи государства и церкви проблемы народнаго образованія.

VI.

Коммунизмъ, основывающійся на распространеніи просвѣщенія,—вотъ сущность бланкизма. Онъ составляетъ прямую противоположность прудонизму, пользовавшемуся успѣхомъ среди рабочаго класса во время второй имперіи. «Заключенный» безпрестанно вель отчаянную борьбу—и часто съ значительнымъ успѣхомъ—противъ великаго теоретика собственности, увлекшагося въ сторону оппортунистическихъ и реакціонныхъ мѣропріятій.

Бланки смотритъ на «кооперацію», какъ на средство, усыпляющее революціонный духъ и служащее орудіемъ въ рукахъ враговъ пролетаріата; она убиваетъ гражданина въ рабочемъ; она назводитъ его требованія до уровня потребностей желудка и подавляетъ въ немъ запросы ума. Это ни больше, ни меньше, какъ маневръ со стороны буржуазіи, какъ попытка капиталистовъ одурачить своихъ противниковъ, толкая ихъ на путь бесплодныхъ авантюръ.

Не такими попытками—неудача которыхъ обрадовала бы буржуазію, а успѣхъ обезпечилъ бы ей спокойное существованіе—можетъ народъ освободиться и сбросить съ себя экономическій гнетъ. Онъ выйдетъ изъ рабства лишь путемъ развитія той крупнои организациі, выраженіемъ которой является государство.

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ счетѣ Бланки становится на точку зрѣнія государственнаго, т. е. авторитарнаго, коммунизма. Замѣтимъ тутъ же, что марксизмъ, несмотря на свою борьбу противъ современнаго государства, приходитъ къ тѣмъ же выводамъ. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи стали бы всѣ рабочія партіи, теоретическую основу которыхъ составляетъ марксизмъ, выставлять требованіе захвата политической власти, если бы оно не вытекало логически изъ самыхъ положеній автора «Капитала»? Но это вопросъ нѣсколько спорный, и слѣдуетъ низвести до дѣйствительныхъ размѣровъ то значеніе, какое современный социализмъ придаетъ государственному вмѣшательству.

Какой бы горячностью ни отличались споры, которые Бланки вель противъ теоріи кооперацій и обществъ взаимопомощи, онъ никогда не былъ сектантомъ. Онъ слишкомъ презиралъ доктринерство, чтобы пренебрегать тѣми полезными данными, которыя могли въ себѣ содержать воззрѣнія его противниковъ. По его мнѣнію, революція должна заимствовать способы борьбы отовсюду, гдѣ она ихъ находитъ, при условіи устраненія личнаго честолюбія

и гибельныхъ компромиссовъ. И Бланки, котораго всецѣло поглощала повседневная борьба, далъ намъ великій урокъ терпимости въ слѣдующихъ словахъ: «Оба направленія социализма—прудовизмъ и другой—потерпѣли, въ 1848 г., поражение, но побѣда не достается въ одинъ день.. Коммунисты и прудовисты стоятъ на одномъ берегу рѣки и съ ожесточеніемъ спорятъ о томъ, что собою представляетъ другой берегъ—маисовое ли или злачное поле. Они хотятъ во что бы то ни стало разрѣшить этотъ вопросъ, раньше чѣмъ переправятся на тотъ берегъ. Охъ, переплыть бы намъ сначала! А тамъ—ужь увидимъ!»

Коммунистическій манифестъ.

I.

Несмотря на то, что «Коммунистическій манифестъ» былъ составленъ, въ февралѣ 1848 г., двумя иностранцами, Марксомъ и Энгельсомъ, мы все-таки не можемъ его обойти молчаніемъ. Мы должны познакомиться съ этимъ документомъ по двумъ соображеніямъ: онъ, во-первыхъ, намъ ясно покажетъ, что марксизмъ позаимствовалъ у французскаго социализма; во-вторыхъ, сопоставленіе «Манифеста» съ документами и теоріями публицистовъ, которыхъ мы разберемъ дальше, позволитъ намъ опредѣлить, какое вліяніе марксизмъ оказалъ на современный французскій социализмъ.

Появленіе «Манифеста» составляетъ эпоху въ исторіи пролетаріата. Наши писатели 1840-хъ гг., проповѣдывавшіе или предсказывавшіе экономической и социальный переворотъ, насильственный или мирный, смотрѣли на него, какъ на движеніе, къ которому примкнулъ бы и самъ господствующій классъ. Прудонъ, смотрѣвшій на него, какъ на самостоятельное дѣло рабочаго класса, такъ сузилъ его задачи, что почти лишилъ его всякаго смысла. Марксъ и Энгельсъ, провозгласивъ наступленіе эры революціи, вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что ея элементы уже существуютъ въ современномъ обществѣ, и что ея исключительные творцы, пролетаріи, готовы ее выполнить. Помимо этого, они ее не обосновываютъ часто моральными доводами, не выставляютъ на первый планъ, вмѣсто условій экономического развитія, понятія о справедливости и равенствѣ. Какъ разъ наоборотъ, именно изъ непрерывныхъ измѣненій, происходящихъ въ органической структурѣ общества и раньше всего—въ производственныхъ отношеніяхъ, они выводятъ не законность—вопросъ о «законности» ихъ мало занимаетъ,—а необходимость революціи. Не звать «Манифеста»—значить, не звать происхожденія могучаго социалистическаго движенія, охватившаго Францію, всю Европу и заокеанскія страны немедленно послѣ парижской Коммуны.

II.

Мы приведемъ здѣсь лишь краткое резюме «Манифеста», лишь самыя существенныя его положенія. Первая часть его посвящена изученію силъ, имѣющихся налицо въ современномъ обществѣ: эта часть заслуживаетъ самаго большаго вниманія.

«Исторія всякаго общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ». Этотъ антагонизмъ не былъ уничтоженъ и современнымъ буржуазнымъ обществомъ. «Оно только замѣнило старые классы, старыя условія порабощенія, старыя формы борьбы, новыми».

Буржуазія, которая вышла изъ вѣдръ городскихъ общинъ, развилась благодаря географическимъ и научнымъ открытіямъ. Старый способъ производства не могъ уже удовлетворять возрастающихъ съ открытіемъ рынковъ потребностей; ремесло уступило свое мѣсто мануфактурѣ; раздѣленіе труда внутри мастерской и дальнѣйшій ростъ потребностей привели къ тому, что мануфактура, въ свою очередь, была вытѣснена крупной промышленностью.

Этотъ экономическій переворотъ легъ въ основу господства класса буржуазіи. Современная государственная власть есть не что иное, какъ исполнительный комитетъ, вѣдающій дѣла этого класса.

Буржуазія играла въ исторіи въ высшей степени разрушительную роль: она установила прямую эксплуатацію человѣка—наемный трудъ. Она можетъ существовать лишь при условіи непрерывнаго революціонизированія орудій труда, а слѣдовательно, и способовъ производства и вообще всей совокупности общественныхъ отношеній. Ей необходимо проникать всюду, чтобы завоевать новые рынки, безъ которыхъ она не можетъ существовать. Она придала производству космополитическій характеръ, вытѣснивъ національныя отрасли промышленности, а міровая торговля создаетъ взаимную зависимость всѣхъ народовъ.

Буржуазія подчинила деревню городу, земледѣльческія страны—промышленнымъ, централизовала собственность, средства производства, политическую и административную власть. Уничтоживъ феодальный способъ производства, свободная конкуренція основала диктатуру этого новаго класса.

Но въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ (напомнимъ, что «Манифестъ» появился въ 1848 г.) производительныя силы возстаютъ противъ отношеній собственности. Производятъ слишкомъ много. Собственность становится тормозомъ общественнаго развитія. Буржуазный строй сталъ слишкомъ тѣснымъ для того, чтобы выѣстять созданныя имъ богатства. Буржуазія вынуждена уничтожить цѣлую массу производительныхъ силъ, а самымъ завоеваніемъ новыхъ рынковъ она подготавливаетъ будущіе кризисы.

«Но она не только выковала оружіе, которое должно нанести ей смертельный ударъ: она создала также и людей, которые возьмутъ въ свои руки это оружіе, а именно, современныхъ рабочихъ, пролетаріевъ».

Пролетаріи являются товаромъ, простымъ прилаткомъ машины: «Издержки производства рабочаго сводятся почти исключительно къ средствамъ существованія, необходимымъ ему для жизни и продолженія рода». Мелкіе буржуа, пролетаризующіеся экономическимъ развитіемъ, постепенно переходятъ въ ряды пролетаріата.

Въ началѣ эта рабочая масса дѣйствуетъ подъ руководствомъ буржуазіи, интересамъ которой она служитъ, защищая ее и отъ остатковъ абсолютной монархіи и отъ поземельныхъ собственниковъ. На этой первой ступени развитія каждая побѣда есть побѣда буржуазіи.

Но нищета и численность пролетаріевъ непрерывно растутъ; заработная плата падаетъ и нивелируется на самой низкой нормѣ; рабочіе, скопляясь на фабрикахъ, проникаются сознаниемъ солидарности своихъ интересовъ. Они пользуются внутренними раздорами въ средѣ буржуазіи, чтобы вынудить ее къ законодательной регламентаціи труда, затѣмъ вступаютъ съ ней въ открытую борьбу, а «въ рѣшительный часъ, часть господствующаго класса отъ него откалывается и присоединяется къ революціонному классу».

Одинъ только пролетаріатъ способенъ выполнить эту послѣднюю революцію. Мелкая буржуазія и крестьяне являются антибуржуазнымъ, но консервативнымъ элементомъ, и не отъ нихъ намъ ждать революціоннаго почина. Всѣ предшествующія историческія движенія были движеніями меньшинства въ пользу меньшинства. Пролетаріатъ же дѣйствуетъ въ интересахъ огромнаго большинства. Такъ какъ пролетаріатъ представляетъ собой самый низшій слой современнаго общества, то онъ можетъ выпрямиться не иначе, какъ уничтоживъ всѣ остальные слои.

Рѣшительный часъ приближается, потому что условія существованія рабочаго непрерывно ухудшаются, и существованіе буржуазіи становится несовмѣстнымъ съ существованіемъ общества. Этотъ господствующій классъ «производитъ своихъ собственныхъ могильщиковъ. Его пораженіе и побѣда «пролетаріата одинаково неизбѣжны».

Вторая часть «Манифеста» озаглавлена: *Пролетаріи и коммунисты*. Коммунисты добиваются отмены частной собственности: личная собственность, плодъ личнаго труда, давно уже уничтожена. Трудъ создаетъ только капиталъ—общественную силу, приводимую въ движеніе коллективностью. Если превратить этотъ капиталъ въ общественную собственность, то не личная собственность превратится въ общественную: измѣнится только общественный характеръ собственности.

Въ настоящее время рабочій получаетъ минимумъ заработной платы: онъ получаетъ какъ разъ то, что ему необходимо для поддержанія своего жалкаго существованія и для продолженія своего рода. Его трудъ служитъ раньше всего средствомъ къ увеличеніямъ накопленнаго труда, но онъ не имѣетъ права на частную собственность. Коммунизмъ отнимаетъ у меньшинства возможность подчинить себѣ чужой трудъ.

Пролетаріатъ не имѣетъ отечества. Нельзя отнять у него того, чего у

него нѣтъ. Національный антагонизмъ уменьшается по мѣрѣ политическаго развитія буржуазіи. Условія производства повсюду одни и тѣ же: элементы общественнаго переворота повсемѣстно одинаковы.

Для совершенія переворота, пролетаріатъ долженъ стать господствующимъ классомъ и захватить политическую власть. Онъ тогда сможетъ цѣлымъ рядомъ мѣропріятій экспроприровать своихъ господъ отъ капитала. Мѣропріятія эти слѣдующія: конфискація земельной ренты, уничтоженіе права наслѣдства, централизація кредита при помощи національнаго банка, централизація путей сообщенія, увеличеніе числа національныхъ промышленныхъ предпріятій, обработка неводѣланыхъ земель, организація промышленныхъ и земледѣльческихъ армій, обязательность труда, бесплатное общественное воспитаніе. Эти мѣропріятія позволяютъ разрѣшить существующіе антагонизмы, сосредоточивъ собственность въ рукахъ общества.

Третья часть «Манифеста» посвящена историческому и критическому обзору социалистической и коммунистической литературы. Марксъ и Энгельсъ различаютъ: мелко-буржуазный социализмъ, главой котораго является Сисмонди, буржуазный или консервативный социализмъ и критически-утопическій коммунизмъ, на которомъ они особенно останавливаются. Вначалѣ пролетаріатъ еще не располагалъ матеріальными условіями своего освобожденія. Сень-Симонъ, Фурье, Оуэнъ, сознають существованіе антагонизма классовъ, равно какъ и элементовъ разложенія внутри современнаго общества, но они еще не имѣютъ представленія о присущей пролетаріату исторической роли, и такъ какъ они не замѣчаютъ эмансипирующихъ началъ, содержащихся въ самомъ промышленномъ развитіи, то они впадаютъ въ утопію. Они изобрѣтають планы будущихъ обществъ, они взымають ко всему обществу и даже предпочитаютъ обращаться къ правящему классу. Они отвергають всякій насильственный образъ дѣйствій, всякое рѣзкое нововведеніе. Такъ какъ ихъ системы застыли, не подверглись измѣненію у учениковъ, то онѣ у послѣднихъ стали реакціонными. Ученики ихъ продолжаютъ осуждать всякую политическую активность рабочихъ, а слѣдовательно, и ихъ организацію.

Роль коммунистовъ—это всюду поддерживать всякое движеніе противъ капиталистическаго общества и противъ частной собственности. Пусть дрожатъ господствующіе классы при мысли о коммунистическомъ переворотѣ! «Пролетаріямъ нечего терять, кромѣ своихъ цѣпей. Приобрѣтутъ же они весь міръ... Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!»

Существенныя мысли «Манифеста» можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Борьба классовъ образуетъ неизмѣнную основу, самую сущность исторіи.—Это понятіе не могло зародиться въ умахъ французскихъ социалистовъ первой половины XIX в.; нигдѣ оно не выражено съ такой поразительной ясностью.

2) Коммунизмъ вытекаетъ изъ самого промышленнаго развитія; онъ уже существуетъ въ потенциальномъ состояніи, по крайней мѣрѣ, всѣ его элементы

уже налицо.—Ни одинъ французскій социалистъ не пришелъ еще, до появленія «Манифеста», къ этому выводу.

3) Пролетаріатъ, призванный къ тому, чтобы перестроить все общество, защищаетъ интересы, прямо противоположные интересамъ буржуазіи: онъ одинъ въ состояніи совершить этотъ общественный переворотъ, и сдѣлаетъ онъ это своими собственными силами.—Это положеніе было уже формулировано Прудонъ, но остальные французскіе писатели—отъ Сень-Симона до Кабэ—отвергали антагонизмъ между правящими и управляемыми и совѣтовали союзъ между ними.

4) Уничтоженіе пролетаріатомъ капиталистическаго строя совершится не во имя осуществленія идеи справедливости и равенства, а потому, что къ этому ведутъ экономическая необходимость и развитіе способа производства.— Это воззрѣніе было впервые формулировано авторами Манифеста.

Международное общество рабочихъ и Коммуна.

I.

Послѣ 1848 г. или, вѣрнѣе, послѣ смерти писателей этой эпохи, ¹⁾ французскій социализмъ не представляетъ собою болѣе ничего оригинальнаго. Руководящая роль въ пролетарскомъ движеніи переходитъ къ Германіи, выдвинувшей Маркса и Лассля; тамъ одновременно развиваются сильная социалистическая мысль и могучая организація.

Насколько первая половина XIX в. отличалась во Франціи богатствомъ новыхъ идей, настолько вторая половина характерна скудостью ихъ. Это быстрое оскудѣніе мысли слѣдуетъ, быть можетъ, приписать двумъ явленіямъ различнаго характера, но взаимно дополнявшимъ другъ друга: разгромъ социализма въ іюльскіе дни и распространеніе *Коммунистическаго Манифеста*, полно и точно *формулировавшаго* требованія пролетаріата.

Кровавыя репрессіи Кавеньяка (точно также, какъ и позднѣе репрессіи Тьера и Галифэ) внесли страшное разстройство въ ряды рабочаго народа. Подъемъ духа народа былъ сломленъ; магическія слова, раньше воодушевлявшія народъ на героическіе подвиги въ его борьбѣ съ капиталистическимъ строемъ, сразу потеряли свою силу. Долгіе мѣсяцы и годы обезумѣвшія массы

¹⁾ Прудонъ и Бланки, которые продолжали писать гораздо позже 1848 года, ограничивались лишь развитіемъ своихъ старыхъ идей. И хотя „*Capacité des classes ouvrières*“ вышло почти одновременно съ „Капиталомъ“ Маркса, все же это раздѣленіе вѣка на двѣ равныя части очень легко оправдывается. Мы хотимъ сказать, что ни одинъ крупный социалистическій писатель не появился во Франціи послѣ 48-го года.

напрасно искали точки опоры: социальная революция, потопленная в крови разстрѣленных рабочихъ парижскихъ предмѣстій, казалось, погибла навсегда.

Когда пролетаріи опять подняли головы и прониклись сознаниемъ своихъ интересовъ и своихъ классовыхъ обязанностей, они нашли въ положеніяхъ Маркса, мало для нихъ доступныхъ въ *Капиталѣ*, но болѣе ясно и болѣе популярно изложенныхъ въ «Манифестѣ»,— совершенно готовую философію. Эти положенія связали въ одно элементы, почерпнутые изъ всего французскаго социализма, начиная съ Бабефа, съ самостоятельными выводами Маркса и поражали своими координированностью и логичностью. И такъ какъ марксизмъ давалъ одновременно анализъ существующаго экономическаго строя и его пороковъ и изложеніе принциповъ будущаго коммунистическаго строя, такъ какъ онъ затрагивалъ всевозможные вопросы, на которые и давалъ отвѣты, то онъ скоро пріобрѣлъ господствующее вліяніе на всю социалистическую литературу, какъ во Франціи, такъ и внѣ ея. Научныя произведенія и социалистическія программы послѣднихъ тридцати лѣтъ имѣютъ своимъ исходнымъ пунктомъ заключенія *Капитала*.

Мы не думаемъ отрицать того, что идеализмъ, знаменосцами котораго были Сень-Симонъ, Луи-Вланъ, Кабэ, Прудонъ, продолжалъ еще играть нѣкоторую роль. Но его вліяніе, оставшееся почти исключительнымъ до 1848 г., было далеко не преобладающимъ послѣ 1848 г.

Во время основанія «Международнаго общества рабочихъ» прудонизмъ вступаетъ въ борьбу съ реалистическими взглядами нѣмецкихъ мыслителей: его престижъ мало-по-малу ослабѣваетъ и совершенно исчезаетъ наканунѣ Коммуны. Послѣ майской бойни 1871 г., когда пролетаріатъ пытался сорвать туго затянутую на его шеѣ петлю, прудонизмъ сталъ опять показывать признаки жизни, но лишь затѣмъ, чтобы скоро быть окончательно побѣжденнымъ коллективизмомъ и революціоннымъ коммунизмомъ. Несомнѣнно, онъ еще и въ наше время не отказался отъ борьбы: онъ представляется въ новыхъ видахъ. Но его значеніе ничтожно въ сравненіи съ огромнымъ вліяніемъ, которое пріобрѣлъ во всѣхъ странахъ исторической матеріализмъ съ его логическими выводами.

Хотя въ настоящее время во французскомъ социализмѣ существуютъ два теченія — одно идеалистическое, а другое — марксистское, — тѣмъ не менѣе, разногласія между ними гораздо менѣе существенны, чѣмъ это полагаютъ нѣкоторые. Сами идеалисты вынуждены признать эволюцію общества, измѣненія, вызываемыя производственными отношеніями; они не осмѣливаются формулировать систему сотрудничества классовъ. Они только стараются доказать возможность примиренія между неизбежнымъ ходомъ экономическаго развитія и выводами, къ которымъ они приходятъ, исходя изъ соображеній справедливости и отвлеченнаго равенства. Они, по меньшей мѣрѣ, полу-марксисты; они не отрицаютъ ни борьбы классовъ, ни вытекающаго изъ нея объясненія исторіи; современный идеализмъ — плодъ латинскаго склада ума и наслѣдіе социальныхъ мыслителей — только подкрѣпляетъ положенія *Манифеста* и *Капи-*

тала. Овъ, по крайней мѣрѣ, можетъ отстаивать свою позицію противъ своего противника не иначе, какъ отнимая у послѣдняго самыя лучшія изъ его орудій.

II.

Отступленіе стараго соціалистическаго міровоззрѣнія и крушеніе прудонизма особенно рельефно выразились въ теоріяхъ «Международнаго общества рабочихъ» и въ актахъ Коммуны.

Когда около 1860 г. началось пробужденіе рабочаго класса, авторъ «Противорѣчій», оставшійся вѣрнымъ своей идеѣ объ обществахъ взаимопомощи, опять приобрѣлъ широкую популярность въ пролетаріатѣ. Несмотря на то, что эта популярность была подорвана Вланки, который былъ яркимъ противникомъ «кооперативовъ», вліяніе прудонизма было еще значительно. Оно было до такой степени дѣйствительнымъ ко времени основанія «Международнаго общества рабочихъ», что Марксу и его друзьямъ приходилось съ нимъ считаться. И первый манифестъ (1864 г.) общества носитъ на себѣ двойной отпечатокъ: мотивировки признаютъ необходимость политической борьбы, а резолюція провозглашаетъ, какъ «основы дѣйствій» общества, правду, мораль и справедливость.

Но коммунизмъ, поддерживаемый бланкистами, не замедлил овладѣть пролетарскимъ движеніемъ. Брюссельскій (1868 г.) и базельскій (1869) конгрессы закончились побѣдой крайнихъ идей «Международнаго общества рабочихъ» и пораженіемъ идей «кооперативовъ». Коммуна нанесла послѣдній ударъ прудонистскому міровоззрѣнію, доказавъ на дѣлѣ его бесплодность.

Въ то же время историческія событія во второй разъ разрушили карточный замокъ, построенный школой 1840 г. 18-е марта 1871 г., какъ и іюльскіе дни 1848 г., беспощадно доказали, что пролетаріату нечего ждать отъ буржуазіи, что сотрудничество правящихъ и управляемыхъ, такъ часто восхваляемое мыслителями первой половины XIX в., есть одна лишь иллюзія, и что народу приходится разсчитывать исключительно на свои собственныя силы. Коммуна представляла собою наиболѣе поразительное примѣненіе бланкистской методы, но она въ то же время воздала должное заключеніямъ «Манифеста» 1848 г., а идея интернаціонализма, которой она была проникнута, дополнила оригинальность.

Послѣ 1871 г. не существуетъ болѣе отдѣльно французскаго и нѣмецкаго соціализма: оба они слились въ одинъ международный соціализмъ.

Рабочая партія.

I.

Рабочая партія, взятая въ цѣломъ, представляетъ у насъ марксистскій элементъ, социалистическій реализмъ, всю совокупность идей „Коммунистическаго манифеста“. До Коммуны намъ приходилось изучать отдѣльныхъ писателей, какъ, напр., Пеккера или Кабэ, или школы, какъ напр., фурьеристскую и сень-симовистскую. Теперь сущность этого ученія теряетъ свой индивидуальный характеръ: она становится коллективной или, по крайней мѣрѣ, формулируется главнымъ образомъ отъ имени цѣлой группы; сообразно съ этимъ, въ изложеніи теоріи уже отводится мало мѣста отдѣльнымъ личностямъ, а самыя міровоззрѣнія получаютъ совершенно иной характеръ. Программа конгрессовъ замѣняетъ собой труды отдѣльныхъ авторовъ. Писатели—это члены руководящаго совѣта партіи, занимающіеся одновременно литературнымъ трудомъ и практической организационной работой. Тѣ изъ нихъ, которые выпускаютъ книги или брошюры—скорѣе, брошюры—съ цѣлью популяризовать установившіеся въ партіи взгляды или отвѣчать на нападки противниковъ, строго придерживаются рѣшеній фракціи, къ которой они принадлежатъ. Труды Лафарга, Гэда, Девиля, представляютъ собой, главнымъ образомъ, поясненія теоріи Маркса или партійной программы, разработанной, впрочемъ, самимъ Марксомъ.

Читатель не найдетъ здѣсь историческаго обзора рабочей партіи, какъ и не найдетъ историческаго обзора бланкизма, алеманизма или другихъ социалистическихъ группъ, возникшихъ за послѣднія тридцать лѣтъ. При разсмотрѣніи самыхъ событій необходимо знать разные факты, оказавшіе вліяніе на движеніе пролетаріата и дѣйствовавшіе, то въ одномъ и томъ же, то въ противоположномъ направлевіи. Если же обратить вниманіе исключительно на идеи, то слѣдуетъ пройти мимо извѣстныхъ фактовъ, игнорировать даты, могущія имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ, для полемики напр., рѣшающее значеніе.

Рабочая партія образовалась болѣе четверти вѣка тому назадъ. Прудонисты, сейчасъ же послѣ трагическаго опыта съ Коммуной, лишній разъ попытались приобрѣсти популярность въ народѣ; это имъ удавалось вплоть до марсельскаго конгресса (состоявшагося въ 1879 г.), освятившаго коллективизмъ, провозгласившаго основаніе классовой партіи и выставившаго требованіе обществленія орудій и средствъ производства.

Въ 1880 г. «районный конгрессъ федераціи центра», состоявшійся въ Парижѣ, выработалъ капитальный документъ, рекомендующій активность не только рабочей партіи, но также и всѣмъ социалистическимъ политическимъ организаціямъ; этотъ документъ и повнынъ остается самымъ вѣрнымъ

выраженіемъ марксистскаго ученія. Нѣкоторые его пункты могли подвергнуться измѣненіямъ или дополненіямъ; но въ области теоретической, какъ и въ области практической, онъ остается хартіей пролетарскихъ требованій. Онъ былъ составленъ авторомъ *Капитала*, совмѣстно съ Гэдомъ, Лафаргомъ и другими; мотивировка и изложеніе импонировали даже идеалистамъ, все еще продолжавшимъ упорно держаться традицій сороковыхъ годовъ.

Программа рабочей партіи, такъ называемая программа-минимумъ, довольно пространна, но ее стоитъ воспроизвести цѣликомъ, во-первыхъ, потому, что она сама по себѣ представляетъ собою настоящее изложеніе положеній, а, во-вторыхъ, потому, что сопоставленіе ея съ вѣмецкой готской программой, выработанной нѣсколько раньше, показываетъ, какъ идеи Маркса получаютъ международный характеръ.

«Районный конгрессъ центра,

«Принимая во вниманіе, что лишеніе политическихъ свободъ является препятствіемъ на пути къ социальному просвѣщенію народа и къ экономическому освобожденію пролетариата;

«Принимая во вниманіе, что пролетаріатъ намѣренъ пользоваться всѣми средствами съ цѣлью добиться своего освобожденія, и что онъ долженъ пользоваться свободами, уже завоеванными цѣною крови, пролитой въ трехъ послѣднихъ революціяхъ;

«Принимая затѣмъ во вниманіе, что политическая активность полезна, какъ агитаціонное средство, и что избирательная арена, безспорно, является ареной борьбы,

«Подтверждаетъ рѣшенія, принятыя по этому вопросу социалистическими національными и международными конгрессами,

«И заявляетъ:

I. Соціальное освобожденіе рабочихъ неразрывно связано съ ихъ политическимъ освобожденіемъ.

II. Воздержаніе отъ политической дѣятельности оказалось бы гибельнымъ по своимъ послѣдствіямъ.

III. Политическое вмѣшательство должно выразиться въ формѣ классовыхъ кандидатуръ на всѣ выборныя должности, безъ какого бы то ни было союза съ фракціями старыхъ политическихъ партій.

IV. Хотя пролетаріатъ и долженъ использовать законныя средства, но онъ не можетъ добиться своего освобожденія мирнымъ путемъ, и социальная революція, которая совершится насильственнымъ путемъ, остается единственно возможнымъ рѣшеніемъ.

V. Политическое вмѣшательство должно находиться въ подчиненномъ положеніи по отношенію къ социалистическому движенію и служить лишь средствомъ для этого движенія.

VI. Вмѣшиваясь во внутренніе раздоры между отдѣльными фракціями

буржуазіи, пролетаріатъ долженъ развивать свою особую организацію, являющуюся не чѣмъ инымъ, какъ подготовительной формой грядущаго общества.

«Районный конгрессъ центра,

«Принимая во вниманіе, что первымъ актомъ организованнаго рабочаго класса, по необходимости, должно быть отдѣленіе его отъ буржуазныхъ политическихъ партій, и что это отдѣленіе возможно на избирательной почвѣ, при помощи того же самаго избирательнаго бюллетеня, создавшаго политическое смѣшеніе классовъ;

«Принимая во вниманіе, что худшими врагами революціи являются тѣ, кто любитъ о ней много говорить, и не предпринимаетъ тѣхъ мѣръ, которыя ее сдѣлали бы возможной,

«Заявляетъ,

«Что онъ принимаетъ избирательную программу, опубликованную газетами *Le Citoyen, La Revue Socialiste, Le Proletaire, L'Egalité* и *la Fédération*, внося въ нихъ слѣдующія поправки:

«Принимая во вниманіе, что освобожденіе производительнаго класса есть вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіе всѣхъ людей, безъ различія пола и расы;

«Что производители могутъ быть свободны лишь при томъ условіи, если они обладаютъ средствами производства;

«Что существуютъ только двѣ формы, въ которыхъ средства производства могутъ имъ принадлежать: 1) личная форма владѣнія, никогда не существовавшая, какъ общій фактъ, и все болѣе и болѣе вытѣсняемая промышленнымъ прогрессомъ; 2) коллективная форма владѣнія, матеріальные и интеллектуальные элементы которой создаются самимъ развитіемъ капиталистическаго общества;

«Принимая во вниманіе, что вторая форма можетъ явиться лишь результатомъ борьбы организованнаго рабочаго класса, и что къ подобнаго рода организаціи слѣдуетъ стремиться всѣми средствами, которыми располагаетъ пролетаріатъ, въ томъ числѣ и при помощи всеобщаго избирательнаго права, превращающагося благодаря этому изъ орудія обмана, какимъ оно было до сихъ поръ, въ орудіе освобожденія,

«Французскіе рабочіе-соціалисты, ставя цѣлью своей дѣятельности въ области экономической обобщественіе всѣхъ средствъ производства, рѣшили, въ качествѣ средства организаціи и борьбы, принимать участіе въ выборахъ, для которыхъ выставляютъ слѣдующую программу-минимумъ:

«А. Политическая программа.

«1. Отмѣна всѣхъ законовъ о печати, собраніяхъ и союзахъ, въ особенности—закона противъ *международнаго общества рабочихъ*. Отмѣна рабочихъ

книжекъ и всѣхъ статей уложенія, ставящихъ рабочаго въ низшее по сравнениюъ съ хозяиномъ правовое положеніе.

«2. Уничтоженіе бюджета исповѣданій и возвращеніе націи духовныхъ имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, принадлежащихъ религіознымъ корпораціямъ, въ томъ числѣ и промышленныхъ и коммерческихъ предпріятій этихъ корпорацій.

«3. Всеобщее вооруженіе народа.

«4. Передача въ вѣдѣніе органовъ городского самоуправления исполнительной власти, полиціи и всѣхъ платныхъ общественныхъ функцій.

«В. Экономическая программа.

«1. Однодневный отдыхъ въ теченіе недѣли или законодательное запрещеніе работы болѣе шести дней въ недѣлю. Законодательное сокращеніе рабочаго дня для взрослыхъ до восьми часовъ. Запрещеніе въ частныхъ мастерскихъ труда дѣтей моложе четырнадцати лѣтъ; сокращеніе рабочаго дня до шести часовъ для подростковъ отъ четырнадцати до восемнадцати лѣтъ; надзоръ рабочихъ корпорацій надъ учениками.

«2. Установленный закономъ минимумъ заработной платы, опредѣляемой каждый годъ сообразно съ мѣстными цѣнами на пищевые продукты.

«3. Одинаковая заработная плата для работниковъ обоеихъ половъ.

«4. Всестороннее научное и профессиональное образованіе всѣхъ дѣтей; содержаніе послѣднихъ на счетъ общества, представленнаго въ лицѣ государства и коммунъ.

«5. Содержаніе на счетъ общества стариковъ и инвалидовъ труда.

«6. Устраненіе всякаго рода вмѣшательства работодателей въ дѣло управленія кассами взаимнаго страхованія рабочихъ и т. п., которыя должны перейти въ исключительное вѣдѣніе рабочихъ.

«7. Отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи; въ обезпеченіе работодателемъ вносится залогъ, пропорціонально числу занятыхъ у него рабочихъ и степени опасности данной отрасли промышленности.

«8. Участіе рабочихъ въ выработкѣ специальныхъ правилъ для различныхъ мастерскихъ; отиѣна права, которое присвоили себѣ предприниматели, дѣлать какія бы то ни было взысканія съ рабочихъ, въ формѣ штрафовъ или вычетовъ изъ заработной платы.

«9. Пересмотръ всѣхъ договоровъ, касающихся отчужденія общественной собственности, банковъ, желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ и т. п.; веденіе дѣлъ всѣхъ предпріятій занятыми въ нихъ рабочими.

«10. Отиѣна всѣхъ косвенныхъ налоговъ и превращеніе всѣхъ прямыхъ налоговъ въ прогрессивный налогъ на доходы, превышающіе 3.000 фр. Уничтоженіе права наслѣдства по боковой линіи и всякаго права наслѣдства по прямой линіи для суммъ, превышающихъ 20.000 фр.

«11. Безусловное прекращеніе отчужденія земельной собственности со стороны коммуны или государства.

«12. Обращеніе свободныхъ суммъ муниципалитетовъ на постройку, на принадлежащихъ коммунамъ земляхъ, разнаго рода зданій, какъ, напр., жилищъ, складочныхъ мѣста, чтобы сдавать ихъ въ наемъ, не извлекая изъ этого прибыли, жителямъ».

Въ этомъ документѣ слѣдуетъ отличать двѣ части: принципиальную и практическую. Последняя, имѣющая политическій характеръ и приуроченная къ выборной агитаціи, не можетъ составить предмета нашего разбора. Замѣтимъ только, что она вытекаетъ цѣликомъ изъ очень широкаго взгляда на общественную власть.

Что именно тотъ взглядъ, который получилъ свое выраженіе въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», предлагающемъ захватъ общественной власти; онъ составляетъ прямую противоположность прудонизму. Онъ долженъ быть рассмотрѣнъ самъ по себѣ, а не съ точки зрѣнія его непосредственныхъ послѣдствій.

Программу рабочей партіи можно привести къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: чтобы добиться своего экономического и социальнаго освобожденія, пролетаріатъ долженъ раньше всего избавиться отъ политической опеки буржуазіи. Для этой цѣли онъ долженъ пользоваться, какъ орудіемъ, всеобщимъ избирательнымъ правомъ; но ему придется также прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Онъ долженъ вести свою самостоятельную борьбу своими собственными орудіями, не вступая въ союзъ съ другими классами, интересы которыхъ противоположны его интересамъ. Онъ долженъ стремиться къ замѣнѣ личной собственности коллективной, такъ какъ только обобществленіе средствъ производства въ состояніи обезпечить ему свободу.

Этого простого и краткаго изложенія достаточно для того, чтобы показать, что въ программѣ позаимствовано у марксизма, и что она взяла у бланкизма.

II.

Готская программа заслуживаетъ того, чтобы ее сопоставить съ программой рабочей партіи. И она открываетъ собой новую фазу въ исторіи германскаго социализма, а именно фазу политической организаціи и популяризаціи марксизма. Она была выработана за пять лѣтъ до программы французскаго пролетаріата и оказала на послѣдній непосредственное вліяніе. Готская программа была составлена сейчасъ же послѣ слиянія марксистовъ и лассальянцевъ и носила поэтому отпечатокъ двухъ различныхъ, съ трудомъ уживающихся социальныхъ философій.

«I. Трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой цивилизаціи, и такъ какъ полезный для всѣхъ трудъ возможенъ только благодаря обществу, то обществу-же, т. е. всѣмъ его членамъ, долженъ принадлежать продуктъ труда,

причем каждый долженъ быть обязанъ работать и пользоваться правомъ получать изъ того плода общаго труда часть, необходимую для удовлетворенія его разумныхъ потребностей.

«Въ современномъ обществѣ орудія производства составляютъ монополію класса капиталистовъ; вытекающая отсюда для рабочаго класса зависимость является причиной нищеты и порабоженія во всѣхъ его видахъ.

«Дѣло освобожденія труда должно быть дѣломъ рабочаго класса, въ противоположность къ которому всѣ остальные классы составляютъ одну реакціонную массу.

«II. Исходя изъ этого принципа, германская социалистическая рабочая партія стремится всѣми законными средствами основать свободное государство и социалистическій строй, сломить желѣзный законъ заработной платы, уничтоживъ систему наемнаго труда, прекратить эксплуатацію во всѣхъ ея видахъ, устранить всякое социальное и политическое неравенство.

«Германская социалистическая рабочая партія, хотя и дѣйствуетъ раньше всего въ національной обстановкѣ, проникнута сознаниемъ международнаго характера рабочаго движенія и твердо намѣрена исполнить всѣ обязанности, которыя этотъ международный характеръ налагаетъ на рабочихъ, для того, чтобы братство всѣхъ людей стало совершившимся фактомъ.

«Въ видахъ подготовки путей для разрѣшенія социальнаго вопроса, германская социалистическая рабочая партія требуетъ учрежденія социалистическихъ производительныхъ обществъ, поддерживаемыхъ государствомъ и функционирующихъ подъ демократическимъ контролемъ рабочаго народа. Промышленные и земледѣльческія производительныя общества должны получить широкое распространеніе для того, чтобы они привели къ социалистической организаціи коллективнаго труда».

Какъ выводъ изъ этихъ заявленій, готская программа требуетъ всеобщаго активнаго и пассивнаго избирательнаго права, прямого народнаго законодательства, народной милиціи, отмѣны всѣхъ законовъ, ограничивающихъ свободу выраженія мнѣній, народнаго правосудія, всеобщаго, равнаго государственнаго воспитанія, признанія религіи частнымъ дѣломъ, одинаго прогрессивнаго подоходнаго налога взаменъ существующихъ косвенныхъ налоговъ, установленія нормальнаго рабочаго дня, воскреснаго отдыха, законодательной защиты женщинъ и дѣтей, законовъ о гигиенѣ мастерскихъ, регламентаціи труда въ тюрьмахъ, свободнаго завѣдыванія рабочихъ вспомогательными кассами.

Въ общемъ, германская программа 1875 г. отличается поразительнымъ сходствомъ съ французской программой 1880 г. Какъ и послѣдняя, первая основывается на борьбѣ классовъ и требуетъ обобществленія средствъ производства; хотя она не заявляетъ о томъ, что всѣ элементы грядущаго общественнаго строя находятся въ зародышевомъ состояніи въ современномъ обществѣ, но зато она принимаетъ формулу коммунистическаго способа распредѣленія и «провозглашаетъ желѣзный законъ». Готская программа дѣлаетъ, впрочемъ, лассальянцамъ и другую уступку въ томъ отношеніи, что рекомендуетъ осно-

ваніе субсидируемыхъ государствомъ кооперативовъ, очень похожихъ на тѣ, которые рекомендовалъ Луи-Вьянъ. Но вслѣдъ затѣмъ программа опять становится на точку зрѣнія «Манифеста» и марксизма, указывая на международный характеръ рабочаго движенія.

Эта позиція германской социалдемократіи подверглась суровой критикѣ: мы не можемъ заняться ея разборомъ, не выходя изъ рамокъ нашего труда, тѣмъ болѣе, что программа была нѣсколько разъ измѣнена, главнымъ образомъ, на Эрфуртскомъ конгрессѣ, въ октябрѣ 1901 г.

Эрфуртская программа во многихъ отношеніяхъ полиѣе готской; она отличается большей точностью, нежели программа французской рабочей партіи. Укажемъ на существенныя ея черты: она даетъ очеркъ образованія пролетаріата, растущей пролетаризаціи мелкой буржуазіи, концентраціи земель и машинъ въ рукахъ все болѣе и болѣе ограниченаго меньшинства; она указываетъ на получаемую капиталистами прибавочную стоимость, на своеобразную роль рабочаго класса, на политическій характеръ борьбы, которую онъ ведетъ съ цѣлью экономическаго освобожденія; она подчеркиваетъ международный характеръ этой борьбы, опредѣляемой объединеніемъ мирового рынка. Въ отношеніи переходныхъ мѣропріятій, Эрфуртская программа по существу не отличается отъ готской, но изъ первой исключены заимствованныя у ласальянской системы кооперативныя общества.

Мы воспроизвели и резюмировали эти двѣ важнѣйшія программы, вырабатанныя германскимъ социализмомъ лишь для того, чтобы показать ихъ глубокую аналогію съ французскими социалистическими документами. Мы бы могли съ такимъ же успѣхомъ сослаться на бельгійскія, австрійскія, итальянскія, швейцарскія, датскія, польскія и другія программы, чтобы доказать, какое единство взглядовъ господствуетъ у пролетаріата Стараго и Новаго Свѣта,—единство, вытекающее изъ сліянія въ одно всѣхъ отдѣльныхъ національныхъ теченій. Марксизмъ, вложивъ свой отпечатокъ на рабочій классъ Европы, Америки и Австраліи, нашель во всѣхъ языкахъ однородныя выраженіе.

III.

Намъ остается изучить сочиненія французскихъ толкователей и популяризаторовъ марксизма, заявившихъ себя приверженцами этого ученія и приспособившихъ его воззрѣнія къ потребностямъ французской пропаганды.

Гдѣ, основатель французской рабочей партіи, написалъ немало краткихъ брошюръ, въ которыхъ онъ либо разъясняль коллективистскіе выводы, либо отвѣчалъ на возраженія правобѣрныхъ буржуазныхъ экономистовъ. Одной изъ лучшихъ написанныхъ имъ брошюръ является, по нашему мнѣнію, «Коллективизмъ въ Collège de France» (1883) — отвѣтъ на лекціи и толстые томы Поль Леруа-Волье (Paul Leroy-Beaulieu).

Въ стрѣбъ съ капиталистическимъ способомъ производства, въ которомъ ка-

питалистъ принимаетъ все меньшее и меньшее участіе, всѣ функціи, начиная съ чисто умственныхъ и кончая чисто физическими, выполняются наемными рабочими; единственное участіе капиталиста выражается въ присвоеніи и потребленіи уже произведеннаго продукта.

Леруа-Болье не могъ понять, что обобществленіе машинъ, уничтоживъ классъ, живущій прибылью, обезпечило бы весь продуктъ всей совокупности работниковъ; въ коллективистскомъ строѣ, гдѣ лица, занимающія общественныя должности, при ихъ избираемости и смѣняемости будутъ лишены всякой принудительной власти, эти лица будутъ ни больше ни меньше, какъ простыми сотрудниками.

Либералы защищаютъ капиталистическій способъ присвоенія во имя справедливости, но ихъ справедливость есть не что иное, какъ узаконеніе грабежа, произвола и монополіи. Они, напримѣръ, допускаютъ, чтобы открытіе, вродѣ бессемеровскаго способа приготовленія стали, являющееся результатомъ научныхъ усилій цѣлыхъ поколѣній, эксплуатировалось однимъ человѣкомъ, въ ущербъ всѣмъ прочимъ.

По мнѣнію Леруа-Болье, коллективизмъ идетъ въ разрѣзъ съ общественной пользой, такъ какъ онъ, будто бы, убиваетъ личную инициативу. Какая глубокая ошибка! Въ настоящее время въ интересахъ труда—производить возможно меньше въ возможно большій промежутокъ времени, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть безработицы. Этому соображенію не будетъ мѣста въ новомъ общественномъ строѣ, при которомъ каждый будетъ вознагражденъ, сообразно его труду, при которомъ производство увеличится, благодаря участію въ немъ тѣхъ, кто въ настоящее время ничего не производитъ, благодаря устраненію хищничества, техническому прогрессу, лучшему примѣненію естественныхъ силъ.

Гдѣ показывается также несостоятельность аргументовъ, которые правовѣрные экономисты основываютъ на утвержденіи, будто коллективизмъ уничтожаетъ свободу. Въ коллективистскомъ строѣ рабочій, вмѣсто того, чтобы быть вещью, станеть совладѣльцемъ орудій производства; онъ обратитъ машину въ свою пользу вмѣсто того, чтобы находиться отъ нея въ зависимости, и человѣку будетъ возвращена самостоятельность, которой онъ въ настоящее время лишенъ.

IV

Гдѣ былъ преимущественно пропагандистомъ при помощи устнаго слова; Лафаргъ посвятилъ себя печатному разбору марксистскаго ученія и отдалъ на служеніе социалистической мысли свой легкій, живой слогъ и замѣчательную политико-экономическую эрудицію. Его маленькая брошюра—«Право на лѣнъ» (1880 г.)—обошла весь свѣтъ и вполне заслуживаетъ эту популярность прекрасными страницами, посвященными роли механическихъ орудій производства, этихъ искупителей человѣчества; но наиболѣе сильнымъ изъ написанныхъ

имъ произведеній является «Коммунистическая теорія собственности», трудъ, посвященный Энгельсу.

Буржуазные экономисты смотрятъ на форму собственности, какъ на что-то застывшее, не подвергающееся разбитію; но въдѣ капиталистическая форма собственности получила свое значеніе всего нѣсколько вѣковъ тому назадъ, вслѣдствіе развитія торговой политики. Она родилась «отъ эксплуатаціи свободнаго производителя, у котораго ежедневно отнимается часть произведенныхъ имъ стоимостей». Но она составляетъ лишь звено въ общей цѣпи послѣдовательныхъ эволюцій: и до нея существовала коммунистическая собственность рода и коллективная собственность античной семьи.

Полный промышленный переворотъ совершился, главнымъ образомъ, въ 1789 г., когда промышленность и торговля были освобождены отъ всякихъ путъ, и когда промышленность совершенно отдѣлилась отъ земледѣлія.

Земледѣліе подверглось вторженію капитализма; машины подчинили себѣ землю; онѣ служили сельскохозяйственнымъ переворотамъ, необходимымъ для удовлетворенія потребностей горожанъ; пришлось скоро открыть границы для ввоза иностранныхъ съѣстныхъ припасовъ, между тѣмъ какъ деревенское населеніе бѣжало въ города; торговля хлѣбомъ, мясомъ, масломъ, стала международной, и міровая конкуренція привела къ постоянному сельскохозяйственному кризису.

Не менѣе коренному перевороту подверглась и промышленность. Сначала произошло раздѣленіе труда между отдѣльными городами, затѣмъ вся страна раздѣлилась на отдѣльные экономическіе организмы—хлопчатобумажный, горный, металлургическій,—находившіеся всѣ въ зависимости другъ отъ друга; наконецъ, сами народы, раздѣливъ между собой міровое производство, вступили во взаимную между собою зависимость. «Капиталистическое производство, разрушивъ хозяйственную единицу ремесленнаго производства, ограниченную даннымъ городомъ или провинціей, теперь готово разрушить созданный имъ самимъ національный организмъ и замѣстить его болѣе обширнымъ—международнымъ».

Въ силу происшедшихъ переменъ, роль купца, посредника, все болѣе и болѣе увеличивалась, и преобладаніе финансоваго дѣльца, банкира стало, подавляющимъ. Финансовая аристократія основала свое господство на продажѣ національныхъ имуществъ, на ликвидаціи земель 1793 г., на ростѣ государственнаго долга, на тысячахъ явленій, характеризующихъ развитіе капиталистическаго строя. Она поглощаетъ все, централизуя и направляя въ разныя стороны потоки золота; она управляетъ производствомъ, отдаетъ свои приказанія печати и правительству, совершенно измѣняетъ внѣшній видъ общества и распредѣленіе богатствъ путемъ непрерывнаго ажіотажа. Она—чудовищный цвѣтъ капиталистической цивилизаціи. Она установила своеобразный видъ коллективизма, несомнѣнно, подготовляющій къ социалистическому коллективизму.

Въ первобытномъ обществѣ собственность имѣла своимъ происхожденіемъ трудъ. Эта бывшая дѣйствительность обратилась въ наше время въ фикцію,

потому что собственность теперь лишена всякого личного характера; акционеръ, оторванный отъ своего помѣстья, есть не что иное, какъ номинальный владѣлецъ и паразитъ, въ такой же мѣрѣ бесполезный, какъ дореволюціонный помѣщикъ; такимъ образомъ «смертный приговоръ его (акціонера) класса подписанъ, и экономическія явленія сами же совершать его казнь».

Современный строй самъ подготовилъ элементы сложнаго и научнаго коммунизма, который придетъ ему на смѣну, подготовивъ обобществленіе труда и орудій производства. Онъ самъ ускоряетъ свое паденіе, уменьшая съ каждымъ днемъ численность господъ, соединяя пролетаріевъ, осуществляя мало-по-малу организацію, къ которой стремилась революція 1848 г. Тогда человекъ останется только управлять машиной: послѣдняя, вынѣ порабощающая рабочаго, сдѣлаетъ его свободнымъ; тогда останется одинъ пролетаріатъ, потому что границы, распатанныя капиталистическимъ космополитизмомъ, будутъ навсегда уничтожены. Человекъ подчинилъ себѣ природу, чтобы впасть въ рабство къ имъ же созданному общественному строю. Силы капитализма его пытаются и губятъ; во эти же силы приведутъ къ его окончательному освобожденію. Коммунизмъ насъ окружаетъ и ждетъ только момента общественнаго переворота. «Какъ плодъ ребенка въ утробѣ матери, онъ растетъ и движется въ современномъ обществѣ».

V.

Девилль ¹⁾, познакомившій насъ съ «Капиталомъ» Маркса, воспользовался трудами вѣмецкаго мыслителя для извѣстнаго числа публичныхъ лекцій, которыя онъ впоследствии издалъ подъ заглавіемъ: «Соціалистическіе принципы». Мы не намѣрены ихъ резюмировать полностью; приведемъ лишь нѣсколько характерныхъ цитатъ.

«Во Франціи, какъ и повсюду въ настоящее время, социализмъ, который неминуемо долженъ восторжествовать, это социализмъ, вытекающій изъ экономической критики Маркса... Что составляетъ научную силу доктрины, это именно то, что, какъ съ точки зрѣнія ея примѣненій, такъ и въ отношеніи утвержденій, она является лишь вѣрнымъ толкованіемъ общественной жизни, разсматриваемой въ ея матеріальныхъ основахъ и во всемъ разнообразіи всѣхъ ея проявленій».

Относительно экономического матеріализма Деви́ллъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Въ основѣ всего, что касается человека, мы находимъ вліяніе естественной и экономической среды, и если безусловно вѣрно то, что мы

¹⁾ Мы здѣсь разсматриваемъ только популяризаторовъ Маркса и совершенно не входимъ въ разборъ политической роли приводимыхъ нами личностей. Деви́ллъ не принадлежитъ больше къ рабочей партіи, членомъ которой онъ раньше состоялъ.

признаемъ преобладающее вліяніе за экономической средой, то, съ другой стороны, насъ совершенно неосновательно обвиняють въ томъ, что будто мы не признаемъ вліянія человѣческаго ума; неосновательно—потому, что мы считаемъ человѣческой умъ созидателемъ этой среды. Мы только не забываемъ, что на какой бы ступени развитія ни находилось человѣчество, роль умственного фактора ограничивается тѣмъ, что онъ обрабатываетъ элементы, предварительно почерпнутые въ экономической средѣ».

Авторъ сочиненія «Соціалистическіе принципы» не любитъ останавливаться на подробностяхъ организаціи будущаго общественнаго строя, потому что «соціализмъ не претендуетъ на то, чтобы предшествовать экономическимъ фактамъ: онъ довольствуется тѣмъ, что слѣдуетъ за ними и приспосабливается къ условіямъ, которыя не имъ создаются».

Девилль стоитъ за завоеваніе выборныхъ мѣстъ, но отвергаетъ всеобщую стачку. Онъ указываетъ на различіе, которое слѣдуетъ установить между обществомъ, неотдѣлимимъ отъ личностей, и государствомъ, находящимся внѣ ихъ и подлежащимъ уничтоженію послѣ того, какъ будетъ осуществлено обществленіе.

Программа рабочей партіи, какъ и сочиненія ея пропагандистовъ, показываютъ намъ, насколько марксизмъ проникъ въ одну часть французскаго пролетаріата. Мы докажемъ, что марксизмъ оказалъ вліяніе и на другихъ писателей или на партіи, считающія себя прямыми продолжателями стараго французскаго соціализма.

Интеграллисты.

I.

Выраженіе «Интегральный соціализмъ», которымъ озаглавлено самое извѣстное произведеніе Бенуа Малона (Benoit Malon) и которое заключаетъ въ себѣ теоретическую программу извѣстнаго числа рабочихъ организацій Франціи, никогда не было хорошо понято по ту сторону Рейна. По крайней мѣрѣ, до ближайшаго къ намъ времени оно не оказало вліянія на германскую соціалдемократію. Бернштейнъ явился выразителемъ новыхъ тенденцій, обнаружившихся также въ Бельгіи, Голландіи и Италіи, и нельзя оспаривать также, что идеалистическое теченіе, явившееся, главнымъ образомъ, плодомъ французской мысли періода іюльской монархіи, вышло за предѣлы Франціи.

Это теченіе можетъ показаться реакціей противъ чистаго марксизма, протестомъ противъ объясненія историческихъ событій исключительно эконо-

мическими факторами. На самомъ же дѣлѣ, тутъ нѣтъ никакого непримиримаго антагонизма, мы тутъ имѣемъ скорѣе дѣло съ примиреніемъ, чѣмъ съ открытой борьбой.

Историческое объясненіе, данное «Коммунистическимъ Манифестомъ», формулированные имъ законы пролетарской борьбы, научно выведенныя предсказанія, нисколько не оспариваются цѣликомъ. Никто не думаетъ отрицать того, что производственныя отношенія опредѣляютъ измѣненія соціальной структуры, или что антагонизмъ классовъ является доминирующей чертой современнаго положенія. Впрочемъ, подобное абсолютное отрицаніе противорѣчило бы заключеніямъ социализма 1840 г. Но писатели, вернушіеся къ традиціямъ Пеккера, Луи-Блана, Кабэ и Прудона, полагали, что марксистская теорія грѣшитъ неполнотой; они ее упрекали въ томъ, что она оставляетъ въ тѣни цѣлый рядъ существенныхъ данныхъ, что она совершенно игнорируетъ область морали.

«Капиталь», сочиненія Энгельса, программы 1880 г. во Франціи и 1891 г.—въ Германіи, совершенно игнорируютъ естественное право и врожденное человѣку чувство справедливости; идеалисты хотятъ опредѣлить вліяніе человѣческой совѣсти на историческій ходъ вещей, изслѣдовать не только проблемы матеріальнаго характера, но и всѣ стороны человѣческаго существованія. Они не отвергаютъ реалистическихъ взглядовъ, господствовавшихъ больше полувѣка, но, по ихъ мнѣнію, эти взгляды освѣщаютъ лишь одну сторону общественной жизни, и они не желаютъ оставить въ тѣни другую сторону. Интегральный социализмъ не отказывается, слѣдовательно, отъ наслѣдства коммунистовъ, но онъ въ то же время принимаетъ и наслѣдство мыслителей, къ которымъ «Коммунистическій Манифестъ» относится отрицательно. Таковы, по крайней мѣрѣ, основныя тенденціи, которыя мы найдемъ у Бенуа Малона, родоначальника этой школы, у его наиболѣе вѣрнаго послѣдователя Фурнье́ра и, наконецъ, у Жореса.

II.

Бенуа Малонъ, быть можетъ, не столь замѣчательенъ своими литературными заслугами, какъ пройденной имъ жизненной карьерой. Его главныя произведенія: «Третье пораженіе пролетаріата» (1871 г.), «Критическая исторія политической экономіи» (1876 г.), «Новая партія» (1881 г.), «Интегральный социализмъ» (1891 г.), «Общественная мораль» (1896 г.), не въ состояніи, конечно, соперничать съ произведеніями великаго періода 1840 г., но они заслуживаютъ нашего вниманія, по меньшей мѣрѣ, какъ популяризаціи. Но, какъ человѣкъ, Малонъ представляетъ собой болѣе крупное явленіе, чѣмъ, какъ писатель.

Форе́зійскій пастухъ, ставшій затѣмъ красильщикомъ въ Пюто, путемъ неумоимаго труда добился широкаго и основательнаго образованія. Если

онъ часто загромождаетъ свое изложеніе разными цтатами и перечисленіями, не разбираясь въ томъ, какія изъ нихъ нужны и какія излишні, то лишь потому, что недостатокъ времени не позволилъ ему привести въ порядокъ огромную массу накопленныхъ, собранныхъ имъ фактовъ и знаній. Онъ является яркимъ примѣромъ того, чего можетъ достигнуть пролетаріатъ, когда онъ проникается сознаніемъ своей общественной мисси и своего порабощенія. Одной лишь роли Малона, какъ борца, было бы достаточно, чтобы внушить къ себѣ уваженіе потомства, если бы даже онъ не пытался воспитывать массы. До и послѣ Коммуны, въ нѣсколько забытый теперь періодъ воинствующаго социализма, въ то время, когда противники капитализма подвергались всевозможнымъ гоненіямъ, Малонъ одновременно отдавался дѣлу политической и профессиональной организациі рабочаго класса, и его вліяніе не оставалось бесплоднымъ.

Въ сочиненіи «Интегральный социализмъ», а еще больше—въ произведеніи «Общественная мораль» онъ изложилъ сущность своей доктрины. По его мнѣнію, социализмъ слѣдуетъ разсматривать со всѣхъ его сторонъ, со всѣми элементами, изъ которыхъ онъ образовался, и со всѣми его проявленіями; онъ есть вѣнецъ всего, а потому извлекаетъ пользу изъ всѣхъ видовъ прогресса. «Человѣкъ живетъ не одними лишь политическими и экономическими интересами. Социализмъ, стремящійся къ осуществленію высшей формы цивилизациі, долженъ изслѣдовать всѣ болячки нашего вѣка, давать отвѣты на всѣ великія проблемы... Думать, что борцы за обновленіе человѣчества должны заботиться исключительно о матеріальныхъ интересахъ рабочаго люда и могутъ безнаказанно игнорировать духовные, моральныя его запросы, значить готовить себѣ въ будущемъ жестокаго разочаранія».

Чисто-матеріалистическое движеніе является естественной реакціей противъ утопизма; оно объясняется событіями 1830, 1848 и 1871 гг.

Но хотя положенія о борьбѣ классовъ и о завоеваніи политической власти слѣдуетъ признать вѣрными, ихъ нельзя признать исчерпывающими, потому что они упускаютъ изъ виду нѣкоторые иныя двигательныя силы первостепенной важности. «Культъ права и справедливости, горячая любовь къ человечеству—активныя силы, и французская революція имъ отчасти обязана своей побѣдой надъ европейской реакціей». Не менѣе недостаточенъ классовый социализмъ и въ практическомъ отношеніи, потому что онъ «не взываетъ къ альтруистическимъ чувствамъ всѣхъ людей, безъ различія классовъ». Признавая одинъ лишь классовый антагонизмъ, безъ всякихъ поправокъ, мы развиваемъ скорѣе критическій, чѣмъ положительный социализмъ. Но чистая критика, очень дѣнная въ дѣлахъ разложенія старыхъ началъ, ставшихъ зловредными, въ то же время вредитъ и будущему, такъ какъ устраняетъ безъ разбору и нѣкоторые дѣнные элементы, которые, несмотря на свою принадлежность къ прошлому, необходимы для дѣла общественнаго обновленія.

Мировоззрѣніе Малона не отличается особенной стройностью. Онъ провозглашаетъ борьбу классовъ, но это ему не мѣшаетъ совѣтовать обращаться

къ власть имущимъ, обладающимъ хотя какимъ нибудь благородствомъ или умомъ. Конечно, это туманное положеніе далеко отъ очень ясной идеи о со-трудничествѣ классовъ, провозглашенной старымъ французскимъ утопическимъ социализмомъ. Мы хотимъ только указать на причины этого отклоненія отъ марксистскаго ученія; онѣ, эти причины, лежатъ въ quasi-метафизическихъ положеніяхъ интегральнаго социализма. Въ самомъ дѣлѣ, послѣдній не огривичивается предвозвѣщеніемъ новаго экономическаго строя; онъ надѣляется этотъ строй моралью, элементы которой онъ заимствуетъ у Конта и Шопенгауэра, проповѣдуя объединеніе для борьбы, а также соблюденіе нѣкоторыхъ добродѣтелей, характерныхъ для первобытнаго христіанства: справедливость и солидарность, искренность и доброту, уваженіе и состраданіе.

Малонъ старается установить плавъ перехода отъ современнаго общественнаго строя къ коммунистическому, онъ стоитъ за обобществленіе орудій производства и обнаруживаетъ въ современномъ обществѣ разныя тенденціи, которыя должны содѣйствовать полному перевороту: эволюція государства, собственности, труда, семьи; онъ даже упрекаетъ писателей июльской монархіи въ томъ, что они игнорировали экономическіе законы, и воздаетъ должное экономическому материализму, дающему намъ ясныя перспективы будущаго; но тутъ же онъ добавляетъ, что пролетаріатомъ не исчерпывается социализмъ, что классовый интересъ не есть единственный общественный двигатель, и требуетъ искорененія губительнаго духа нетерпимости и сектанства.

Его программа переходныхъ реформъ напоминаетъ собой, съ нѣкоторыми измѣненіями, программы-минимумъ французской рабочей партіи и германской социалдемократіи. Онъ—врагъ насильственнаго переворота, который можетъ ускорить развязку, но можетъ также повредить дѣлу. Онъ предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, которыя на время усилиять государственную власть, но въ то же время обратятъ ее на пользу рабочему классу: рабочее законодательство и международная регламентація труда; провозглашеніе права на существованіе, санкціонированнаго общественнымъ страхованіемъ, которое обойдется въ три миллиарда фр.; учрежденіе министерства труда, общественныхъ мастерскихъ, земледѣльческихъ колоній и ассоціацій; основаніе національнаго банка; монополизация желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ; организація коммунальныхъ монополій, широкое распространеніе образованія всѣхъ разрядовъ.

Малонъ въ конечныхъ выводахъ приходитъ къ коллективизму, который онъ считаетъ компромиссомъ между господствующимъ въ настоящее время индивидуализмомъ и утопическимъ коммунизмомъ, но, въ заботахъ о томъ, чтобы пріобщить къ социализму всю совокупность идейныхъ теченій, дабы оправдать такимъ образомъ свой слишкомъ оптимистическій взглядъ на современную эпоху, онъ одинаково привѣтствуетъ Фулье, Ренана, Шефле, Лавелля, какъ писателей, подготовившихъ торжество новаго общественнаго строя. Нельзя оспаривать того, что каждый философъ, содѣйствующій освобожденію человѣческой мысли, тѣмъ самымъ приноситъ пользу пролетаріату. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что не нужно дѣлать различія между писателями, до-

бровольно посвятившими себя дѣлу пролетаріата, и тѣми, которые, оставаясь къ нему индифферентными или даже относясь къ нему враждебно, козвеннымъ образомъ приносятъ ему пользу. Довѣрчивое отношеніе Бенуа Малона къ буржуазнымъ писателямъ, свойственное и его послѣдователямъ, не менѣе опасно, чѣмъ вѣра Сенъ-Симова или Консидерана въ человѣческой альтруизмъ.

III.

Фурньеръ продолжаетъ развивать мысли своего учителя въ сочиненіи «Общественный идеализмъ» (1898 г.). Онъ пытается вывести изъ современной общественной структуры указанія относительно возможнаго будущаго. Онъ далекъ отъ мысли изъ своей головы создать общественную конструкцію: развѣ достаточно было бы сдѣлать подобнаго рода изобрѣтеніе для того, чтобы измѣнить весь ходъ общественнаго развитія? Утопіи первой половины XIX вѣка могли имѣть свою цѣну, но этотъ этапъ общественной мысли давно уже пройденъ, и въ настоящее время слѣдуетъ создавать свой идеаль на основаніи строгаго анализа всѣхъ окружающихъ явленій; этотъ идеаль, по необходимости, долженъ, главнымъ образомъ, заключаться въ улучшеніи условій жизни, въ болѣе устойчивой обезпеченности, въ болѣе тѣсной солидарности.

Подобно Малону, Фурньеръ обращаетъ вниманіе на экономическія данныя, на явленія производства и обращенія собственности. Формы собственности получаютъ все болѣе рѣзко выраженный общественный характеръ, по мѣрѣ того, какъ все яснѣе опредѣляется договорный характеръ ихъ установленія и по мѣрѣ того, какъ законодательство и общественныя учрежденія все болѣе подрываютъ старинныя начала римскаго права.

Собственность есть осязаемое проявленіе и гарантія индивидуальной свободы. Но не одна лишь индивидуальная собственность обезпечиваетъ личную свободу. Личная собственность явилась слѣдствіемъ общественнаго раздѣленія труда, подобно тому, какъ капиталистическая собственность создавалась вслѣдствіе мануфактурнаго раздѣленія труда. Машины произвели переворотъ въ способѣ присвоенія въ прошломъ, революционизируютъ его въ настоящемъ, уже теперь уравниваютъ условія существованія 160 милліоновъ людей и, продолжая свое дѣло, ведутъ насъ къ новой общественной формѣ—новой не только по своему виду, но и по своему назначенію.

Капитализмъ, черпавшій свои силы изъ конкуренціи, а также изъ средствъ, предоставляемыхъ ему государствомъ, кредитными учрежденіями, желѣзными дорогами, рудниками, осужденъ самымъ ходомъ вещей; экономической детерминизмъ не удовлетворяетъ Фурньера: во имя справедливости, онъ осуждаетъ эксплуатацію человѣка человѣкомъ; во имя честности, онъ клеймитъ ажіотажъ. Строй, къ которому мы приближаемся, есть коллективизмъ, который будетъ установленъ путемъ конверсій, погашенія и пожизненной ренты. Если господствующій классъ не будетъ особенно сопротивляться установленію новаго об-

щественнаго строя, то ему будутъ уплачиваться ежегодно суммы въ счетъ погашенія экспропрированнаго капитала; въ противномъ случаѣ, онъ будетъ экспропрированъ безъ всякаго вознагражденія.

Коллективизмъ не установитъ полнаго равенства, а лишь возможный максимумъ равенства; во всякомъ случаѣ, всякое усиліе будетъ справедливо вознаграждаться. Онъ обезпечитъ каждому максимумъ свободы и явится только переходнымъ этапомъ отъ современнаго государства къ коммунизму. Правительство, являющееся въ настоящее время орудіемъ угнетенія, мало-по-малу исчезнетъ, и его функціи будутъ распределены между общественными организаціями.

Каждое человѣческое поколѣніе имѣло свой идеалъ. Прежде человѣческимъ идеаломъ было безсмертіе мысли, отдѣленной отъ тѣла, затѣмъ идеаломъ стали солидарность и коллективный долгъ. Соціализмъ подготавливаетъ почву для государства будущаго, въ которомъ найдутъ убѣжище наши потомки. Все благопріятствуетъ соціализму, все ведетъ къ торжеству общественной формы собственности: развитіе производительныхъ силъ, все болѣе и болѣе широкое приложеніе науки къ промышленности, обнаруженіе истиннаго характера частной собственности, являющейся не чѣмъ инымъ, какъ кристаллизаціей неоплаченнаго труда. Но не менѣе матеріальныхъ условій созрѣли и моральные элементы коллективизма и коммунизма. Капитализмъ, создавъ наемнаго рабочаго, разрушилъ семью. Живщина добилаь признанія правъ своей личности, такъ что общественной ячейкой стала личность, безъ различія пола. Обладающій огромнымъ богатствомъ знаній, преисполненный чувства справедливости, освобожденный отъ гнета поработощающаго государства, человѣкъ объявитъ себя живымъ закономъ и подчинитъ себѣ машину. При свѣтѣ просвѣщенія, мы провѣкаемся сознаніемъ широкихъ перспективъ будущаго: соціальная неизбѣжность существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока сохраняется невѣжество.

IV.

Довольно трудно опредѣлить соціальное міровоззрѣніе Жореса. Мы нигдѣ у него не находимъ систематическаго изложенія его взглядовъ: въ пылу полемики, онъ поочередно касается самыхъ разнообразныхъ, занимающихъ насъ вопросовъ, не подвергая ихъ никакой систематизаціи. Кромѣ того, его мысль эволюционируетъ, приспособляясь къ мѣняющимся обстоятельствамъ и не обращая особеннаго вниманія на допускаемые противорѣчія. Его политическая роль—а она ограничена—имѣла отрицательное вліяніе на развитіе его міросозерцанія. Повседневная парламентская дѣятельность привела его къ тому, что онъ сталъ подчинять свои выводы и теоретическія соображенія выгодамъ тактики, вмѣсто того, чтобы свои голосованія и образъ дѣйствій подчинить твердымъ принципіальнымъ соображеніямъ. Отсюда—противорѣчивыя или туманныя положенія, которыя мы нерѣдко встрѣчаемъ у Жореса по цѣ-

лему ряду существенныхъ вопросовъ. И никто не можетъ поручиться за то, что эволюція его возрѣній закончилась, и что онъ въ будущемъ не сдѣлалъ, дальнѣйшихъ принципіальныхъ уступокъ: онъ колеблется между чистымъ социализмомъ и реформаторскимъ социализмомъ, представляющимъ собой не что иное, какъ государственный социализмъ или систему Луи-Блана и Видала. Жоресъ пытается примирить эти два направленія, но на дѣлѣ онъ постоянно измѣняетъ первому ради второго, и нельзя оспаривать того, что даже въ его противорѣчивыхъ утвержденіяхъ, даже въ его скрытомъ признаніи чего-то въ родѣ сотрудничества классовъ, сказывается вліяніе на него Малона.

Если логически развить взглядъ Малона относительно альтризма, то безусловно можно придти къ выводу о сотрудничествѣ классовъ, который впервые подвергъ такой рѣзкой критикѣ Прудонъ. Оптимисту противны нѣкоторыя виды борьбы; убѣжденный въ врожденной людямъ добротѣ, онъ хочетъ соединить всѣхъ людей для борьбы съ дурными учрежденіями, не считаясь съ тѣмъ, что эти самыя учрежденія приводятъ къ угнетенію и дѣленію людей на классы. Жоресу свойствененъ почти безграничный оптимизмъ; онъ вѣритъ въ возможность того, что буржуазія поможетъ пролетариату эмансипироваться не путемъ индивидуальныхъ дѣйствій отдѣльныхъ выходцевъ изъ буржуазнаго класса—на возможность такого рода дезертирства указывалъ и Марксъ,—а путемъ общаго, почти коллективнаго содѣйствія.

Во всякомъ случаѣ, чѣмъ дальше онъ идетъ въ анализѣ своей мысли, тѣмъ больше инстинктивное отвращеніе проявляетъ онъ къ употребленію силы, къ установленію знаменитой безсильной диктатуры пролетариата. Послѣдній долженъ оставаться на легальной почвѣ, чтобы не вызвать контр-революціонной коалиціи. Въ своихъ «Соціалистическихъ очеркахъ» (1902 г.) Жоресъ формулировалъ свое міровозрѣніе съ нѣкоторой ясностью. Экономическія, матеріальныя условія жизни работниковъ не ухудшаются; соціальной катастрофы бояться не приходится. Рабочій классъ достигнетъ, слѣдовательно, власти не насильственно-революціоннымъ путемъ, а путемъ законной и методической организаціи собственныхъ силъ, подъ эгидой демократіи и всеобщаго избирательнаго права. И именно потому, что пролетариатъ ничего не можетъ ожидать отъ насильственнаго образа дѣйствій, онъ долженъ, въ соотвѣтствіи съ этимъ, лучше опредѣлить свои конечныя цѣли. Жоресъ не измѣняетъ совершенно Марксу, въ томъ смыслѣ, что признаетъ классовый антагонизмъ и преобладающее значеніе производственныхъ отношеній; но то, что овъ косвенно отвергаетъ примѣненіе народной силы и осуждаетъ знаменитое мѣсто въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» и бланкизмъ, приближаетъ его къ идеалистической школѣ.

Чтобы обосновать свою позицію, онъ ссылается на исторію, указывая на то, что всякій успѣшный переворотъ является дѣломъ рукъ большинства, и что движеніе 1789 г. охватило 24 милліона гражданъ противъ 200.000, (что фактически невѣрно); онъ преувеличиваетъ силу сопротивленія буржуазіи и утверждаетъ, что она жизнеспособна. Затѣмъ онъ логическимъ путемъ дохо-

дить до отрицательнаго отношенія къ всеобщей стачкѣ, или, по крайней мѣрѣ, охотно перечисляетъ всѣ ея недостатки. Хотя Жоресъ претендуетъ на то, что сохраняетъ во всей неприкосновенности революціонную мощь пролетаріата, онъ на дѣлѣ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, отводитъ рабочему классу исключительно законную арену дѣятельности. Это теорія, по поводу которой можно спорить, но она, безусловно, представляетъ собой уклоненіе отъ марксизма.

Преобладающая черта темперамента Жореса—это его тенденція найти во всѣхъ фактахъ современности элементы осуществленія коммунизма, а также открыть во всѣхъ литературныхъ или научныхъ произведеніяхъ данныя для пролетарской пропаганды. Для Жореса, какъ и для Малона, противоположныя теченія взаимно уничтожаются или сливаются въ направленія, отвѣчающихъ его воззрѣніямъ. Повсюду, гдѣ онъ находитъ выраженіе идея справедливости, повсюду, гдѣ кипитъ жизнь, повсюду, гдѣ основывается ассоціація—соціализмъ находитъ матеріаль для построенія будущаго своего зданія. Даже гражданское уложеніе ограженіями, внесенными имъ въ принципъ собственности, своимъ наслѣдственнымъ правомъ, какъ и законами, касающимися опеки, затѣмъ законъ объ экспропріаціи, наконецъ, рабочее законодательство, проторили уже дорогу для новой формы собственности. Въ этихъ неоригинальныхъ, и не выдаваемыхъ, впрочемъ, за оригинальныя, утвержденіяхъ содержится частица правды. Но отъ этого еще далеко до того, чтобы привѣтствовать во всемъ, даже въ произведеніяхъ буржуазнаго деспотизма, предвѣстниковъ будущаго; опасно внушать рабочему классу губительную и принижающую его довѣрчивость. Это самый главный упрекъ, который можно послать по адресу идеализма Малона, какъ и по адресу утопизма 1840 г., усыпавшаго себя славной, но обманчивой мечтой о братствѣ людей. Было бы, однако, несправедливо смѣшивать оба направленія. Послѣднее имѣло лишь частичное представленіе о матеріальной структурѣ капиталистическаго общества или же не могло установить внутренніе законы, управляющіе этимъ обществомъ; малонизмъ, напротивъ того, находился подъ обаяніемъ Маркса и Энгельса, ихъ научнаго коммунизма, всю діалектическую мощь и практическое значеніе котораго онъ вполне оцѣнилъ и отъ котораго не могъ отказаться. Къ чести его, слѣдуетъ замѣтить, что онъ и не пытался освободиться отъ вліянія марксизма и старался только приспособить его къ своимъ сантиментальнымъ абстракціямъ.

Лучшую часть очерковъ Фурньера и Жореса, какъ и книгъ Малона, составляютъ, опять-таки, идеи, заимствованныя ими изъ «Коммунистическаго Манифеста» 1848 г. Эти три публициста, которыхъ темпераменты увлекли по различнымъ путямъ, своими произведеніями широко содѣйствовали славѣ «Коммунистическаго Манифеста».

Государство будущего.

I.

Современный социализм не ограничивается только тѣмъ, что вскрываетъ язвы промышленнаго капитализма и указываетъ на элементы его разложенія. Онъ пытается также распознать черты новаго строя, опредѣляя способъ его установленія и предусматривая его экономическую, политическую и социальную организаціи.

Эти положительныя построенія—мы преднамѣренно оставляемъ въ сторонѣ измышленія Беллами, Вильямовъ Мориссонъ и т. п.—вызываютъ со стороны буржуазныхъ политико-экономистовъ рѣзкія и презрительныя насмѣшки. Когда социалисты отказываются разработать подробный планъ государства будущаго, имъ противопоставляютъ наказы 1789 г. и упрекаютъ ихъ въ авантюризмъ самаго худшаго сорта за то, что они, будто-бы, сами не знаютъ, къ чему стремятся. Когда же они формулируютъ свою программу, ихъ называютъ мечтателями, склонными превратить поэтическую мечту въ непосредственную дѣйствительность.

Лучше всего поэтому коллективистамъ и коммунистамъ не особенно обращать вниманіе на мнѣнія ихъ противниковъ, потому что не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что псевдо-либералы всегда будутъ на нихъ нападать и въ одно и то же время будутъ ихъ упрекать и въ стремленіи увеличить прерогативы власти и въ желаніи ввести слишкомъ неограниченную свободу.

Всегда полезно отдѣлаться отъ неопредѣленности, дабы придти къ единству. Рабочій классъ давно уже требуетъ, чтобы, помимо разрушительной критики, ему давали и указанія стносительно новаго общественнаго строя, подготавлиаемаго историческимъ ходомъ вещей. Пролетаріи готовы мириться съ тѣмъ, что они умрутъ раньше, чѣмъ коснутся порога обѣтованной земли, но имъ хочется подняться на гору, чтобы хоть издали увидеть эту новую страну, куда вступаютъ грядущія поколѣнія. Соціалистическіе писатели, пытавшіеся нарисовать отличный отъ современнаго общественный строй, удовлетворили, слѣдовательно, назрѣвшей потребности пролетарской души. Они въ то же время дали богатый матеріалъ для пропаганды соціалистическихъ идей, которая выигрываетъ въ активности и прочности, благодаря тому, что ей приходится опираться не исключительно на отвлеченности.

Раньше всего слѣдуетъ сдѣлать различіе между тѣми построеніями, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, и тѣми, которыя оставлены намъ въ наслѣдство минувшей эпохой. Послѣднія утопичны—и не только по своей формѣ, но, главнымъ образомъ, и по своему содержанію. Они появились въ такое время, когда внутренняя работа экономического организма и революціонная роль производительныхъ силъ были еще мало извѣстны, и когда вслѣдствіе этого хартія новаго человѣчества опиралась исключительно на отвлеченныя понятія

о братствѣ, человѣческой добротѣ и справедливости. Такова, въ частности, «Икарія» Кабэ, не уступающая лучшимъ коммунистическимъ фикціямъ нашей эпохи и даже превосходящая большинство изъ нихъ. Напротивъ того, планы социалистическаго государства, появившіяся за послѣднія нѣсколько лѣтъ, составлены по дѣйствительно научному методу. Они приспособлены къ самому ходу развитія органическихъ явленій современности, которыя они стараются оправдать, выводя изъ нихъ, путемъ тщательнаго анализа, вытекающія изъ нихъ тенденціи.

Они выражаютъ въ конкретной, осязательной формѣ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ социальная наука; ихъ можно защищать и обосновать, не прибѣгая къ сантиментальностямъ или къ мистической вѣрѣ въ новый видъ альтруизма. Въ общемъ, научно обоснованныя построенія ХХ в. настолько же противоположны утопіямъ 1840 г., насколько социализмъ Маркса противоположенъ социализму Севъ-Симона.

Однако, архитекторы будущаго общественнаго зданія не всегда избѣгали ошибокъ. Если Жоржъ Ренаръ ограничился установленіемъ принциповъ, вытекающихъ изъ критики капиталистическаго строя, то другіе пытались дойти до послѣднихъ выводовъ изъ этихъ принциповъ; они пустились въ подробности; они изобразили всѣ колеса и колесики коллективистскаго механизма; но имъ пришлось споткнуться о тотъ самый камень, отъ котораго ихъ же предостерегали. Всякая попытка быть абсолютно точнымъ и оставить большую дорогу, чтобы блуждать по мелкимъ дорожкамъ и тропинкамъ, — бесплодна и даже опасна.

Второстепенныя и третьестепенныя линіи подготовляющагося строя обрисуются лишь послѣ того, какъ собственность будетъ обобществлена. Наказы 1879 г. требовали ограниченія королевской прерогативы и контроля собраній, но предоставляли палатамъ самимъ опредѣлить свой распорядокъ.

II.

Между положительными построеніями, отмѣчающими собой новѣйшую фазу въ исторіи социалистической мысли, существуютъ три произведенія, по нашему мнѣнію, особенно заслуживающія вниманія: «Социалистической строй» Жоржа Ренара, «Примѣненіе коллективистской системы» Деливьера и «Государство будущаго» Тарбуриеша. Мы ихъ рассмотримъ въ томъ же порядкѣ, въ которомъ мы ихъ перечислили, во-первыхъ, потому, что это хронологическій порядокъ, а, во-вторыхъ, потому, что онъ въ нѣкоторомъ родѣ соответствуетъ порядку изложенія отъ простаго къ сложному.

Жоржъ Ренаръ избѣгъ нападокъ злостной критики, такъ какъ онъ въ своемъ описаніи коллективистскаго государства не вдавался въ детали; но если вопросы объ освѣщеніи и отопленіи его занимаютъ меньше, чѣмъ они занимали Фурье, Консидерана и Кабэ, то зато онъ намъ даетъ довольно ясное

представленіе о будущемъ строѣ. Будучи интегралистомъ, подобно Малону, онъ стремится привести въ соотвѣтствіе развитіе общества съ развитіемъ личности, отыскать одновременно высшую точку справедливости и возможный максимумъ пользы, принимая въ соображеніе матеріальныя и моральныя основы проблемы. «Я старался, говорить онъ, заложить на твердой почвѣ философскій и правовой фундаментъ медленно созидающагося новаго общества».

Абсолютный индивидуализмъ и абсолютный коммунизмъ одинаково неосуществимы. Новый принципъ долженъ лежать посерединѣ между этими двумя крайними полюсами. Общественная собственность должна достигнуть своего максимума; личная собственность должна быть низведена до минимума, власть должна быть возможно больше ограничена путемъ почти безграничнаго расширенія свободы. «Если мы назовемъ социализмомъ строй, въ которомъ преобладающей формой собственности является коллективная или общественная собственность, то наши первыя построенія приводятъ насъ къ социализму, основанному на принципѣ свободы».

Слѣдуетъ различить три категоріи богатствъ: земля, не принадлежащая никому, потому, что она не является плодомъ труда кого бы то ни было; рабочая сила, принадлежащая каждому человѣку; совокупность продуктовъ, которые должны быть предназначены тѣмъ, кто ихъ создалъ. Отсюда два вывода: такъ какъ производство носить по преимуществу коллективный характеръ, то вполне естественно, чтобы и форма собственности имѣла коллективный характеръ. Такъ какъ каждый имѣетъ право только на продуктъ своего труда, то право наслѣдства должно быть почти совершенно уничтожено. Въ современномъ государствѣ богаты отдѣльныя личности, а общество бѣдно. Въ новомъ обществѣ положеніе вещей будетъ прямо противоположно: община сосредоточитъ въ своихъ рукахъ все или почти все и будетъ распределять вмѣсто того, чтобы получать. Чувство солидарности растеть, получаетъ опредѣленную форму, охватываетъ весь міръ, но тѣмъ не менѣе, конкуренція сохраняется, возбуждаемая стремленіемъ къ высшимъ наслажденіямъ и взаимнымъ соревнованіемъ. Каждый отдѣльный индивидуумъ будетъ тѣмъ лучше вознаграждаемъ, чѣмъ больше продуктовъ онъ произведетъ, и общество будетъ тѣмъ богаче, чѣмъ успѣшнѣе будетъ производство, такъ какъ при новомъ строѣ нечего будетъ бояться перепроизводства. Частный интересъ будетъ совпадать съ общимъ интересомъ. Конечно, трудъ будетъ обязательенъ для всѣхъ, за исключеніемъ инвалидовъ, но и въ настоящее время одно лишь ничтожное меньшинство въ состояніи жить въ праздности; что касается свободы, то она будетъ полной и несравненно болѣе дѣйствительной, чѣмъ въ наше время, такъ какъ она будетъ основана на собственности. Богачъ лишится, правда, права угнетать бѣдняка, но нельзя же ссылаться на подобное право, какъ на атрибутъ человѣческаго достоинства!

Продукты будутъ распределяться сообразно приложенному каждымъ труду: формула коллективистская, а не коммунистическая. Прежде всего, будетъ

удержана известная доля общественных средствъ въ резервный фондъ, на обновленіе орудій производства, для обезпеченія неспособныхъ къ труду гражданъ. Остальная часть будетъ распредѣляться сообразно личному труду каждаго и на основаніи вкратцѣ изложенной Жоржемъ Ренаромъ теоріи стоимости. Въмѣсто современной монеты, будутъ введены социальныя талоны—именные и безъ права передачи,—взаимнъ которыхъ работниковъ будетъ получать съѣстные припасы, одежду, мебель изъ общественныхъ складочныхъ мѣстъ, которыя замѣнять нынѣшнія лавки.

Государство будетъ совершенно преобразовано. Центральная власть сохранить завѣдываніе національной обороной, веденіе высшихъ сношеній, отправленіе правосудія, дѣло гигиены и воспитанія; но армія будетъ преобразована въ милицію, и третейскій судъ станетъ нормальнымъ и обязательнымъ способомъ рѣшенія международныхъ конфликтовъ. Помимо этого, административная власть будетъ широко децентрализована учрежденіемъ федерализма, при которомъ значительная часть общественныхъ учреждений (*Services publics*) перейдетъ въ вѣдѣніе районовъ и коммунъ.

Политическая организація исчезнетъ, или, вѣрнѣе говоря, станетъ совершенно безобидной, такъ какъ въ основу народнаго представительства лягутъ профессиональная группировка и избирательное равноправіе обоихъ половъ; кромѣ того, прерогативы представительнаго учрежденія будутъ ограничены установленіемъ прямого народнаго законодательства. У парламента останется лишь власть надъ вещами; его власть надъ людьми будетъ уничтожена. Национальные органы должны будутъ, главнымъ образомъ, заботиться объ экономномъ веденіи дѣлъ, ведя для этой цѣли тщательную статистику, чтобы быть въ состояніи въ каждый данный моментъ привести производство въ соответствіе съ потребностями. Задача власти будетъ заключаться, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы содѣйствовать увеличенію производительности—задача, которая будетъ облегчена тѣмъ, что расходы, какъ въ промышленности, такъ и въ земледѣліи, уменьшатся; послѣ обобществленія собственности, паразиты исчезнутъ, многочисленныя причины бесполезной траты силъ и хищничества, въ настоящее время допускаемаго, въ будущемъ, по необходимости, будутъ устранены.

Машина освободитъ рабочаго, котораго она вотъ ужъ болѣе вѣка порабощаетъ; что касается кризисовъ, то они совершенно исчезнутъ, если только общественныя учрежденія будутъ исполнять свои обязанности. Соціалистическое государство—да будетъ намъ позволено употребить теперь этотъ терминъ, значеніе котораго было уже достаточно объяснено—будетъ покровительствовать изящной литературѣ и искусству либо тѣмъ, что будетъ покупать замѣчательныя произведенія, или же тѣмъ, что будетъ воспитывать на свой счетъ тѣхъ, кто обнаружитъ особенныя способности. Резюмируя вышеизложенное, мы можемъ сказать, что Жоржъ Ренаръ своей конструкціей охватилъ всю политическую, промышленную и интеллектуальную жизнь обновленнаго человѣчества.

III.

Одно лишь названіе труда Делиньера—«Примѣненіе коллективистской системы» — ясно указываетъ на цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ. Онъ также отказывается отъ абсолютныхъ построений и пытается вывести изъ общественной эволюціи основныя черты почти автоматически подготавлиющагося новаго строя. Общество станетъ владѣльцемъ орудій производства и обезпечить каждому человѣку, помимо опредѣленнаго минимума, продуктъ его труда. Старики, калѣки, женщины, освобожденные отъ всякаго труда, будутъ, слѣдовательно, получать средства существованія соотвѣтственно среднимъ потребностямъ. Право наслѣдства сохраняется, право завѣщанія получаетъ условный характеръ; но это право распространяется лишь на средства потребленія и перестаетъ быть орудіемъ угнетенія въ рукахъ плутократіи.

Что не безъ основанія поражаетъ Делиньера, это огромное количество паразитовъ, эксплуатирующихъ цивилизованное человѣчество, и онъ, по примѣру Фурье, пытается установить ихъ статистику. Въ настоящее время во Франціи 15 милліоновъ обязаны прокормить 38 милліоновъ человѣкъ, а изъ этихъ 15 милліоновъ 6 милліоновъ, или 40%, олицетворяютъ социальное хищничество. Дробленіе имущества есть вторая причина значительныхъ потерь, особенно въ земледѣліи.

Агрономъ Грандо вычислилъ, что если бы во всей Франціи велось такое же интенсивное сельское хозяйство, какъ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ районахъ, она легко могла бы прокормить 83 милліона жителей. Нашъ авторъ идетъ еще дальше: онъ полагаетъ, что при иномъ экономическомъ строѣ производство хлѣба, вина и мяса черезъ очень короткое время утроилось бы. Машинное производство является для человѣка неограниченнымъ источникомъ богатствъ: стоитъ лишь вспомнить о томъ, что новѣйшія земледѣльческія машины позволяютъ въ Америкѣ выполнить при помощи 7 рабочихъ такую же работу, для которой раньше потребовалось бы тысячи человѣкъ, или о томъ, что прядильная машина увеличила въ 320 разъ производительность труда рабочаго времени Аркрайта, или, наконецъ, о томъ, что доменные печи увеличили въ двадцать разъ производительность желѣзодѣлательной промышленности.

Делиньеръ, въ отличіе отъ другихъ писателей, не находитъ возможнымъ, чтобы одновременно существовали бокъ-о-бокъ двѣ противоположныя или различныя системы и поэтому предлагаетъ экспроприровать всѣхъ имущихъ путемъ народнаго декрета, дабы такимъ образомъ перейти къ интегральному коллективизму. Было бы, однако, лучше—изъ великодушія и во избѣжаніе всякихъ нареканій—выдавать экспроприруемымъ пожизненную, но не наслѣдственную ренту.

Послѣ обобщенія собственности, статистика будетъ играть несравненно болѣе важную роль, чѣмъ она играетъ въ настоящее время.

Люди будутъ заниматься свободно выбранной ими профессіей въ возрастѣ между 15 и 55 г., но безъ обязательства работать до предѣльнаго возраста, если данное лицо накопило достаточно средствъ существованія. Благосостояніе будетъ общимъ явленіемъ, такъ какъ, помимо минимума, каждый будетъ получать сравнительно высокое вознагражденіе.

Государство, которое явится владѣльцемъ капиталовъ, будетъ заниматься веденіемъ хозяйства страны. вмѣсто того, чтобы вступить въ договоръ съ корпораціями, которыя могли бы себѣ присвоить нѣчто въ родѣ монополіи, и интересы которыхъ могли бы, во всякомъ случаѣ, идти въ разрѣзъ съ интересами всей націи, государство само вѣдаетъ всѣ свои дѣла; являясь представительницей рабочихъ группъ, государственная власть сама назначаетъ руководителей и регулируетъ производство, соображаясь съ потребностями и съ условіями каждой данной мѣстности: крупное сельское хозяйство — въ низменныхъ мѣстахъ, мелкое — въ гористыхъ мѣстностяхъ, крупная, средняя или мелкая промышленность, мелкая продовольственная торговля рядомъ съ магазиномъ или коммунальнымъ складочнымъ мѣстомъ. Сосредоточивъ въ своихъ рукахъ пути и средства сообщенія, государство постарается извлечь изъ нихъ наибольшую пользу для массы производителей, которымъ теперь приходится страдать отъ конкуренціи частныхъ желѣзнодорожныхъ и навигаціонныхъ компаній. Граждане будутъ пользоваться бесплатнымъ проѣздомъ, а сопряженные съ этимъ расходы будутъ покрываться изъ общественныхъ доходовъ. Власть, центральная или мѣстная, смотря по обстоятельствамъ, будетъ вѣдать распредѣленіемъ естественныхъ силъ, дѣломъ взаимопомощи, гигиены и назначенія жилищъ.

Экономическая роль государства будетъ огромна, но зато его политическое значеніе сведется почти къ нулю. Спрашивается только, зачѣмъ. Делиньеру нужно было сохранить сенатъ, палату депутатовъ, отвѣтственныхъ министровъ и президента республики? Зачѣмъ весь этотъ сложный механизмъ, если административная власть сведена на нѣтъ?

Можно было бы найти еще нѣсколько другихъ слабыхъ мѣстъ въ разбираемомъ нами сочиненіи. Самой интересной является та часть книги, которая посвящена изложенію экономическихъ принциповъ социалистическаго общества; эта часть, по крайней мѣрѣ, несравненно цѣннѣе описанія переходнаго строя — завоеваніе власти, экспроприація капиталистовъ, провозглашеніе первыхъ законовъ, которое ни въ коемъ случаѣ не можетъ претендовать на научность.

IV.

Книгу Тарбуриша: «Государство будущаго» слѣдуетъ, несомнѣнно, признать однимъ изъ наиболѣе подробно разработанныхъ произведеній, посвященныхъ описанію грядущаго строя. Мы даже находимъ, что авторъ хочетъ быть слишкомъ точнымъ, и что нѣкоторыя главы его книги изобилуютъ совер-

шенно ненужными подробностями. Онъ, правда, основательно изучилъ нѣкоторые вопросы, до него оставшіеся неизслѣдованными, но зато онъ не сумѣлъ отдѣлить существенное отъ несущественнаго.

Можно ему поставить въ упрекъ и то, что онъ внесъ путаницу въ свое собственное первоначальное описаніе государства будущаго и соединилъ въ весьма нестройную систему государственный коммунизмъ и анархическій фурьеризмъ. Но, несмотря на всѣ эти недостатки, «Государство будущаго» остается самымъ полнымъ изслѣдованіемъ структуры социалистическаго общества.

Большинство разобранныхъ нами писателей приписывали производству рѣшающее и первенствующее значеніе. По мнѣнію Тарбуриеша, первое мѣсто должно быть отведено вопросу о потребленіи. Право на полный продуктъ труда является химерой, такъ какъ изъ общаго производства необходимо отчислять средства, идущія въ резервный капиталъ и на общія нужды. Необходимо поэтому принять другую формулу, и Тарбуриешъ полагаетъ, что каждый долженъ получать, сообразно его законнымъ потребностямъ. Другими словами, каждый гражданинъ станетъ одновременно и чиновникомъ и рантье, такъ какъ онъ на всю жизнь будетъ внесенъ въ «Большую книгу» для ежегоднаго кредита на всевозможныя средства существованія.

Каждый гражданинъ будетъ работать соразмѣрно съ его силами, никто не сможетъ отказаться отъ работы, для которой онъ способенъ, ни требовать занятія, для котораго онъ неспособенъ. Каждый будетъ принадлежать къ опредѣленной группѣ производителей, процвѣтаніе которой будетъ зависѣть отъ активности участниковъ; соревнованіе будетъ стимулировать производительность труда. Тутъ явно сказывается вліяніе фурьеризма.

Организація производства будетъ зависѣть отъ преслѣдуемой цѣли. Крупная промышленность — эксплуатация рудниковъ, желѣзныхъ дорогъ и пр. — будетъ управляться извѣстнымъ числомъ вѣдомствъ: инженерное дѣло, пути сообщенія, рудники и металлургія, воды и лѣса, земледѣліе, внѣшняя торговля и т. д. Средняя промышленность будетъ вестись обществами или кооперативными товариществами подъ контролемъ и согласно указаніямъ государства; наконецъ, мелкая промышленность будетъ распределена между отдѣльными лицами или корпораціями.

Всѣ ассоціаціи труда будутъ находиться въ завѣдываніи центральной власти, которая опредѣлитъ ихъ функціи и будетъ ихъ снабжать орудіями производства, землей и сырьемъ. Центральная власть будетъ состоять изъ двухъ палатъ, изъ которыхъ одна будетъ завѣдывать производствомъ, а другая — потребленіемъ. Эти палаты будутъ избирать изъ своей среды правленіе, въ качествѣ исполнительнаго органа.

Города совершенно преобразятся: скверы и парки замѣнятъ выѣшніе нездоровые кварталы; главные города будутъ представлять собой пріятное сочетаніе городской и деревенской жизни. Государство, на которомъ будетъ лежать забота о народномъ здравіи, станетъ слѣдить за условіями существованія каждаго отдѣльнаго гражданина; браки будутъ допускаться не иначе,

как съ разрѣшенія компетентныхъ людей науки, по постановленію коихъ, дѣтей, предрасположенныхъ къ преступленіямъ и къ неизлечимымъ болѣзнямъ, будутъ уничтожать.

Такой же обязательный характеръ будетъ имѣть и воспитаніе. Государство распространитъ просвѣщеніе среди всей массы молодыхъ поколѣній, а затѣмъ будетъ назначать каждому занятіе, соображаясь съ его индивидуальными способностями и врожденнымъ призваніемъ. Роль государства будетъ, слѣдовательно, чрезвычайно сложна, но она не будетъ существенно отличаться отъ той роли, какую государственная власть играетъ въ настоящее время въ европейскихъ странахъ (за исключеніемъ чисто-политическихъ прерогативъ современнаго государства). Въ итогѣ, Тарбуріешъ старается доказать, что коллективистскій или коммунистическій строй, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ, не сложнѣе капиталистическаго строя. Первый является лишь болѣе благоустроеннымъ и болѣе однороднымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что гораздо пріятнѣе и легче начертать систематическій проектъ организациі государства будущаго, чѣмъ изобразить господствующіе въ настоящее время хаосъ и анархію.

Критика и заключенія.

I.

Данный нами анализъ идей, формулированныхъ, начиная съ революціи 1789 г., показываетъ, какую громадную роль сыграла Франція въ дѣлѣ организациі социалистическаго пролетаріата.

Вліяніе это не находится и никогда не находилось въ соотвѣтствіи съ численностью сознательной рабочей арміи. Въ Соединенномъ Королевствѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ Америки имѣется гораздо болѣе многочисленный контингентъ концентрированныхъ наемныхъ рабочихъ (укажемъ для примѣра, что эти страны насчитываютъ однихъ горнорабочихъ: первая—въ пять разъ, а вторая—въ четыре раза больше, нежели Франція), и тѣмъ не менѣе, въ исторіи социалистической мысли они занимаютъ несравненно менѣе видное мѣсто, и уже, во всякомъ случаѣ, никто не можетъ признать за ними инициативу въ этомъ отношеніи. Этимъ престижемъ, нѣсколько подорваннымъ за послѣднія 40 лѣтъ Германіей, выдвинувшей такихъ мыслителей, какъ Марксъ, Лассаль и др., и создавшей сильную политическую организацію,—этимъ престижемъ Франція обязана не только діалектической мощи своихъ публицистовъ. Онъ особенно поднялся и утвердился благодаря массовымъ движеніямъ, возникавшимъ въ разныя эпохи. Во Франціи имѣло мѣсто первое явно пролетарское возстаніе—стачка ліонскихъ ткачей 1831 г.; во Франціи разыгралась первая граждан-

ская война во имя чисто экономических требований—июньские дни 1848 г.; во Франціи, наконецъ, рабочая демократія въ мартѣ 1871 г. въ первый разъ сломила политическую власть буржуазіи и захватила въ свои руки государственную власть. И до настоящаго времени всѣ народы Стараго и Новаго свѣта празднуютъ, какъ знаменательныя для всего человѣчества даты, главные этапы въ исторіи французскаго социализма. Но какимъ бы величіемъ ни отличались эти воспоминанія, ими не исчерпываются заслуги французовъ передъ рабочей массой, которая повсюду работаетъ съ неодинаковыми шансами на успѣхъ на пользу будущаго своего освобожденія. Сила идей не уступаетъ силѣ фактовъ, или, вѣрнѣе, факты безъ идей—ничто. Несмотря на внутреннїе распри и кризисы, часто замедлявшіе ростъ организованнаго французскаго пролетаріата, несмотря на относительно медленное промышленное и сельскохозяйственное развитіе, Францію все еще считаютъ источникомъ кипучей жизненной энергіи, и весь міръ воздастъ должное развитію ея коммунистической мысли, имѣющей свою вѣковую исторію; всѣ преклоняются передъ неоднократно проявленной ею самоотверженностью и выдвинутыми ею великими дѣятелями, начиная съ Бабефа до Бланки и стѣ Бланки—до современнаго намъ Вальяна.

Либералы съ гордостью и не безъ основанія превозносятъ услуги, оказанныя революціей 1789 г. дѣлу всемірной свободы. Французскіе социалисты имѣютъ также право указывать на свои заслуги передъ международнымъ социализмомъ. Да послужить имъ это утѣшеніемъ въ томъ, что за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ оригинальность французской общественной мысли какъ бы пошла на убыль.

II.

На социализмъ нельзя смотрѣть, какъ на движеніе демагогическое, какъ на инстинктивное движеніе разнуданныхъ аппетитовъ, какъ на одно лишь возмущеніе крайней и невыносимой нужды. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ возстаніями рабовъ и съ крестьянскими бунтами. Въ первый разъ, быть можетъ, въ исторіи человѣчество стремится къ преобразованію общественнаго строя во имя опредѣленной и научно обоснованной доктрины.

Что бы ни говорилось или писалось противниками социализма—требованія его отличаются гораздо большими опредѣленностью и послѣдовательностью, нежели наказы третьяго сословія передъ революціей 1789 г. Тогдашніе выразители интересовъ буржуазіи воздерживались отъ систематизаціи своихъ взглядовъ и отъ требованія полнаго переворота. По крайней мѣрѣ, если просвѣтители XVIII в. выработали общее политическое міросозерцаніе, то послѣднее не могло цѣликомъ проникнуть въ сознаніе массъ, ухватившихся лишь за самые непосредственные выводы. Современный коммунизмъ, напротивъ того, какъ своими принципами, такъ и выводами, властно овладѣваетъ сознаніемъ рабочаго класса, а между тѣмъ это міросозерцаніе гораздо сложнѣе, чѣмъ либе-

ральное міросозерцаніе временъ перваго учредительнаго собранія. Пройденный соціализмомъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, путь свидѣтельствуетъ о его логической мощи и объ умственномъ подъемѣ современнаго пролетаріата. Истолкованіе экономическихъ явленій—вопросъ, нѣкогда занимавшій лишь ничтожное меньшинство—въ настоящее время возбуждаетъ поразительную любознательность рабочихъ массъ, привѣтствующихъ въ немъ орудіе своего освобожденія.

Какой жалкой и ничтожной является, наряду съ дѣйствительностью, тактика иныхъ консерваторовъ и либераловъ, пытающихся доказать несостоятельность коммунизма! Въ 1854 г. «*Dictionnaire d'économie politique*» торжественно объявилъ міру о смерти соціализма. Съ тѣхъ поръ не прошло года безъ того, чтобы правящіе классы, по тому или иному поводу, не отпѣвали отходной соціализму. На слѣдующій день послѣ Коммуны многимъ казалось, что соціализмъ навсегда погибъ, какъ будто въ исторіи соціальной борьбы пораженіе, явившееся слѣдствіемъ торжества грубой силы, могло быть окончательнымъ. Когда произошелъ первый расколъ въ средѣ французской рабочей партіи, отъ которой отдѣлились POSSIBILISTES, а затѣмъ расколъ среди этихъ послѣднихъ, правотѣрные буржуазные экономисты устроила соціализму торжественныя похороны, съ обычной церемоніей. И въ настоящее время—быть можетъ, еще въ большей степени, чѣмъ когда бы то ни было—разногласіе во французской и международной пролетарской партіяхъ служатъ нашимъ противникамъ неизмѣнной темой для нападокъ. Они сами того не замѣчаютъ, что своимъ страстнымъ стремленіемъ предотвратить соціальныя перевороты лишь доказываютъ его непреодолимую мощь.

Другіе консервативные писатели, въ противоположность предыдущимъ, на всѣхъ перекресткахъ кричатъ о растущей силѣ соціализма, предостерегаютъ отъ опасности, угрожающей съ его стороны существующему строю и порядку. Эти господа, выражающіеся то изысканнымъ, то грубымъ языкомъ, пользуются вліяніемъ, главнымъ образомъ, въ латинскихъ государствахъ, во Франціи и въ Италіи, и за послѣднія вѣсколко лѣтъ опубликовали нѣсколько сенсаціонныхъ сочиненій. Они изображаютъ социалиста вырождающимся типомъ расы, отъ котораго общество должно избавиться, хотя бы цѣной огромнѣйшихъ жертвъ. Они не замѣчаютъ, что вступаютъ въ противорѣчіе не только съ экономической эволюціей—что ихъ мало беспокоитъ,—но и съ умственнымъ и художественнымъ теченіями, за которыми они признаютъ такое огромное значеніе. Они не видятъ того, что коммунизмъ, или, проще, идея рабочаго класса, проникъ въ театръ и въ современный романъ. Они, правда, могутъ сказать, что художники нашего времени,—будь это писатели вродѣ Золя или Анатоля Франса, или живописцы вродѣ Курбэ, или, наконецъ, скульпторы, вродѣ Далу,—преступники отъ рожденія; до сихъ поръ они еще не осмѣлились зайти такъ далеко.

Можно, по меньшей мѣрѣ, усомниться въ практичности предлагаемыхъ этими господами мѣръ противодѣйствія росту соціализма. Г. Лебонъ видитъ един-

ственное спасеніе для цивилизаціи въ массовомъ истребленіи враговъ современнаго способа присвоенія. Это средство не новое. Исторія намъ предлагаетъ безчисленное множество примѣровъ его примѣненія; массовая рѣзня рабовъ во время римской имперіи, крестовый походъ альбигойцевъ, варооломеевская ночь, подавленіе июльскаго восстанія, подавленіе Коммуны. Но, несмотря на это, рабъ былъ освобожденъ; вопреки преслѣдованіямъ цезарей, христіанская религія восторжествовала; вопреки гоненіямъ со стороны церкви, христіанская срьсь процвѣтала, и вопреки принесеннымъ гекатомбамъ, считавшимся самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, рабочій пролетаріатъ возстановилъ свои силы и растетъ матеріально и морально.

III.

Научный социализмъ явился реакціей противъ утопическаго социализма. На мѣсто метафизическихъ взглядовъ или сантиментальныхъ аргументовъ, онъ поставилъ точное и тщательное изученіе экономическихъ фактовъ. Марксисты относились къ Сень-Симону, Фурье и ихъ послѣдователямъ еще болѣе строго, чѣмъ самъ Марксъ. Строгія осужденія и ѣдкія эпиграммы пускались въ ходъ каждый разъ, когда рѣчь заходила о томъ, чтобы одно направленіе замѣнить другимъ, и чтобы выработать стройную идеологию и тактику пролетаріата. Побѣдителю подобаешь быть снисходительнымъ и спокойнымъ, торжество же марксизма отнынѣ обезпечено, потому что даже тѣ, которые считаютъ себя преемниками философскихъ традицій 1840-хъ годовъ, заявляютъ, что они принимаютъ только нѣкоторые элементы этого ученія, а во всемъ остальномъ расходятся съ Консидераномъ, Леру, Луи-Бланомъ.

Научный социализмъ стоитъ на точкѣ зрѣнія исторической необходимости: онъ предвѣщаетъ торжество коллективистской или коммунистической собственности въ силу того, что самое развитіе производительныхъ силъ подорвало въ корнѣ личную собственность. Онъ не говоритъ: это справедливо; онъ говоритъ: это должно случиться. Онъ констатируетъ только, что неизбѣжное преобразование экономическаго строя должно привести все человѣчество къ свободѣ и къ лучшему будущему.

Научный социализмъ лишенъ какой бы то ни было метафизической или религіозной окраски. Онъ реалистиченъ и позитивенъ. Онъ освободилъ коммунистическую теорію отъ всѣхъ загромождавшихъ ее вредныхъ и излишнихъ элементовъ. Сложныя тяжеловѣсныя построенія своихъ предшественниковъ онъ замѣнилъ простыми очертаніями болѣе яснаго стиля. Онъ нашелъ на землѣ достаточно элементовъ и согласованныхъ доводовъ, достаточно фактовъ, подлежащихъ изученію и объясненію, чтобы обойтись безъ обращенія взоровъ къ небу, гдѣ создавались всѣ химерическія мечтанія и вмѣстѣ—подготавливались всѣ разочарованія и всяческія поработщающія воззрѣнія прошлыхъ временъ. Онъ отказался отъ сопоставленія божества, человѣка и производительныхъ силъ. Задача, стоящая передъ современнымъ обществомъ, достаточно обширна,

чтобы не усложнять ее еще больше. Грохочущая машина, разрывавшая морские волны пароходы, испускающая огненные языки доменная печь, мѣрные шаги пролетаріевъ, идущихъ въ дымящія фабрики или спускающихся въ рудники,—все это цѣлкомъ поглощаетъ вниманіе современнаго человѣка. Ему ужъ не приходится искать за облаками проявленій неземной воли.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ утопическій социализмъ, который главнымъ образомъ французскаго происхожденія,—но не исключительно французскаго, достаточно указать хотя бы на Оуэна,—находится въ противорѣчій съ научнымъ социализмомъ. Онъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія исторической необходимости, а предается оптимистическимъ чаяніямъ, питаетъ безграничную вѣру въ будущее, не зная, на чемъ основана эта вѣра. Въ отличіе отъ философовъ XVIII в., которые изъ ненависти къ настоящему относили золотой вѣкъ къ историческому прошлому, утопическій социализмъ *инстинктивно* ждалъ его наступленія въ будущемъ. Этимъ объясняется его любопытная тенденція—тенденція, присущая и нѣкоторымъ изъ нашихъ современниковъ,—ограничиваться одними надеждами, а иногда даже привѣтствовать возвратъ къ прошлому или какое нибудь незначительное событіе, въ качествѣ рѣшительнаго шанса общественнаго возрожденія.

Онъ вѣрилъ во всеобщій альтруизмъ, или, по меньшей мѣрѣ, полагалъ, что достаточно звать къ прекраснымъ человѣческимъ чувствамъ, чтобы творить чудеса. Въ теченіе долгихъ лѣтъ Фурье ждалъ прішествія благороднаго капиталиста, который устанавилъ бы «гармоническій» строй. Консидерантъ, Леру, Луи-Бланъ, Кабэ, хотя и угрожали обществу самыми ужасными катастрофами, если оно не смягчитъ своего сердца, въ то же время пытались повліять на его добрыя чувства и въ концѣ концовъ убѣдили самихъ себя въ состоятельности предлагаемыхъ ими мѣръ. Они требовали отъ буржуазіи, чтобы она сама, по своей доброй волѣ, отказалась отъ своихъ преимуществъ и совершила бы переворотъ противъ своей собственной власти. Это міросозерцаніе тѣсно связано съ отрицательнымъ отношеніемъ къ какому бы то ни было насильственнымъ мѣрамъ и къ народному возстанію. Іюньскіе дни 1848 г. были для французскаго коммунизма—даже для наиболѣе скептическаго—днями жестокихъ разочарованій.

Утопическій социализмъ выставляетъ себя преемникомъ, *продолжателемъ* или даже реформаторомъ христіанства. Фурье, Сень-Симонъ, Леру и другіе пытаются разузнать волю провидѣнія и исполнить предначертанія Возжи. На каждомъ шагѣ они взываютъ къ Богу, на каждомъ шагѣ превозносятъ его всемогущество; сень-симонистская теократія, получившая полное развитіе у Анфантана, является лишь логическимъ завершеніемъ ученія, которое другіе не рѣшились довести до конца. Но если для опредѣленія плана грядущаго общества необходимо и достаточно знать предначертанія божества, то всякое экономическое изслѣдованіе просто-на-просто излишне. Къ счастью, утопическій социализмъ не сдѣлалъ этого крайняго вывода и самъ собралъ мате-

риалъ, который былъ въ послѣдствіи использованъ и приведенъ въ стройную систему Марксомъ.

Каковы бы ни были противорѣчія, заключающіяся между положеніями утопистовъ и тезисами коммунистовъ, послѣдніе не являются отрицаніемъ первыхъ. Напротивъ того, они преемственно съ ними связаны и чаще всего включают ихъ въ себя. Хотя фурьеристы, сенъ-симонисты и большинство писателей польской монархіи проповѣдывали сотрудничество классовъ, тѣмъ не менѣе, они указывали на то, что между буржуазіей и пролетариатомъ наблюдается антагонизмъ; ссылки на провидѣніе не мѣшали имъ вскрыть язвы промышленной анархіи, указать на обезлюдѣніе деревень, формулировать «железный законъ» заработной платы и отмѣтить капиталистическую концентрацію. Олтямизмъ, которымъ они были проникнуты, не помѣшалъ имъ угадать, что современное общество подвержено дѣйствию силъ, подрывающихъ его равновѣсіе, и что форма собственности, эта арена безпрестанной борьбы, въ которой многіе безпощадно выбиваются изъ строя, неизбѣжно должна преобразоваться, въ силу тѣхъ противорѣчій, которыя она создаетъ и развиваетъ. Марксъ своей теоріей превзошелъ Луи-Блана, Каба, Пеккера, но элементы его ученія разбѣяны во всей социалистической литературѣ сороковыхъ годовъ XIX в.

IV.

Промышленная концентрація, являющаяся одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ экономическаго развитія и одной изъ прочныхъ основъ социализма, концентрація, отмѣченная еще восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ предвѣстниками социализма, неизмѣнно оспаривается либералами. Они иногда находили себя единомышленниковъ даже въ рядахъ социалдемократіи. Бернштейнъ въ своей напумѣвшей книгѣ ¹⁾ пытался доказать, что крупная промышленность отнюдь не убиваетъ средней и мелкой промышленности, и что первая лишь развивается наряду съ послѣдними.

Если бы это утвержденіе оказалось вѣрнымъ, то оно получило бы огромное значеніе по своимъ послѣдствіямъ. Теоріи, формулированныя въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», сразу лишились бы почвы или, по крайней мѣрѣ, сильно пошатнулись бы. Всѣ попяли серьезность взятаго на себя Бернштейномъ почина, и этимъ объясняются компрометирующія автора привѣтствія, которыми встрѣтили его книгу представители буржуазной политической экономіи.

Но промышленная концентрація не есть явленіе, относительно котораго были бы допустимы отвлеченные споры. Это законъ, или тенденція, вытекающая изъ фактовъ, и оспаривать ее можно, только основываясь на статистическихъ данныхъ.

¹⁾ «Socialisme théorique et Socialdémocratie pratique». Paris, 1900.

Относительно Германіи Бернштейну представилъ возраженія Каутскій и доказалъ, что во всемъ государствѣ крупная фабрика воздвигалась на развалинахъ старой мастерской. Мелкія предпріятія, составившія въ 1882 году $\frac{2}{3}$ всѣхъ промышленныхъ предпріятій, составляли уже лишь половину въ 1895 г. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, какъ, напр., въ металлургическомъ и химическомъ производствахъ, это превращеніе совершилось чрезвычайно быстро, благодаря условіямъ ихъ эксплуатаціи, и экономіи, получаемой отъ сокращенія общихъ расходовъ.

Официальная французская перепись 1896 г. даетъ намъ всѣ необходимыя данныя для опроверженія критики Бернштейна и для блестящаго подтвержденія марксистскаго тезиса о концентрации капитала.

Въ 1896 году во Франціи существовало 784.240 промышленныхъ предпріятій въ то время, какъ въ 1866 г. число ихъ доходило до 1.450.923. А между тѣмъ, всѣ условія, которыя могли бы искажать результаты переписи 1896 г. (какъ напр., различія классификаціи, потеря Эльзась-Лотарингіи и т. д.), были самымъ тщательнымъ образомъ устранены. Такимъ образомъ, несмотря на ростъ народонаселенія и потребностей, несмотря на появленіе массы новыхъ важныхъ отраслей производства, число предпріятій уменьшилось почти на половину. Каждая два предпріятія 1866 г. соединились въ одно предпріятіе къ 1896-му году.

Но это общее сопоставленіе данныхъ имѣетъ лишь ограниченное значеніе, такъ какъ не всѣ отрасли производства были въ одинаковой степени затронуты процессомъ экономическаго развитія: есть между ними такія, въ которыхъ техническія орудія производства играютъ лишь второстепенное или даже ничтожное значеніе, есть другія, какъ напимѣръ, изготовленіе одежды, производство которыхъ обусловлено, главнымъ образомъ, личнымъ вкусомъ; эти отрасли производства труднѣе поддаются измѣненіямъ, и, тѣмъ не менѣе, общій процессъ развитія, хотя и въ болѣе слабой степени, отразился и на нихъ. Перепись 1896 г. констатируетъ существованіе 245.281 предпріятія по продажѣ одежды и 194.281—по продажѣ жизненныхъ припасовъ, противъ 355.812 и 3.744.558 въ 1866 г.; такимъ образомъ, въ этихъ двухъ отрасляхъ на которыя критики концентраціи капиталовъ обыкновенно ссылаются для подкрѣпленія своихъ утвержденій, число предпріятій сократилось на 289.000. Къ тому же, надо еще считаться съ тѣмъ, въ какой мѣрѣ мелкія предпріятія находятся въ зависимости отъ крупныхъ. Сколько владѣльцевъ и владѣльцъ мелкихъ предпріятій для изготовленія платья и шляпъ, предпріятій, съ виду самостоятельныхъ, въ дѣйствительности находятся въ зависимости отъ болѣе или менѣе крупныхъ фирмъ, на которыя они работаютъ, и которыя имъ мѣшаютъ вступить въ непосредственныя сношенія съ публикой! То же самое, и въ еще болѣе сильной степени, пришлось бы констатировать въ отношеніи производства жизненныхъ припасовъ. Но эта область еще мало изслѣдована, и намъ волей-неволей приходится ограничиться одними лишь сухими цифрами.

Самыя главныя отрасли производства въ современномъ обществѣ, отрасли, группирующія вокругъ себя наибольшій контингентъ наемныхъ рабочихъ— это металлургическое производство и прядильное и ткацкое, вообще, текстильное производство. Тутъ результаты переписи прямо таки ошеломляющіе. Съ 1866 до 1896 г. число металлургическихъ заведеній сократилось съ 1.786 до 171, т. е. на 90%, а текстильныхъ—съ 151.867 до 37.235, т. е. на 75%. Эти цифры доказываютъ всю неосновательность и необоснованность утверждений Бернштейна.

Даже торговля, которая по своей природѣ менѣе поддается концентраціи, и та слѣдовала аналогичному ходу развитія. Отъ 1866 до 1896 г. число магазиновъ готоваго платья сократилось съ 83.346 до 31.003, а число заведеній, торгующихъ съѣстными припасами,—съ 201.285 до 91.192. Если бы можно было сомнѣваться въ точности приведенныхъ цифръ, то ежедневные или еженедѣльные списки банкротствъ должны были бы разсѣять всякія сомнѣнія.

Въ общемъ, можно сказать, что каждый предприниматель начала XX в. представляетъ двухъ предпринимателей эпохи второй имперіи. Представимъ себѣ, что экономическое развитіе продолжаетъ идти тѣмъ же путемъ,—а нѣтъ никакого основанія для того, чтобы оно измѣнило направленіе,—и черезъ короткій промежутокъ времени почти полная концентрація станетъ совершившимся фактомъ.

Данныя относительно контингента рабочихъ, занятыхъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, и числа развившихся въ данной отрасли крупныхъ предпріятій дадутъ намъ новыя цѣнныя указанія.

Перепись 1896 г. показываетъ, что изъ 3111000 рабочихъ 1122000 были заняты въ предпріятіяхъ, съ количествомъ рабочихъ, превышающимъ 100 человекъ; 861.000—въ предпріятіяхъ съ 10—100 человекъ и 1.133.000 — въ предпріятіяхъ съ 1—10 чел. Другими словами, во Франціи, гдѣ даже металлургическая и текстильная отрасли производства не такъ концентрированы, какъ въ Англійи или Германіи, 36% изъ общаго числа рабочихъ заняты въ крупной промышленности. Въ мелкой промышленности, число мастерскихъ которой составляетъ 85% общаго числа предпріятій, заняты лишь 36% всѣхъ рабочихъ.

Въ общемъ, во Франціи имѣются 3.668 фабрикъ или мануфактуръ, на каждой изъ которыхъ число рабочихъ выше 100 чел., 457 предпріятій съ количествомъ рабочихъ, превышающимъ 500 челов. Въ торговлѣ это отношеніе нѣсколько менѣе рѣзко выражено.

Большая часть этихъ крупныхъ предпріятій приходится прежде всего на долю горной промышленности, гдѣ изъ 151 предпріятія 106 насчитываютъ отъ 50 до 500 и болѣе рабочихъ въ каждомъ; затѣмъ идутъ металлургія и связанная съ нею отрасли производства: 100.000 рабочихъ распределяются между 1800 предпріятій. Въ жельзнодорожной промышленности существуетъ 31 предпріятіе съ 500 и болѣе рабочихъ въ каждомъ;

51—съ 50—500 рабочихъ; въ сталелитейномъ производствѣ имѣются 12 предприятий, въ каждомъ изъ коихъ заняты болѣе 500 рабочихъ, и 53—по 50 и болѣе человекъ; 16 судостроительныхъ заводовъ насчитываютъ каждый болѣе 500 чел. и 9—болѣе 50.

Въ текстильной отрасли промышленности 850.000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей распределяются между 37.000 предприятий. Эта именно отрасль промышленности и положила начало развитію крупнаго капиталистическаго производства, такъ какъ тутъ были введены первыя механическія приспособленія. Консерваторы любятъ указывать на фактъ сохраненія «работы на дому» въ кружевномъ производствѣ (Вогезы, Кальвадо, Верхняя Луара) или на возвращеніе къ этому роду работы къ шелковомъ производствѣ, вслѣдствіе примѣненія электричества (Луара, Рона). Но это ни больше, ни меньше, какъ ловко представленная фикція, потому что домашнее кружевное производство въ дѣйствительности находится въ зависимости отъ крупныхъ свѣтскихъ или церковныхъ предприятий, которыя платятъ «работникамъ на дому» голодную заработную плату, такъ что ткачъ изъ окрестностей С.-Эгьена не пользуется уже болѣе никакой самостоятельностью. Онъ является простымъ придаткомъ крупнаго ленгочнаго производства.

Пряденье льна насчитываетъ во Франціи 70 предприятий съ количествомъ рабочихъ, превышающимъ 50 чел.; тканье холста насчитываетъ ихъ 450; хлопчатобумажное пряденье и тканье—523; шелковое производство—415. Кожевенная, химическая и стекольная отрасли промышленности могли бы намъ дать новыя доказательства въ пользу факта концентраціи, но особенно убѣдительно онъ доказывается таблицей, составленной счетчиками 1896 г., которые какъ бы задались цѣлью заранѣе опровергнуть утвержденія Бернштейна. А между тѣмъ у нихъ, само собой разумѣется, не было и въ поминѣ намѣренія — доставить фактической матеріалъ въ пользу коммунизма.

Число рабочихъ, которое приходится въ среднемъ на каждое предприятие, достигаетъ 467—въ желѣзодѣлательномъ и сталелитейномъ производствахъ; 414—въ горнозаводской промышленности, 126—въ металлургіи мѣди, свинца и т. д.; 124—въ стекольномъ производствѣ; 54—въ производствѣ хлопка и бумаги. А если принять во вниманіе тотъ неоспоримый фактъ, что мелкія производства все болѣе поглощаются и подчиняются производительности крупныхъ и все же значительно сокращаютъ среднюю численность рабочихъ въ отдѣльномъ предпріятіи,—если принять все это во вниманіе, то фактъ концентраціи выступить съ несомнѣнной очевидностью для каждаго безпристрастнаго наблюдателя.

Но намъ слѣдуетъ еще рассмотреть это явленіе и съ другой точки зрѣнія. Въ странахъ съ значительнымъ развитіемъ техники, какъ въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ, крупныя промышленныя предприятия соединяются между собой и образуютъ производственные синдикаты. Эта новая стадія эволюціи, сравнительно недавно наступившая, бросаетъ яркій свѣтъ на нѣкоторыя положенія марксизма. Эта организаціонная тенденція проявляется въ двухъ

формахъ: въ формѣ трестовъ и въ формѣ картелей. Трестъ основанъ главнымъ образомъ, на соучастіи и представляетъ собой гигантское акціонерное общество, въ которомъ—совершенно или отчасти, на время или навсегда—сливаются десятки и сотни отдѣльныхъ предпріятій. Картель заключается въ соглашеніи, имѣющемъ въ виду ограниченіе производства и повышеніе цѣнъ. Какъ тресты, такъ и картели, стараются противодействовать опасностямъ конкуренціи; устраняя ее, насколько это оказывается для нихъ возможнымъ, они приводятъ или ведутъ къ монополіи, которая, какъ это доказывалъ Прудонъ, является неизбежнымъ результатомъ интенсивной борьбы между экономическими организаціями.

Тресты, съ ихъ огромными арміями работниковъ, нерѣдко превышающими 100.000 человекъ, съ ихъ гигантскимъ накопленіемъ капиталовъ—2, 5, 10 миллиардовъ, т. е. капиталы, равняющіеся состоянію второстепеннаго государства, съ ихъ доходами въ сотни милліоновъ, съ ихъ сложнымъ административнымъ механизмомъ, — такіе тресты являются силой, которой не знали еще наканунѣ XX в. Они сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ цѣлыя отрасли промышленности.—каменноугольную, желѣзодѣлательную, сталелитейную, нефтяную, сахарную, табачную, — и одновременно пріобрѣтаютъ въ свою собственность желѣзныя дороги, флотилии, цѣлые города. Они являются организаціями, достаточно сильными для того, чтобы сопротивляться и государственной власти, владеть надъ парламентомъ, предпринимать войны, обирать потребителей. Принимаемые противъ нихъ мѣры, законы, разрабатываемые съ цѣлью противодействовать угрожающей отъ нихъ опасности,—все это заранѣе обречено на бесплодіе.

Тресты не только игнорируютъ государство—они его и дезорганизуютъ. Изъ національныхъ они превращаются въ международные, знаменуя собой несостоятельность старыхъ теорій политическихъ границъ, уничтожаемыхъ головокружительнымъ развитіемъ промышленности и торговли. Океанскій трестъ отнимаетъ у великихъ и малыхъ европейскихъ націй резервныя суда ихъ военныхъ флотовъ; Пирпонтъ Морганъ обладаетъ флотомъ, болѣе могущественнымъ, чѣмъ флоты Германіи или Россіи, и почти равнымъ по силѣ французскому флоту; ему стоитъ только вооружить и бронировать свои суда, чтобы имѣть, если не первую, то одну изъ первыхъ эскадръ земного шара.

Тресты господствуютъ въ Америкѣ. Старый Свѣтъ довольствуется картелями, которые уже играютъ значительную роль, соединяя однимъ общимъ договоромъ нѣсколько промышленныхъ предпріятій. Покровительствуемые таможенными ставками и снисходительностью законовъ, картели получили въ Германіи въ теченіе 4—5 лѣтъ распространеніе, превзошедшее всякія ожиданія. Только благодаря картелямъ, германскіе и австро-венгерскіе сахарорафинадные заводчики могли реализовать неслыханные барыши. Недавно они получили законное признаніе и во Франціи (вопреки уголовному уложенію), благодаря рѣшенію кассационнаго суда по одному частному дѣлу, и г. Мелинь

рекомендуетъ ихъ распространеніе, видя въ нихъ спасеніе для французской промышленности.

Трестъ и картель являются властителями современнаго производства. Было бы безмысленно пытаться остановить ихъ развитіе, какъ безмысленны попытки спасти мелкую промышленность и мелкую торговлю. Подобно крупной металлургической или прядильной промышленности, трестъ и картель являются результатомъ экономической эволюціи. Они подтверждаютъ фактъ концентраціи и въ дальнѣйшемъ развитіи могутъ привести къ образованію треста трестовъ и картеля картелей, которые осуществили бы—дѣйствуя противъ обираемыхъ потребителей и экспроприруемыхъ среднихъ предпринимателей—федерацію производительныхъ силъ, о которой мечталъ Прудонъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что авторъ «Противорѣчій» не подозревалъ того, что эта кооперація силъ и это объединеніе орудій производства дѣйствовали бы въ ущербъ народной массѣ, въ ущербъ почти всей совокупности человѣческаго рода.

V.

Анархія въ области промышленности, торговли и сельскаго хозяйства, съ такой яркостью обрисованная Фурье и Консидераномъ, является однимъ изъ характерныхъ признаковъ современнаго общества. Синдикаты капиталистовъ, ихъ тресты и картели не мѣшаютъ ей проявиться почти во всей ея полнотѣ; прежде всего, они возникли далеко не повсюду; даже въ Америкѣ, гдѣ они получили наибольшее распространеніе, ими захвачено не больше одной пятнадцатой всей суммы общественнаго капитала. Но помимо того, до сихъ поръ они охватили только нѣкоторыя части производства, и потому огромное поле производственной дѣятельности находится внѣ сферы ихъ воздѣйствія.

Въ капиталистическомъ государствѣ всякаго рода инициатива, какъ гибельная, такъ и плодотворная, получаетъ полную свободу развитія. Каждый производитель вступаетъ въ борьбу со всеми другими и стремится ихъ разорить, подъ страхомъ собственнаго разоренія. Такъ какъ на немъ лежать заботы по содержанію машинъ, пропитанію рабочихъ, погашенію общихъ расходовъ, онъ ухитряется извлечь максимумъ возможной выгоды.

Знаніе рынка ему недоступно, такъ какъ отдѣльный человѣкъ не въ состояніи подвести точную статистику безчисленной массѣ товаровъ, выбрасываемыхъ ежедневно въ обращеніе, и измѣрить на разстояніи всю сумму общественныхъ потребностей. Если бы даже ему удалось основательно изучить всѣ необходимыя данныя, касающіяся его раіона, его расчеты могли бы ежеминутно быть разстроены неотгаданнымъ выступленіемъ на сцену какого-нибудь другого отдаленнаго пункта. Трестъ, вооруженный въ этомъ отношеніи лучше обыкновенныхъ хозяйственныхъ предпріятій, не отличается большей увѣренностью въ точности своихъ комбинацій. Онъ находится во власти малѣйшаго застоя въ дѣлахъ, который можетъ имѣть

мѣсто за тысячи верстъ отъ центра его дѣятельности, онъ находится въ зависимости отъ внезапнаго появленія на свѣтъ какого-нибудь новаго предпріятія, отъ перемѣны во вкусахъ, отъ паденія министерства, отъ введенія новаго усовершенствованія. Керосиновый синдикатъ потерпѣлъ бы огромный уронъ, если-бы употребленіе алкоголя, за которое высказывается большая часть европейскихъ государствъ, получило бы широкое распространеніе. Брюссельская конвенція своимъ постановленіемъ привела въ разстройство сахарные картели Австріи и Германіи.

Концентрація огромныхъ капиталовъ можетъ, до извѣстной степени, ограничивать производство; и то ихъ вліяніе можетъ имѣть усилѣнъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, при наличности множества разнообразныхъ условій, совпаденіе которыхъ бываетъ чрезвычайно рѣдко. Какъ на приѣмъ подобнаго рода затрудненій, на которыя приходится наталкиваться, можно указать на положеніе владѣльцевъ угольныхъ копей, которые вотъ уже болѣе десяти лѣтъ тщетно стараются придти къ соглашенію для избѣжанія перепроизводства, вызывающаго во всемъ мірѣ пониженіе цѣнъ на уголь: было предложено соглашеніе между французами, нѣмцами и англичанами, былъ устроенъ многочисленный рядъ конференцій—и все это оказалось безуспѣшнымъ.

Экономическая анархія продолжаетъ, такимъ образомъ, царить надъ міромъ. Нѣкогда она опустошала лишь западную половину нашего материка; мало-по-малу поле ея дѣятельности расширилось—и теперь она охватила Сѣверную и Южную Америку, Австралію, двѣ трети Азіи и береговую линію Африки. Всюду, гдѣ колонизація и капиталистическая цивилизація дѣлаютъ свое дѣло, п являетя и анархія; она утверждаетъ свое господство и начинаетъ свою разрушительную работу. Конкуренція, бывшая вначалѣ національной, потомъ европейской, становится все болѣе и болѣе интернаціональной: японцы борются съ англичанами, русскіе—съ американцами, Австралія и Новая Зеландія—Франціей и Давіей, Аргентина—съ Венгріей и Румыніей. Отсюда—крайнее упорство и интенсиный характеръ кризисовъ.

Нѣкоторые либеральные критики, стремящіеся поколебать одно изъ основныхъ положеній марксизма, а за ихъ спинами—и нѣкоторые социалисты, поспѣшившіе заявить о своей измѣнѣ, нашли, что вопросъ о возрастаніи размѣровъ экономическихъ кризисовъ, или, проще, о болѣе частомъ ихъ повтореніи—вопросъ спорный. Но это значить не замѣчать явленій, которыя бьютъ въ глаза своей очевидностью.

Кризисы прежнихъ временъ были дѣтской игрушкой по сравненію съ современными кризисами. Назадъ тому сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ они не выходили за предѣлы нѣсколькихъ департаментовъ, одной какой-либо области, одного государства. Народы не находились между собой въ такой тѣсной зависимости, чтобы бѣдствіе одного изъ нихъ влекло за собой бѣдствіе для всѣхъ другихъ. Къ тому же, катастрофы въ промышленности случались сравнительно рѣже, такъ какъ число мѣстностей, отличающихся избыткомъ производительныхъ силъ, было ограничено. Но, начиная съ конца 19-го вѣка, онѣ

слѣдуютъ одна за другой съ такой необычайной быстротой и охватываютъ такія обширныя и густо населенныя пространства, что становятся какъ бы хроническимъ и повсемѣстнымъ бѣдствіемъ.

Чѣмъ болѣе какая нибудь область промышленности развивается, становится старше, совершенствуется свои орудія производства, расширяетъ сферу своей дѣятельности, тѣмъ большей опасности она подвергается. Текстильная промышленность, какъ самая старинная форма крупнаго капиталистическаго производства и какъ наиболѣе распространенная на обоихъ полушаріяхъ, находится въ состояніи хроническаго перепроизводства. Англія, которой нѣкогда принадлежало господство надъ хлопчатобумажнымъ рынкомъ, пользовавшаяся своего рода монополіей, продолжала обычнымъ темпомъ изготовлять свои мануфактуры, несмотря на то, что она мало-по-малу вытѣснялась—сначала съ европейскаго континента, затѣмъ изъ Индіи, Дальняго Востока и Южной Америки. Разстройство, внесенное обиліемъ товаровъ, которое она сама вызвала и отъ котораго не можетъ избавиться теперь, тяготѣетъ надъ всѣмъ міромъ.

Металлургическая промышленность подвергается той же участи, какъ и текстильная. Нѣкогда она не выходила за предѣлы Соединеннаго Королевства и Франціи, но затѣмъ она совершила чудеса прогресса въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ. И именно вслѣдствіе необычнаго развитія металлургической промышленности въ послѣднихъ двухъ странахъ и особенно—вслѣдствіе постройки доменныхъ печей въ Донецкомъ бассейнѣ на югѣ Россіи—прежнее равновѣсіе было нарушено. Наступилъ опять продолжительный кризисъ, доведшій многихъ до разоренія и все болѣе и болѣе омрачающей горизонты будущаго.

Еще болѣе характернымъ, получившимъ еще болѣе всеобщее значеніе и болѣе очевиднымъ представляется кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ, въ виду интернаціональнаго перепроизводства, которое признается всѣми и всѣхъ повергаетъ въ уныніе. Здѣсь анархія достигаетъ высшаго своего развитія, въ виду того, что здѣсь собственность отличается большей раздробленностью, и производитель не обладаетъ даже тѣми элементарными свѣдѣніями, которыми пользуется промышленникъ. Производятъ слишкомъ много хлѣба, вина, сахару, алкоголю: заработная плата современнаго поколѣнія слишкомъ низка, чтобы дать ему возможность покупать и потреблять колоссальнаго богатства, имѣющіяся въ его распоряженіи. Отсюда—скопленіе съѣстныхъ припасовъ и неизбежная порча ихъ въ магазинахъ и амбарахъ; отсюда—страшное пониженіе цѣнъ, вызывающее вѣчныя жалобы земледѣльцевъ и виноградарей во Франціи, Германіи, Италіи и Венгріи, отсюда, наконецъ, непрерывное обезцѣненіе земель, задолженность крестьянина, увеличеніе ипотекъ,—все бѣдствія, поражающія сельское хозяйство, которыя, несмотря на техническій прогрессъ, или, вѣрнѣе, благодаря ему, благодаря усовершенствованію орудій производства, ложатся тяжелымъ бременемъ на крестьянъ Стараго Свѣта.

Можетъ быть, кризисы обращаютъ теперь на себя вниманіе въ меньшей

степени, чѣмъ прежде, въ силу того, что они стали болѣе частыми и приняли болѣе широкіе размѣры. Прежде они были зломъ періодическимъ, теперь это зло стало хроническимъ; прежде они поражали отдѣльныя мѣстности, отдѣльныя отрасли производства; теперь они стали повсемѣстнымъ и всеобщимъ явленіемъ.

Между тѣмъ, роль, которую играютъ кризисы въ развитіи производительныхъ силъ и въ эволюціи общества, достаточно выяснена экономической исторіей. Они не только ведутъ къ сокращенію числа капиталистовъ, выводя изъ строя наиболѣе слабыхъ изъ нихъ; они не только непрерывно выбрасываютъ, путемъ автоматической экспроприаціи, новые элементы въ среду пролетаріата; они поддерживаютъ и разжигаютъ социальныя страсти, обнаруживая всѣ недостатки современной экономической организаціи, всю неспособность существующаго строя залѣчить свои собственныя язвы.

Революціи 1789 г., въ которой крестьяне сыграли такую огромную роль, предшествовалъ страшный упадокъ въ земледѣліи; взрывъ 1848 года послѣдовалъ почти немедленно за промышленнымъ и торговымъ кризисомъ, который, будучи вызванъ внезапнымъ переворотомъ въ технику орудій производства и быстрымъ развитіемъ путей сообщенія, выбросилъ тысячи рабочихъ изъ мастерскихъ на улицу. Каково же должно быть дѣйствіе экономическихъ катастрофъ въ наше время, когда насъ поражаютъ результаты катастрофъ въ предыдущіе вѣка, которыя носили всегда мѣстный и ограниченный характеръ!

VI.

Повышеніе заработной платы въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ также послужило темой для нападокъ противъ социализма. Измѣряя ея величину по десятилѣтіямъ, многіе думали нанести результатами этихъ выводовъ тяжелый ударъ извѣстной «теоріи обвинанія».

Никто не сталъ бы спорить противъ факта повышенія номинальной заработной платы. Въ своемъ докладѣ о «Соціальной экономіи» на всемирной выставкѣ 1900 года (докладъ появился въ 1903 г.) г-нъ Жидъ установилъ слѣдующую таблицу увеличенія заработной платы во Франціи:

1806	—	45	}	(число, принятое за базу).
1856	—	61		
1880	—	98		
1900	—	103		
Для Бельгіи:				
1831	70	483	}	(число, принятое за базу).
1871	80	1013		
1881	90	918		
1891 1900	1055			

«L'office du Travail» опубликовало въ 1902 г. статистику нѣкоторыхъ заработныхъ платъ для опредѣленныхъ профессій и городовъ.

Каленищикъ, зарабатывавшій въ 1806 году 32 сантима въ часъ, получалъ въ 1900 году 80 сантимовъ.

Обойщикъ—вмѣсто 55 сант. получаетъ теперь 85.

Плотникъ—вмѣсто 30 сант. получаетъ 90 сантимовъ.

Землекопъ—вмѣсто 22 сант. получаетъ 55 сантимовъ.

Въ Марсели, въ промежутокъ времени 1853—1901, плата повысилась съ 3,03 fr. — до 4.61; въ Безансонѣ — съ 2.31 до 4.78; въ Дижонѣ — съ 1.84 до 4.21; въ Тулузѣ — съ 2 fr. до 3.86 fr; въ Бордо — съ 2.61 до 4.62; въ Греноблѣ — съ 2.31 до 4.63 fr.; въ Сентъ-Этьенѣ — съ 2.70 до 4.37; въ Нантѣ — съ 2.44 до 4.51. Въ среднемъ, за 48 лѣтъ заработная плата удвоилась, но наиболѣе быстрый темпъ повышенія приходится на промежутокъ 1853—1874 г.

Если судить по этимъ таблицамъ, пришлось бы заключить, что положеніе рабочаго класса въ значительной степени улучшилось со времени расцвѣта крупной промышленности, и что все идетъ къ тому, чтобы бѣдствія пролетаріата не только не увеличивались, а съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе смягчались. А между тѣмъ, самъ г-нъ Жидъ въ одномъ официальном докладѣ не стѣсняется признать, что средній заработокъ во Франціи—4.20 фр. для мужчинъ и 2.20 фр. для женщинъ—въ сущности говоря, недостаточенъ.

Заработная плата увеличилась; нѣтъ социалиста, который вздумалъ-бы это отрицать. Къ тому же, подвергать сомнѣнію фактъ непрерывнаго увеличенія платы—значило бы оскорблять организацію пролетаріата и косвеннымъ образомъ утверждать безрезультатность дѣятельности синдикатовъ. Нельзя считать безразличнымъ того факта, что повышеніе платы наблюдается исключительно въ странахъ, гдѣ рабочій классъ отличается наибольшей сплоченностью. Это повышеніе было ничтожно въ теченіе долгаго времени въ Россіи и Индіи; оно, напротивъ, проявляется въ Японіи, гдѣ рабочіе сорганизовались въ союзы.

Но скудость вознагражденія не есть единственная причина пролетарскаго пауперизма. Намъ нѣтъ даже надобности останавливаться на поразительномъ контрастѣ между нищетой пролетаріата и громадными богатствами, какъ общества въ цѣломъ, такъ и его отдѣльныхъ лицъ. Скопленіе капиталовъ въ рукахъ представителей привилегированныхъ классовъ, особенно въ странахъ съ англо-саксовскимъ населеніемъ, не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что было когда-то. Мы не станемъ также разбирать вопроса о томъ, увеличивается ли реальная заработная плата одновременно съ номинальной.

Давно уже социалистами доказано, что излишекъ въ подневной заработной платѣ, въ большей своей части, фиктивенъ. Современный работникъ, какъ и работникъ прежнихъ временъ, доведенъ до минимума въ своемъ существованіи; исключенія составляютъ лишь тѣ профессиональныя группы, которыя,

благодаря своимъ синдикатамъ, заставляютъ капиталистовъ считаться съ ихъ требованіями. Въмѣстѣ съ общимъ измѣненіемъ условій жизни, развились и реальныя потребности рабочихъ; плата за квартиру и цѣна нѣкоторыхъ необходимыхъ продуктовъ повысилась. «Желѣзный заковъ заработной платы» дѣйствуетъ съ такой же силой, какъ и во времена Маркса и Лассаля.

Если сослаться, въ опроверженіе этой теоріи, объявленной многими устарѣлой, на разницу въ заработной платѣ различныхъ профессій въ разныхъ странахъ, то можно впасть въ крупную ошибку, ибо несомнѣнно, что не у всѣхъ пролетаріевъ однѣ и тѣ же потребности, что физическое, интеллектуальное развитіе и много другихъ условій играютъ тутъ немаловажную роль, и что также образъ жизни рабочихъ и относительная цѣнность денегъ неодинаковы повсюду.

Зло пауперизма кроется, главнымъ образомъ, въ уменьшеніи спроса на трудъ. Если есть рабочіе, которые зарабатываютъ слишкомъ много, то зато имѣется много другихъ, которые ничего не зарабатываютъ, потому что никто не хочетъ покупать ихъ рабочія руки.

Въ настоящее время мужичья не въ состояніи однимъ своимъ трудомъ удовлетворять потребностямъ своего хозяйства, ибо оно неизбежно разрушается экономической организаціей современнаго строя. Въ прежнее время женщины и дѣти работали только въ исключительныхъ случаяхъ; теперь же все болѣе и болѣе увеличивается область приложенія ихъ труда на фабрикахъ, гдѣ они скопляются въ большомъ числѣ. Въ 1866 омъ году во французской промышленности насчитывалось однѣхъ только женщинъ 1.366.000; въ 1896 г. это число возрастаетъ до 2.178.000., иначе говоря, за тридцать лѣтъ болѣе 800.000 женщинъ покинули свое хозяйство и пополнили ряды фабричныхъ работницъ. Онѣ разсѣялись по разнымъ отраслямъ производства, особенно въ текстильной промышленности и другихъ, вплоть до ремеслъ съ наиболее тяжелыми условіями труда. Во Франціи законы еще оказываютъ имъ кой-какую защиту, но въ Бельгіи до сихъ поръ молодыя дѣвушки продолжаютъ работать въ угольныхъ шахтахъ, подъ землей.

Современная фабрика охотно принимаетъ женщинъ и дѣтей; она даже предпочитаетъ ихъ мужчинамъ, такъ какъ послѣдніе предъявляютъ большія требованія и благодаря синдикатамъ оказываютъ болѣе энергичное сопротивленіе. Сотни тысячъ работницъ и подростковъ обоого пола, занятыхъ въ различныхъ отрасляхъ труда, вытѣснили постепенно взрослого рабочаго, въ мускульной силѣ котораго оказалась меньшая надобность. Ему приходится переходить въ другія мастерскія, къ другой отрасли труда, къ другимъ профессіямъ, но предъ нимъ вырастаютъ все тѣ же препятствія: нѣжная рука женщины или подростка можетъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и рука мужчины, если не лучше, привести въ движеніе легко сдѣлывающіяся колеса современныхъ механизмовъ.

Безработица имѣетъ вначалѣ временный характеръ: потомъ она становится все болѣе и болѣе продолжительной, покуда наконецъ человѣкъ не

попадаетъ въ категорію людей безъ названія, граничащую съ арміей безработныхъ. Каждый мѣсяцъ въ «Bulletin de l'office du Travail» появляется списокъ безработныхъ по промышленностямъ: средняя годовая цифра колеблется около 10%. Если бы эта цифра была вполнѣ точна и почерпнута изъ достаточнаго количества данныхъ, то уже можно было бы насчитывать сотнями тысячъ пролетаріевъ, лишенныхъ работы. Но эти статистическія свѣдѣнія доставлены меньшинствомъ синдикатовъ, наиболѣе организованныхъ, наилучше приспособленныхъ къ борьбѣ, и пѣтъ возможности установить размѣры безработицы въ неорганизованныхъ группахъ, которымъ въ дѣйствительности она больше всего угрожаетъ.

Пусть разразится кризисъ—и вся эта армія безработныхъ возрастетъ до небывалыхъ размѣровъ, какъ это уже имѣло мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Чикаго, затѣмъ въ Германіи и недавно въ Англии, гдѣ безработица всюду явилась угрозой спокойствію правящихъ классовъ и правительства.

Безработица—главный факторъ пауперизма. Она все возрастаетъ по мѣрѣ развитія машиннаго способа производства, по мѣрѣ вытѣсненія взрослога рабочаго женщиной-подросткомъ, обостренія экономическихъ кризисовъ, безпрерывнаго пополненія все новыми элементами городского пролетаріата, этого резервуара, куда стекаются всѣ, кто потерялъ связь съ мелкой земельной собственностью и мелкой буржуазіей. Общество, въ которомъ десятая, если не восьмая или шестая, часть населенія остается безъ заработка, безъ надежды на лучшее будущее, само произносить себѣ приговоръ. Оно подготавливаетъ гражданскую войну и куетъ орудія для собственнаго разрушенія. Къ чему ссылаться на то, что плата наемнаго рабочаго повышается, когда изо дня въ день становится все невыносимѣе состояніе наемника?

VII.

Уменьшеніе населенія въ деревняхъ и постоянный притокъ крестьянъ въ промышленные центры носятъ характеръ явленій, органически связанныхъ съ капиталистическимъ строемъ общества. Эти явленія были обнаружены и встрѣчены съ прискорбіемъ публицистами всѣхъ партій, сейчасъ же послѣ французской революціи. Робертъ Оуэнъ и Фурье занялись ихъ изученіемъ, видя въ нихъ существенные элементы для разрѣшенія соціальной проблемы. Также и Пеккеръ, въ своемъ произведеніи «Traité des Interêts du Commerce» забилъ по этому поводу тревогу, но тутъ же, по какой то странной фантазіи, выставилъ соображеніе, согласно коему разладъ между земледѣліемъ и промышленностью прекратится съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ: «деревни станутъ пнемому ходить на города, а города—понемому на деревни». Многие писатели конца 19 вѣка, а также и въ наше время, какъ Рескинъ, Толстой, Моррисъ, предсказываютъ обратное движеніе изъ города въ деревню.

Но эти писатели не задаются вопросом—не является ли это движение в обратном направлении несомвѣстимымъ съ условіями современной жизни.

Вандервельде въ своей прекрасной книгѣ: «Вѣгство изъ деревень» (Exode rural), подвергъ тщательному анализу это бѣгство съ пахотныхъ земель. Нѣтъ ничего болѣе краснорѣчиваго, какъ цифры, иллюстрирующія это движеніе во всѣхъ крупныхъ странахъ съ мануфактурнымъ способомъ производства. Вотъ прежде всего статистика во Франціи за послѣднія тридцать пять лѣтъ: Въ 1866 году сельское населеніе во Франціи составляло 53,1% общаго населенія; оно понижается до 51,4% въ 1876 году, до 46,6%—въ 1886 г., до 45,5%—въ 1891, и не подлежитъ сомнѣнію, что съ того времени это сокращеніе все продолжается. Съ каждой переписью приходится констатировать абсолютное уменьшеніе плотности населенія въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ земледѣліе является главнымъ источникомъ богатства, и гдѣ не имѣется фабричныхъ центровъ. За время съ 1876 по 1891 г. плотность крестьянскаго населенія понизилась на 2,91 жителей на гектаръ, тогда какъ въ городахъ прибавилось 5,63 человѣка на гектаръ.

То же явленіе замѣчается въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ съ 1890 по 1900 г. населеніе деревень уменьшилось на 5%; въ Англии, гдѣ за тотъ же періодъ времени оно спутилось съ 25% до 23%; въ Германіи, гдѣ это явленіе приобретаетъ еще болѣе активный характеръ; въ Россіи, гдѣ со времени постройки новыхъ шахтъ и доменныхъ печей въ Донецкомъ бассейнѣ, а также съ появленіемъ новыхъ ткацкихъ фабрикъ въ Польшѣ, наплывъ сельскаго населенія въ промышленныя центры принимаетъ чудовищныя размѣры. Въ то же время главные центры, столицы, точно вооруженныя чудовищными щупальцами, до того переполняются избыткомъ рабочихъ силъ, что приводятъ въ изумленіе даже тѣхъ, кто имъ предсказывалъ самую блестящую будущность. Цѣною сколькихъ разрушенныхъ сельскихъ коммунъ купленъ ростъ такихъ городовъ, какъ Лондонъ, Парижъ, Берлинъ или Будапештъ! Этотъ ростъ достигаетъ еще большихъ размѣровъ въ новыхъ странахъ, гдѣ населеніе еще не успѣло осѣсть на землю, какъ, напр., въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ и особенно въ Австраліи и Аргентинѣ, съ ихъ крупными городами—Сиднеемъ, Мельбурномъ и Буэнойс-Айресомъ.

Причины описаннаго переселенія въ предѣлахъ Европы, ограничимся Старымъ Свѣтомъ, довольно многочисленны. Заработная плата въ деревнѣ значительно повысилась, и именно вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ, который все болѣе и болѣе даетъ себя чувствовать. Средняя дневная плата, по даннымъ французской статистики, была: 1,08 фр.—въ 1862 г., 1,31 фр.—въ 1882 г., 2,04 фр.—1892 г. зимой и 1,82 до 1,98 и 2,94—лѣтомъ того же года. Батраки, получавшіе 256 фр. годовой платы въ 1862 г., получали затѣмъ 324 фр. въ 1882 г., 360 фр.—въ 1892 г., а пастухи вмѣсто 230 фр. въ 1862 г. получали 289 фр. въ 1882 г. и 322 фр.—въ 1892 г. Но вся эта повышенная плата за трудъ не могла удержать при землѣ молодежь, кото-

рую привлекало еще болѣе высокое вознагражденіе большихъ горюдовъ. Каждый разъ, какъ появлялась на свѣтъ какая нибудь новая крупная отрасль промышленности, горвая, металлургическая или текстильная, она бросала своей призывный кличъ, который доходилъ до самыхъ отдаленныхъ уголковъ, и тамъ находилъ откликъ. Въ прежнее время крестьянинъ привязывался къ землѣ, потому что находилъ возможность, помимо земледѣлія, удѣлять часть времени домашнему производству. Это послѣднее еще сохранилось въ извѣстной мѣрѣ въ Россіи, хотя и здѣсь оно влечитъ довольно жалкое существованіе; что же касается другихъ странъ, болѣе прогрессивныхъ въ экономическомъ отношеніи, то можно сказать, что повсюду домашній способъ производства почти совершенно исчезаетъ, если не совсѣмъ уже исчезъ.

Вандервельде указываетъ на различныя мѣстныя производства въ Бельгіи, которыя нѣкоторое время способствовали замедленію повального бѣгства изъ деревень, но затѣмъ внезапно уступали его напору; такъ было съ производствомъ соломы для шляпъ, съ ручнымъ пряденіемъ, съ оружейнымъ мастерствомъ въ бассейнѣ Льежа, съ производствомъ гвоздей Haute Semoу. Въ настоящее время ткачи изъ провинціи Flandre находятъ болѣе выгоднымъ тратить ежедневно четыре часа на ѣзду по желѣзной дорогѣ, чтобы работать въ угольныхъ шахтахъ центральнаго бассейна Франціи. Если они продолжаютъ оставаться въ своихъ деревняхъ, то лишь благодаря льготному желѣзнодорожному тарифу, которымъ они пользуются. Но отчего не предположить, что, во избѣжаніе всѣхъ трудностей подобнаго перѣзда, они не начнутъ затѣмъ переселяться цѣлыми массами? Какую ужасную пытку представляетъ для этихъ несчастныхъ необходимость оставаться въ теченіе девятнадцати часовъ внѣ своего дома!

Это отдѣленіе мѣстнаго производства отъ земледѣлія, представляющее само по себѣ одну изъ формъ раздѣленія труда, является одной изъ главныхъ причинъ бѣгства крестьянъ изъ деревни. Но имѣются и другія, довольно многочисленныя причины: 1) появленіе земледѣльческихъ машинъ, — какъ молотилки, жатвенныя машины, число которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ; по даннымъ статистики, ихъ было во Франціи:

до	4½ милліоновъ	въ	1892 г.
противъ	3.800.000	въ	1882 г.
и противъ	3.365.000	въ	1862 г.

Паровыхъ двигателей было:

	12.060	въ	1892 г.
противъ	9.288	въ	1882 г.
и »	2.849	въ	1862 г.

и, къ тому-же, Франція въ этомъ отношеніи стоитъ позади другихъ странъ. 2) Затѣмъ, какъ на одну изъ причинъ, нужно указать на сельско-хозяйственный кризисъ, вносящій вездѣ ужасъ и отчаяніе и заставляющій мало-по-малу обращать пастбища въ пахотныя земля; 3) наконецъ, разви-

тіе путей сообщенія, позволяющее подевщикамъ изъ крестьянъ за незначительную плату передвигаться съ мѣста на мѣсто и искать работы въ городѣ. Можно было бы привести много другихъ, болѣе второстепенныхъ причинъ, какъ, напримѣръ, преобразованія въ воинской службѣ, по всѣ онѣ не носятъ общаго характера, такъ какъ не имѣютъ примѣненія одновременно къ Англіи, Бельгіи и Голландіи, гдѣ, однако, бѣгство изъ деревень въ города наблюдается, какъ и всюду.

Если теперь перейти къ послѣдствіямъ этого движенія въ городѣ, то придется констатировать, что оно, съ одной стороны, ведетъ къ увеличенію безработицы, а съ другой—къ неизбежному развитію социализма. Тысячи работниковъ, стекающихся со всѣхъ концовъ, по всѣмъ проселочнымъ и желѣзнымъ дорогамъ, для того чтобы постучаться въ двери фабрики и увеличить число рабочихъ рукъ, способствуютъ все большему распространенію пауперизма. Менѣе требовательные, нежели коренные жители данной мѣстности, они мало-по-малу вытѣсняють послѣднихъ и побивають ихъ усѣбной конкуренціей, покуда сами въ свою очередь не будутъ побѣждены и вытѣснены другими, прибывшими на ихъ мѣсто. Въ то же время они увеличивають собой ряды социалистическаго пролетаріата, нисколько не заинтересованнаго въ поддержаніи существующаго строя, и угрожають существованію правящихъ классовъ.

Если даже эти земледѣльцы, оторванные отъ земли, но еще не прикрѣпленные окончательно къ фабрикѣ, если, какъ это происходило въ бельгійской Флавдріи, они по вечерамъ и возвращаются изъ города домой въ свои деревни, то все же для общества, видѣвшаго въ нихъ до сихъ поръ свою опору, они потеряны навсегда. Они, наоборотъ, становятся его наиболѣе опасными противниками, потому что, проникаясь новыми идеями, они привосятъ ихъ съ собой въ деревни, распространяють среди подевщиковъ, еще прикрѣпленныхъ къ землѣ. Увеличеніе числа социалистическихъ голосовъ въ часто крестьянскихъ округахъ (провинція Гандъ) представляетъ характерное явленіе.

То же явленіе наблюдается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ центрального бассейна, откуда жители отправляются ежегодно на работу въ Парижъ или другіе города.

Такимъ образомъ, ужасъ, въ который повергаетъ буржуазныхъ экономистовъ бѣгство сельскаго населенія изъ деревни въ городъ, воплѣтъ понятенъ.

VIII.

Противники социализма указываютъ, какъ на аргументъ противъ него, на сравнительную неподвижность земельной собственности. Они довольно охотно покидаютъ область промышленности, въ которой слишкомъ легко можно доказать процессъ непрерывной концентраціи, и обращаются къ земледѣлію.

Они рисуютъ типъ крестьянина, защитника классической парцеллы, неустанно округляющаго размѣръ своего имущества и все увеличивающаго число конфискованныхъ имъ земель; они ссылаются на ростъ этой сельской демократіи, которая дробитъ на части латифундіи прежнихъ временъ и обращается въ классъ самостоятельныхъ собственниковъ, враждебныхъ всякаго рода новшествами.

Выдвигаемая ими проблема весьма существенна и обширна. Если бы оказалось правильнымъ, что число землевладѣльцевъ все болѣе возрастаетъ, и что дробленіе на парцеллы совершается систематически по всей территоріи — то одно изъ положеній — и даже очень существенныхъ положеній марксистской доктрины — было бы отчасти опровергнуто. Оставалось бы, правда, доказать еще, что земледѣліе сохраняетъ преобладающую или рѣшающую роль въ экономической организаціи.

Что особенно бросается въ глаза съ перваго взгляда, это уменьшеніе населенія въ деревняхъ. Если бы число собственниковъ дѣйствительно увеличивалось, это сокращеніе деревенскаго населенія было бы необъяснимо.

Если бы сельская демократія не чувствовала себя въ опасности и не приходила бы въ ужасъ передъ ожидающей ее перспективой, она оставалась бы на землѣ, на которой сидитъ въ теченіе столѣтій вѣковъ. Но въ томъ то и дѣло, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго.

По наружному виду, поземельная собственность не испытала на себѣ тѣхъ рѣзкихъ измѣненій, которыя самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнили положеніе промышленности. По даннымъ статистики оказывается, что число владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ неизмѣнно, хотя и медленно, уменьшается.

Въ 1862 г. ихъ было	3.799.000
» 1882 г.	3.525.000
» 1892 г.	3.387.000

Такимъ образомъ, экспроприація совершается, хотя и не безъ колебаній.

Наряду съ этимъ движеніемъ, замѣчается и другое, не менѣе достойное вниманія: общая площадь самой мелкой земельной собственности, величиной съ «носовую платокъ», какъ говорятъ французы, увеличивается такъ же, какъ на противоположномъ полюсѣ увеличивается площадь очень крупной собственности, между тѣмъ какъ площадь участковъ средней величины уменьшается.

На основаніи этихъ данныхъ позволительно заключить, что нѣтъ никакого застоя въ движеніи собственности, и что вмѣсто дробленія на мелкія части замѣчается скорѣй концентрація собственности. Но это еще не все, такъ какъ съ большою наглядностью отсюда вытекаютъ и другіе выводы, которые К. Каутскій въ своей книгѣ «Аграрный вопросъ» обнаружилъ съ удивительной ясностью мысли.

Мелкая и крупная земельная собственность, величиною отъ 1 до 100 гек-

таровъ; проявляетъ тенденцію къ сокращенію. Она не въ состояніи болѣе бороться съ самой крупной собственностью, которая вооружается могущественными капиталами, приспособляется къ техническимъ способамъ обработки, располагаетъ усовершенствованными орудіями производства. Мы уже указали, съ какой быстротой развивалось усовершенствованіе механическихъ аппаратовъ во Фравціи. Не менѣе поразительны ихъ успѣхи въ Германіи. Повсюду однѣ и тѣ же причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія, то есть, гибель средней собственности. Какимъ образомъ послѣдняя могла бы, въ самомъ дѣлѣ, устоять, съ одной стороны, противъ конкуренціи латифундій, а съ другой—противъ кризиса, охватившаго весь міръ? Пользуясь покровительствомъ законовъ о хлѣбныхъ пошлинахъ, ведя интенсивное хозяйство, крупный землевладѣлецъ можетъ еще оттянуть моментъ своего разоренія, но тѣмъ, которые рядомъ съ нимъ обрабатываютъ лишь нѣсколько гектаровъ, ничего больше не остается, какъ покинуть свою землю или ограничиться потребленіемъ своихъ собственныхъ продуктовъ; они должны отказаться отъ продажи своихъ продуктовъ, ибо ихъ хлѣбъ обходится дороже привезеннаго изъ Россіи или Америки, а ихъ масло вытѣсняется на рынкѣ его суррогатомъ; для изготовленія ихъ наука придумываетъ все новые и новые способы.

Наряду съ очень крупной собственностью уживается и самая мелкая—явленіе, нѣсколько странное, но тѣмъ не менѣе, легко объяснимое. Поденщики, привлекаемые городскимъ заработкомъ, все болѣе и болѣе отказываются работать на землѣ у капиталиста, владѣющаго нѣсколькими сотнями гектаровъ. Чтобы удержать при себѣ работниковъ, которыхъ машина не можетъ вполне замѣнить, онъ облегчаетъ имъ возможность обзавестись крохотными участками земли; этотъ ничтожный клочекъ земельной собственности ставится для него священнымъ, ибо въ ней онъ видитъ условіе своего благосостоянія и господства. Такимъ образомъ, всѣ эти безчисленныя мелкія хозяйства располагаются вокругъ огромнѣйшихъ владѣній помѣщика, подобно крестьянскимъ хижинамъ, окружавшимъ нѣкогда среднефѣодальные замки. На самомъ же дѣлѣ, всѣ эти мелкіе землевладѣльцы, съ ихъ крайне непрочнымъ положеніемъ, являются тѣми же пролетаріями, но лишь въ нѣсколько замаскированной оболочкѣ.

Такимъ образомъ, если подвергать цифры анализу вмѣсто того, чтобы оказывать имъ слѣпое довѣріе, то придется заключить, что въ дѣйствительности экономическое развитіе въ области земледѣлія ничуть не уклонилось отъ общей эволюціи и не приняло обратнаго направленія. Одинъ и тотъ же законъ развитія производительныхъ силъ господствуетъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Когда удастся сорвать обманчивую оболочку съ современнаго общества и проникнуть въ глубь его, взору открывается поразительныя перспективы. Такъ, на примѣръ, мы иногда задумываемся надъ ужаснымъ бременемъ ипотечныхъ долговъ, которые лежатъ на земельной собственности. Ея юридическому хозяину осталось одно лишь пользоваться ею, или, въ сущности даже, онъ обрабатываетъ ее лишь для другого. До тѣхъ поръ, покуда въ каждой странѣ не будетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ под-

считана вся сумма ипотечныхъ долговъ, до тѣхъ поръ всѣ выводы въ этой области нужно считать наивными и призрачными. Каутскій сообщаетъ, что въ Пруссіи, за время отъ 1886-го до 1895-го года, этотъ долгъ увеличился на полтора миллиарда. Какому числу отдѣльныхъ экспропріацій соотвѣтствуетъ подобное увеличеніе?

Это, однако, не все. Земледѣліе, пользовавшееся независимостью приблизительно до 1880 го года, все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ вліяніе промышленности. И не только въ томъ отношеніи, что оно теряетъ своихъ работниковъ: самый характеръ его измѣняется. Эволюція общества, какъ замѣчено нѣкоторыми, возвращается къ первоначальной точкѣ своего отаравленія. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что земледѣльческая дѣятельность становится въ связь съ дѣятельностью мануфактурной, съ той, однако, разницей, что теперь онѣ обмѣнялись своими ролями.

Тотъ, кто занимается разведеніемъ бураковъ, служитъ рабочимъ на сахарномъ заводѣ, кто занимается производствомъ хмеля и ячменя, находится въ зависимости отъ пивовареннаго завода; винокуренные и крахмальные заводы, молочныя заведенія и консервные фабрики—представляютъ собою капиталистическіе очаги, вокругъ которыхъ гнѣздятся, въ полномъ подчиненіи у нихъ, мелкія и среднія предпріятія; и достаточно было бы провести социализацію сооруженій, установленныхъ въ латифундіяхъ или воздвигнутыхъ крупнымъ фабричнымъ капитализмомъ, для того чтобы однимъ ударомъ было подвергнуто той же социализаціи громадное число земельныхъ участковъ мелкихъ собственниковъ.

Буржуазные экономисты, указывающіе, въ опроверженіе марксизма или коммунистическихъ теорій, на застой въ области земледѣлія, обнаруживаютъ полнѣйшую слѣпоту въ отношеніи явленій, бьющихъ въ глаза своей очевидностью. По невѣжеству или недобросовѣстности, они продолжаютъ топтаться въ тѣсномъ кругу давно отжившихъ понятій, опровергаемыхъ на каждомъ шагу самой дѣйствительностью. Въ заключеніе, приходится признать, что переворотъ въ промышленности неуставно вырабатываетъ матеріальныя условія осуществленія будущаго социалистическаго строя.

IX.

Международное объединеніе пролетаріевъ, провозглашенное Марксомъ и Энгельсомъ въ послѣдней фразѣ «Коммунистическаго Манифеста» 1848 года, все болѣе готовится самимъ ходомъ экономической жизни. Повсюду, куда проникаетъ капитализмъ, гдѣ появляются фабричныя трубы, гдѣ населеніе скучивается вокругъ кузницъ и ремесленныхъ станковъ,—создается почва для развитія классоваго антагонизма. Современная социальная проблема рождается повсюду при однихъ и тѣхъ же условіяхъ; ходъ развитія повсюду одинаковъ и исключаетъ какія бы то ни было фантазіи и отклоненія въ сторону. Но онъ

становится болѣе послѣднимъ въ странахъ, гдѣ капиталистическая промышленность привилась сравнительно позднѣе. Въ то время какъ въ Западной Европѣ потребовалось для ея расцвѣта нѣсколько десятилѣтій, она чрезвычайно быстро пробѣгаетъ всѣ этапы своего развитія въ Японіи и Россіи, гдѣ капиталисты сразу обзаводятся наиболѣе усовершенствованными орудіями производства.

Болѣе полувѣка тому назадъ идея о междувародномъ соглашеніи пролетаріевъ, которое привѣтствовалось уже и Прудономъ, казалась мечтой, осуществимой лишь въ очень отдаленномъ будущемъ. Въ то время однѣ только Франція и Англія бросились въ водоворотъ крупнаго производства. Ни Германия, ни Бельгія, ни Швейцарія, ни скандинавскія государства, ни Америка, ни Россія, не принимали еще участія въ капиталистическомъ производствѣ. Въ настоящее время новѣйшая цивилизація уравнила страны обоихъ полушарій. Буржуазія французская, авглійская, нѣмецкая, въ жадной погонѣ за сбытомъ своихъ товаровъ, завладѣла, путемъ насильственного захвата или съ помощью дипломатіи, огромными пространствами земли въ Азійи и Африкѣ. Колонизація, имѣющая цѣлью продолжити могущество и благосостояніе правящихъ классовъ, положила начало пролетарскимъ арміямъ на сѣверѣ и югѣ, на берегахъ китайскихъ водъ и на далекихъ островахъ Тихаго океана. Рабочій классъ, лишенный своихъ орудій производства, получающій различную заработную плату, очень низкую въ Индіи и въ Японіи, довольно высокую въ Австраліи и Калифорніи, но всюду угрожаемый безработицей, попадаетъ въ заколдованный кругъ, а капиталистическая организація вытѣсняетъ всѣ пережитки предшествовавшихъ ей общественныхъ формъ. Она охватила собой всѣ материкъ, всѣ обитаемые острова, подобно тому, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ феодальная организація охватила Европу, начиная съ Испаніи и кончая Россіей.

Но всемірная побѣда капитала вызываетъ противъ него всемірную же реакцію, въ формѣ могучаго интернаціональнаго движенія пролетаріата. Работники всѣхъ странъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе провикаются сознаниемъ тѣсной солидарности, которая соединяетъ ихъ межъ собой черезъ моря, рѣки и горы. Они знаютъ, что человѣчество вовсе не разбито на отдѣльныя части или кантоны, изолированныя другъ отъ друга, они это слишкомъ больно чувствуютъ на себѣ, когда, напримѣръ, перепроизводство въ Америкѣ вызываетъ кризисъ въ Австріи или Бельгіи. Они прекрасно замѣчаютъ, какъ время отъ времени, во избѣжаніе слишкомъ убыточной конкуренціи, крупные промышленники двухъ или нѣсколькихъ странъ вступаютъ непосредственно или дипломатическимъ путемъ въ переговоры о соглашеніи межъ собою. И такимъ образомъ новѣйшій характеръ современнаго рынка, національныя рамки котораго давнымъ давно разбиты и уничтожены, бросается имъ въ глаза прежде всего. Почему бы поэтому бросельской конвенціи сахарозаводчиковъ, на которую приглашаются капиталисты почти всѣхъ крупныхъ государствъ, не

дать соответственнаго отпора въ рабочей средѣ большихъ и малыхъ государствъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ?

Пролетаріи повсюду живутъ въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ. Подобно тому, какъ русское фабричное производство напоминаетъ каждой своей чертой производство въ Испаніи или Италіи, рабочій металлургическаго завода въ Гессенѣ (Германія) могъ бы работать и на заводѣ Крезе во Франціи или Scraing'a—въ Бельгіи, почти не замѣчая разницы въ своемъ положеніи. Международная зависимость, установившаяся между націями, которыя являются теперь не болѣе, какъ частями одного цѣлаго, создала мало-по-малу экономическое объединеніе всего міра. Развитіе производительныхъ силъ гораздо болѣе способствовало достиженію этихъ результатовъ, еще не получившихъ яснаго отраженія въ области морали, чѣмъ всѣ предсказанія наиболѣе великодушныхъ философовъ. И такимъ образомъ пролетаріатъ, нѣкогда раздробленный, разъединенный, неуклонно собираетъ воедино свои разрозненные части.

X.

Борьба, которую ведетъ рабочій классъ противъ капиталистическаго строя, выражается въ двухъ различныхъ формахъ: съ одной стороны, рабочіе соединяются въ профессиональные союзы, устраиваютъ кооперативныя общества и общества взаимопомощи, съ другой стороны—они ведутъ политическую агитацию и стремятся увеличить число своихъ представителей въ парламентахъ.

Въ настоящее время насчитывается болѣе шести милліоновъ работниковъ обоюго пола, организованныхъ въ синдикаты, которые выступили почти повсюду, организуя въ однихъ странахъ подъ покровительствомъ законодательства, а въ другихъ—наперекоръ всякимъ препятствіямъ, которыя администрація старалась ставить ихъ распространенію. Цыфра шесть милліоновъ дана экономистомъ Жидомъ въ его докладѣ, уже цитированномъ нами выше, и, надо полагать, цыфра эта скорѣе ниже дѣйствительной. Въ одной только Англіи числится до 2-хъ милліоновъ организованныхъ рабочихъ; въ Сѣверной Америкѣ—ихъ насчитываютъ до 1.600.000; въ Германіи—до 1.000.000, во Франціи ихъ болѣе полумилліона, и въ Даніи, которая, пропорціонально съ другими странами, занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто, ихъ имѣется болѣе 100.000.

Это гигантское движеніе, которое, собственно говоря, началось лишь недавно, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ государствъ,—развивается все болѣе и болѣе съ головокружительной быстротой. Можно, конечно, указывать на сравнительно незначительный процентъ лицъ, вступившихъ въ синдикаты, даже наиболѣе многочисленныя, какъ напр., въ горномъ дѣлѣ, въ текстильной, въ металлургической промышленности. Можно напоминать о томъ, что число организованныхъ рабочихъ составляетъ не болѣе, какъ треть или пятую часть общаго числа рабочихъ. Но справедливость требуетъ сопоставить и сличить

то, что мы видимъ теперь, съ тѣмъ, что было тридцать лѣтъ тому назадъ—и тогда контрастъ получается поразительный!

Синдикаты не замыкаютъ себя рамками собственного, изолированнаго отъ всего окружающаго существованія; они согласуютъ свои дѣйствія съ дѣйствіями другихъ синдикатовъ, принимая участіе то въ общихъ союзахъ, то выступая на «биржахъ труда», представляющихъ собой какъ бы нервныя центры рабочихъ организацій, все болѣе и болѣе возрастающіе въ числѣ (во Франціи ихъ болѣе 80); наконецъ, синдикаты входятъ въ сношенія съ иностранными синдикатами и такимъ образомъ вкладываютъ реальное содержаніе въ идею интернаціональной солидарности пролетаріевъ.

Сила ихъ матеріальнаго и духовнаго вліянія громадна; она все болѣе и болѣе возрастаетъ и теперь ужъ никѣмъ не оспаривается. Повсюду, гдѣ бы они ни выступали—для организаціи ли стачки, или при заключеніи дѣла по обоюдному соглашенію, они добиваются повышенія заработной платы и улучшенія общихъ условій труда. Всякаго рода подчиненныя имъ учрежденія, которыя они организуютъ вокругъ себя, разнаго рода лекціи, библіотеки, товарищескія кассы и т. п. способствуютъ укрѣпленію боевой энергіи рабочаго класса. Въ то же время профессиональная организація развиваетъ въ рабочемъ классѣ большую степень сознанія своей солидарности и своего достоинства и закаляетъ для будущаго его духовную мощь, выдвигая въ передніе ряды людей, наиболѣе достойныхъ и талантливыхъ; даже писатели, защищающіе буржуазный порядокъ, принуждены признать высокія качества англійскихъ трэдъ-юніоновъ.

Кооперація—по крайней мѣрѣ, потребительная кооперація—оказываетъ не меньшія услу и рабочему классу. Она не только является для него лишнимъ средствомъ объединенія, но тамъ, гдѣ она достигаетъ максимума своего распространенія—какъ наприимѣръ, въ Бельгіи, гдѣ 189 кооперативныхъ учреждений насчитываютъ около 90.000 членовъ и совершаютъ десятки миллионовъ сдѣлокъ—кооперація является главнымъ нервомъ соціалистической пропаганды, потому уже, что она снабжаетъ организацію деньгами, отсутствіе которыхъ такъ сильно даетъ себя чувствовать во Франціи, Итали и другихъ странахъ, особенно наканунѣ избирательной кампаніи. Если бельгійская рабочая партія имѣетъ въ парламентѣ представителей, выдѣляющихся изъ общей массы, то она обязана этимъ успѣхомъ своимъ коопераціямъ, какъ *Vooruit*, *Maison du Peuple*, *Progrès de Jolimont*, жертвующимъ на афиши, брошюры и организаціи собраній большую часть своихъ доходовъ.

Итакъ, экономическую организацію пролетаріата ни въ комъ случаѣ нельзя признать безсильной. Она—плодотворна по своимъ результатамъ, она необходима для рабочаго дѣла. Но, съ другой стороны, тѣ, которыхъ ослѣплить ея значеніе, которые готовы все свести къ экономической организаціи пролетаріата и приписать ей первенствующую роль въ его освободительномъ движеніи, рискуютъ впасть въ очень опасныя заблужденія.

Коммуна 1871 года окончательно осудила прудонизмъ, но онъ возродился

вновь въ формѣ синдикализма, который консерваторы пытались использовать и приспособить къ своимъ цѣлямъ. Рабочихъ старались всячески убѣдить въ томъ, что они имѣютъ полную возможность безконечно улучшать свою судьбу, организуясь въ профессиональные союзы, кооперации, общества взаимопомощи. На этой почвѣ Бернштейнъ встрѣтился съ публицистами, которые отнюдь не считаютъ себя, какъ онъ, приверженцами социализма, и, наоборотъ, нисколько не скрываютъ своего намѣренія бороться противъ него.

Нѣкоторые писатели-анархисты упрекали синдикаты и кооперации въ томъ, что они какъ бы создали почву для возникновенія своего рода рабочей аристократіи и этимъ внесли расколъ въ ряды пролетаріата. Не подлежитъ сомнѣнію, что синдикаты выдвигаютъ цѣлую особую категорію выборныхъ лицъ, какими являются управляющіе, секретари, администраторы; не подлежитъ сомнѣнію и то, что въ союзахъ, въ биржахъ труда и т. д. принимаетъ участіе лишь меньшинство всѣхъ организованныхъ рабочихъ, и что это меньшинство вербуетъ, главнымъ образомъ, среди наименѣе обездоленныхъ членовъ рабочаго класса. Но принимая въ соображеніе, что въ профессиональной средѣ выполненіе тѣхъ или другихъ функцій не назначается по произволу и не дается пожизненно, нетрудно понять, что это никоимъ образомъ не можетъ повести къ созданію особой касты правителей. Перемены и колебанія слишкомъ часты въ этой средѣ, чтобы подобная опасность могла казаться неизбежной. Что касается другой упрёка по адресу синдикатовъ, то онъ, главнымъ образомъ, былъ внушенъ изученіемъ американскихъ трэдъ-юнионовъ, которые проводятъ различіе между квалифицированнымъ трудомъ и неквалифицированнымъ. Но, въ сущности, рабочіе сами должны слѣдить за предупрежденіемъ подобныхъ явленій, имъ однимъ принадлежитъ право надзора, и они должны уничтожать всякаго рода исключительныя положенія и преимущества, стараясь вербовать какъ можно большее число членовъ въ свои синдикаты. Ни въ какомъ случаѣ размѣръ членскаго взноса не долженъ служить основаніемъ для исключенія кого бы то ни было.

Съ гораздо болѣе рѣзкой и болѣе обоснованной критикой слѣдовало бы выступить противъ синдикатовъ и кооперативныхъ обществъ, если бы они дѣйствительно стали претендовать на разрѣшеніе социальнаго вопроса. Мы уже указали, въ чемъ ихъ назначеніе: цѣль ихъ—упрочивать взаимную связь между пролетаріями и готовить ихъ къ борьбѣ; но и синдикаты и кооперации остаются одинаково безсильными передъ задачей коренного преобразованія общества и сверженія гнета капитализма, ибо они создаются и развиваются въ рамкахъ самого существующаго строя. Они могутъ заключать въ себѣ значительное большинство или даже цѣликомъ состоять изъ гражданъ, стоящихъ за коренное измѣненіе современнаго способа присвоенія; но сами собой, своими собственными силами, они не въ состояніи добиться того, чтобы частная собственность стала общественной, или чтобы всякаго рода машины были переданы въ руки коллективнаго цѣлаго. Подобная революція будетъ возможна лишь въ силу захвата политической власти, и вотъ почему остаются въ силѣ

положенія Маркса и Энгельса, а также и всѣхъ рабочихъ партій Старога и Новаго Свѣта, относительно того, что политическая организація пролетаріата должна стоять выше его экономической организаціи.

XI.

Вотъ уже болѣе четверти вѣка, какъ рабочій классъ борется за завоеваніе депутатскихъ мѣстъ въ парламентахъ. Онъ успѣлъ въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Итали, захватить въ свои руки извѣстное число избираемыхъ округовъ и избрать депутатовъ, на когорыхъ возложена обязанность защищать исключительно его интересы. Обыкновенно кандидаты выступаютъ съ вполнѣ опредѣленными программами, которыя обязательно включаютъ въ себѣ принципиальныя положенія, принятыя на интернаціональныхъ конгрессахъ. Избранные представителями своей партіи, они обыкновенно составляютъ особую классовую фракцію, стоящую отдѣльно отъ всѣхъ другихъ парламентскихъ группъ.

Парламентаризмъ или, вѣрнѣе, парламентская дѣятельность, наряду съ несомнѣнными преимуществами, представляетъ и нѣкоторыя опасности, на которыя неоднократно и не безъ основанія указывали анархисты. Въ палатахъ депутатовъ создается специальная атмосфера, въ которой процвѣтаетъ торгашество всякаго рода, гдѣ мѣстные интересы борются противъ интересовъ общаго характера, гдѣ самая строгая честность можетъ быть поколеблена въ этой тинѣ повседневныхъ дразгъ и интригъ. Опасность особенно грозить депутату-соціалисту въ виду того, что буржуазныя партіи всегда ищутъ случая присоединиться къ могущественной въ моральномъ и матеріальномъ отношеніяхъ партіи работниковъ. Современныя правительства обладаютъ многочисленными средствами для того, чтобы путемъ подкупа вліять на выборы и преодолевать всякаго рода препятствія.

Въ парламентской средѣ честность представителей рабочей партіи подвергается, такимъ образомъ, каждый день самымъ тяжелымъ испытаніямъ, а между тѣмъ, на нихъ возлагаютъ свои надежды миллионы обездоленныхъ. Стоить имъ войти въ какую нибудь сомнительную сдѣлку—и всей будущности соціализма будетъ нанесенъ серьезный ударъ, отъ котораго онъ долгое время не сможетъ оправиться. Стоитъ какому нибудь министру или чѣлому министерству заручиться постоянной поддержкой представителей коллективизма или коммунизма,—какъ этому министерству представляется полная возможность дискредитировать своихъ помощниковъ, какъ бы искренни ни были ихъ намѣренія, и въ то же время убить въ массѣ всякое довѣріе къ легальной агитаціи. Никогда національные совѣты партіи и вся масса пролетаріевъ не смогутъ установить достаточно строгаго контроля надъ каждымъ голосованіемъ и каждымъ дѣйствіемъ делегатовъ въ ихъ законодательной

работѣ; никогда сами делегаты не смогутъ достаточно бережно охранить себя отъ всякихъ козней и компромиссовъ.

Если пролетаріатъ дѣйствительно разсчитываетъ захватить въ свои руки политическую власть, дѣйствуя быстрымъ натискомъ, то онъ долженъ отказаться отъ всякаго соприкосновенія съ элементами буржуазіи. Антагонизмъ классовъ не замѣнится сотрудничествомъ классовъ, ибо это сотрудничество уже показало себѣ цѣну въ 1848 году, въ періодъ между февральской революціей и іюньскими днями. Если Вернштейнъ подвергся такимъ сильнымъ нападкамъ со стороны критики, то потому лишь, что онъ покушался подорвать одну изъ основъ интернаціональной доктрины, предлагая социализму отказаться отъ систематической борьбы противъ либеральныхъ движеній буржуазіи. Нѣкоторые пытались различать среди господствующаго класса различные элементы и считали, что необходимо войти въ соглашеніе съ наиболѣе передовыми изъ нихъ, съ тѣми, которые выставляютъ въ числѣ своихъ требованій—введеніе подоходнаго налога и свѣтскаго преподаванія. Отсюда до участія социалистовъ въ центральномъ правительствѣ или, что то же, до прикрѣпленія ихъ къ капиталистическому порядку—одинъ только шагъ. И дѣйствительно, начало XX столѣтія явило намъ удивительное зрѣлище участія коллективистовъ въ голосованіи противъ коллективизма, или, что еще лучше, въ поддержкѣ бюджета исповѣданій, и, наконецъ, въ торжественномъ приѣмѣ, отъ имени французскаго государства, европейскаго деспота. Германія создала теорію, которую Франція примѣнила на практикѣ.

Социализмъ, беспорро, имѣетъ своей задачей защиту свободы и равенства гражданъ каждый разъ, когда имъ угрожаетъ опасность со стороны соединенныхъ силъ реакціи. Если при извѣстныхъ обстоятельствахъ, когда приходится вести борьбу, какъ, напримѣръ, во французской палатѣ,—противъ опасныхъ диктаторскихъ попытокъ или въ германскомъ рейхстагѣ—противъ аграріевъ, въ Италіи—противъ ненависти ко всему французскому, въ Брюсселѣ—противъ мракобѣсія католичества, если во всѣхъ такихъ случаяхъ бюллетени пролетарскихъ депутатовъ смѣшиваются съ бюллетенями либераловъ или радикаловъ, то въ этомъ надо видѣть лишь чисто-временное явленіе, результатъ чисто-случайнаго соглашенія. Но соглашеніе продолжительное было бы преступленіемъ, ибо оно можетъ быть основано только на недоразумѣніи и сводиться только къ обману. Какъ справедливо указалъ Каутскій, объединеніе демократическихъ фракцій, въ которомъ социализмъ принимаетъ офиціальное участіе, всегда ведетъ лишь къ большому укрѣпленію капиталистическихъ основъ, какими бы вѣшними формами это объединеніе ни прикрывало себя.

Въ противоположность взглядамъ Вернштейна, коллективистская доктрина исключаетъ какой бы то ни было либерализмъ, потому что онъ ведетъ къ сохраненію существующаго хозяйственнаго строя, тогда какъ коллективизмъ вступаетъ въ самую рѣшительную борьбу съ современными условіями производства. Если рабочій классъ посылаетъ въ палаты своихъ

уполномоченныхъ, то не за тѣмъ, чтобы они вступили въ союзъ со своими противниками и этимъ упрочили бы ихъ позицію, а за тѣмъ, чтобы на каждомъ шагѣ они призывали къ необходимости кореннаго преобразованія общества и къ все большей организаціи массы наемныхъ рабочихъ.

Если какая нибудь буржуазная фракція, въ порывѣ ли самоотреченія, или въ виду болѣе яснаго проникновенія въ судьбы будущаго или, наконецъ, вслѣдствіе слишкомъ яснаго пониманія всей непрочности современнаго порядка вещей, захочетъ перейти на сторону пролетаріата, то онъ готовъ будетъ принять ее, какъ принималъ не разъ въ свою среду отдѣльныхъ лицъ или группы лицъ, предпочитавшихъ сократить время перехода къ новому строю. Во всѣ выдающіеся моменты исторіи, въ исторіи грековъ, римлянъ, наканунѣ революціи 1789 г., бывали подобные примѣры личныхъ или групповыхъ переходовъ, которые вносили внезапное разстройство въ ряды правящихъ классовъ. И всегда они служили явнымъ симптомомъ приближенія грядущаго строя.

XII.

Въ наше время принято за обыкновеніе противопоставлять другъ другу социализмъ реформистскій и социализмъ революціонный. На самомъ дѣлѣ, никакого реформистскаго социализма не можетъ быть, ибо по своей сущности и по самому своему опредѣленію социализмъ всегда революціоненъ. Эпитетъ «революціонный» не означаетъ, что пролетаріатъ долженъ достигнуть своихъ конечныхъ цѣлей непременно посредствомъ насилія и кроваваго переворота; это слово означаетъ лишь, что коммунизмъ добывается глубокаго и всеобъемлющаго преобразованія системы собственности, являющейся основой всего режима, а также, что рабочій классъ добывается полнаго захвата политической власти.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ во всѣхъ государствахъ Стараго и Новаго Свѣта, какъ республиканскихъ, такъ и монархическихъ, правительства успѣли создать цѣлую систему регламентаціи труда и ввели, въ томъ же другомъ видѣ, системы страхованія рабочихъ. Эти новые законы, ставящіе государство въ нѣкоторую зависимость отъ фабричной демократіи, вездѣ не являлись результатомъ абстрактнаго или сантиментальнаго пониманія идей справедливости и человѣческой солидарности. Въ Германіи и Австріи они пытались дать отпоръ социализму, обѣщая массамъ соблазнительную защиту сверху; во Франціи, Бельгіи, Италіи, они были созданы подъ давленіемъ социализма. Сознательному и организованному пролетаріату нѣтъ никакого основанія отказываться отъ этихъ мѣропріятій, ведущихъ къ ограниченію рабочаго дня, къ созданію лучшихъ гигиеническихъ условій или къ обезпеченію куска хлѣба на время старости, какъ бы ничтожна ни была прирѣждаемая ему рента.

Каждый разъ, когда какой нибудь канцлеръ или министръ предлагалъ на

обсужденіе проектъ рабочаго законодательства, депутаты-соціалисты старались какъ можно болѣе расширить его рамки, и, когда имъ это не удавалось, они все же вотировали за проектъ, чтобы нанести этимъ поражение своимъ противникамъ, т. е. аграріямъ или представителямъ крупной промышленности. Всякая реформа, ведущая къ улучшенію общихъ условій труда, увеличиваетъ боевую энергію пролетаріата. Въ странахъ, гдѣ пролетаріатъ наиболѣе подавленъ, какъ, напримѣръ, въ Россіи и въ Испаніи, онъ менѣе энергично ведетъ свою борьбу съ существующимъ строемъ. Онъ можетъ, конечно, внезапно подняться подъ давленіемъ своей нищеты, устроить бунтъ, въ порывѣ голоднаго отчаянія, но вслѣдъ за тѣмъ онъ впадаетъ въ прежнее рабское состояніе, не будучи способнымъ вести сознательную, планомерную борьбу.

Такимъ образомъ, соціалистическая партія стоитъ за всякаго рода реформы; мало того, она ихъ сама проводитъ, и фактически дѣло всегда обстоитъ такъ, что, если бы не ея постоянно угрожающее присутствіе, то рабочее законодательство не двигалось бы съ мѣста или не существовало бы вовсе.

Но она совершила бы непоправимую ошибку, если бы рассчитывала путемъ частичныхъ реформъ добиться полного экономическаго освобожденія пролетаріата.

Что бы тамъ ни говорилъ Вершгейнъ, его утвержденіе—«движеніе—это все»—неправильно. Какъ бы интенсивно оно ни было, оно не можетъ заслонить собой вопроса о конечной цѣли.

XIII.

Тутъ не мѣсто разсматривать вопросъ о цѣлесообразности всеобщей стачки. Въ принципѣ нельзя ее ни одобрять, ни осуждать; она представляетъ опасности, если, въ виду недостаточной предварительной подготовки и неумѣлой организаци, она принимаетъ форму буйныхъ и безцѣльныхъ беспорядковъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она является однимъ изъ наиболѣе могущественныхъ орудій, предоставленныхъ промышленнымъ развитіемъ въ руки рабочихъ. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что публицисты середины прошлаго вѣка никогда въ своихъ писаніяхъ не разсматривали вопроса о совмѣстномъ прекращеніи работы милліонами людей, останавливающими всякую дѣятельность и парализующими нормальное теченіе національной и интернаціональной жизни государствъ. Это объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что понятіе всеобщей стачки можетъ отвѣчать лишь высокой степени экономическаго развитія, характеризуемаго усиленной концентраціей капиталовъ и рѣзко опредѣлившимся классовымъ самосознаніемъ.

Явленія эти съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развиваются въ Западной Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Когда они постепенно вытѣсняютъ собой всѣ другія, противоположныя имъ черты, пока еще уживающіяся рядомъ съ ними, то организованная прекращенія работъ и остановка машинъ во всѣхъ

больших и малых центрах явятся сами собой, логическимъ слѣдствіемъ происшедшихъ измѣненій въ области экономическихъ отношеній.

XIV.

Какимъ образомъ пролетаріатъ овладѣетъ государственной властью, и въ чемъ должны будутъ заключаться первые шаги его дѣятельности? Это для насъ еще не такъ существенно. Въ свое время Кабэ, какъ теперь Деливьеръ, пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ спустя, пытался начертать пролетаріату программу его ближайшихъ дѣйствій. Для того чтобы пускаться въ предвидѣнія подобнаго рода, нужно было бы знать, какую борьбу ему придется выдержать, какую поддержку, какія уступки или, напротивъ, какую ярую оппозицію онъ встрѣтитъ.

Единственное, что можно предусмотрѣть, это то, что первымъ и самымъ важнымъ его декретомъ, тѣмъ, безъ котораго всѣ остальные были бы заранее сведены къ нулю, явится социализація орудій производства.

Но въ то же время пролетаріа удивятъ мѣръ своей гуманностью. Они докажутъ, что борются не затѣмъ только, чтобы на мѣсто одного класса поставить у власти другой, но затѣмъ, чтобы положить конецъ и всякаго рода классовымъ различіямъ, всякой оппозиціи, всякой социальной ненависти, которая поддерживалась и обострялась лишь капитализмомъ.

XV.

Маркса и Энгельса упрекали въ томъ, что они ошиблись въ предсказаніи момента наступления коммунистическаго строя.

По этому поводу очень снисходительно разсуждаетъ въ своей книгѣ Бернштейнъ. Но самъ онъ дѣлаетъ болѣе существенную и по своимъ послѣдствіямъ болѣе заслуживающую осужденія ошибку, когда совершенно произвольно преувеличиваетъ силу сопротивленія господствующаго класса.

Совершенно вѣрно, что пролетаріатъ раздѣленъ на части, изъ которыхъ одна сознательна и организована, а другая еще невѣжественна и аморфна. Но первая съ каждымъ днемъ все увеличивается на счетъ другой, и именно это-то увеличеніе сознательной его части и составляетъ главную задачу политической и экономической пропаганды социализма.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
✓ Бабефъ и его школа	9
«Манифестъ Равныхъ»	11
Сень-симонистская школа	18
Фурье	31
✓ Консидерапъ	48
✓ Пьеръ Леру	55
✓ Луи-Бланъ	58
✓ Франсуа Видалъ	75
✓ Пеккеръ	84
✓ Кабэ	95
✓ Прудонъ	102
✓ Вланки	120
Коммунистическій манифестъ	127
Международное общество рабочихъ и Коммуна	131
Рабочая партія	134
Интеграллисты	144
Государство будущаго	152
Критика и заключенія	159

35222/
12.